
И 66/490
роицкой Сергїевой Лавры
вная библїотека.
Опись ҂ацѕ г.
Отдѣлъ 10
№ 3673

ПРОГУЛКА
СЪ ДѢТЬМИ
ПО
КІЕВУ.
ПАМЯТНИКЪ СВ. ВЛАДИМИРА
ЗОЛОТЫЯ ВОРОТА
СОФІЙСКІЙ СОБОРЪ
ОБСЕРВАТОРІЯ
УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМІРА

ПРОГУЛКА
СЪ ДѢТЬМИ ПО КІЕВУ.

СОЧИНЕНІЕ

Л. Ярцовой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.
Коммиссіонера Императорскаго Казанскаго Университета.
1859.

От С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. 27 Февраля 1857 года.

Цензор *Карповъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Желая познакомить юныхъ читателей моихъ съ древностію знаменитаго Кіева, старалась я, въ бытность мою тамъ, замѣтить очаровательныя мѣстоположенія горъ и урочищъ, чтобы къ описанію мѣстности присоединить слегка сдѣланный историческій обзоръ болѣе извѣстныхъ достопримѣчательностей, для чего воспользовалась недавно вышедшею книгою: «Путешествіе къ Св. Мѣстамъ Русскимъ», Кіевъ, *г. Муравьева, также* «Паломникъ Кіевскій», *г. Максимовича, и другими, стараясь сообразить различныя свѣдѣнія и составить изъ нихъ одно самое легкое понятіе, достаточное, по моему мнѣнію, для тѣхъ юныхъ читателей, которымъ посвящается эта книга.*

Желаю отъ всей души, чтобы «Панорама Кіева» *принесла такую же пользу милымъ дѣтямъ, какъ описанныя въ ней дѣдушкины бесѣды —*

его слушателямъ, наравнѣ съ прежнею моею книгою: «Полезное чтенie для дѣтей», *которая такъ лестно одобрена нелицемѣрною похвалою невинныхъ и чистыхъ душъ. И тогда труды мои будутъ вполнѣ вознаграждены.*

ВСТУПЛЕНІЕ.

Тамъ, въ благословенномъ климатѣ Южной Россіи, въ древнемъ, знаменитомъ и святомъ градѣ Кіевѣ, на высокой горѣ, которая спускается отлого и ложится долиною къ подножію Крещатика, какъ бы смиряя величіе свое предъ тѣмъ мѣстомъ, откуда возсіялъ свѣтъ на всю Россію, тамъ, на этой горѣ, подлѣ самаго края крѣпостныхъ бастіоновъ, идущихъ уступами внизъ, близъ того мѣста, гдѣ теперь воздвигнутъ великолѣпный католическій костелъ, стоялъ нѣкогда очень хорошенькій, но небольшой домикъ, обозначая своею постройкою, что климатъ Кіева былъ прежде и еще жарче и еще лучше, нежели въ наши годы (хотя и теперь онъ приводитъ въ восторгъ пріѣзжающихъ туда изъ сѣверной столицы).

Домъ этотъ былъ съ плоскою кровлею, наманеръ итальянскихъ построекъ, гдѣ (въ Италіи) хорошей погоды бываетъ гораздо болѣе, нежели дурной, и столь необыкновенная крышка, обнесенная красивыми перилами, составляла настоящую возвышенную террасу; а въ срединѣ ея поднималась еще высокая, круглая башня, со стеклами кругомъ, рамы которыхъ раздвигались, и оттуда можно было вполнѣ наслаждаться очаровательнымъ мѣстоположеніемъ красиваго города.

Комнатъ въ этомъ домѣ считалось не много, но за то

такъ удобно были онѣ расположены, такъ чисто содержались, что точно жителямъ его оставалось только благодарить судьбу свою. А кто они были, надобно разсказать вамъ и познакомить васъ съ ними, любезные друзья мои!

Главное лицо семьи составлялъ дѣдушка, старичокъ лѣтъ подъ семьдесятъ, но еще бодрый, здоровый и веселый, потому что, имѣя душу честную, добрую и готовую всегда на помощь другимъ, онъ не только во всю свою жизнь никому не сдѣлалъ умышленнаго зла, но даже и не желалъ его ни одному человѣку; безъ добра же, точно, не проходило ни одного дня. Пламенно желалъ онъ снискивать себѣ новыя пріобрѣтенія для будущей жизни и какъ бы то ни было, а ужь непремѣнно отыскивалъ возможность сдѣлать добро, или милостынею, или трудами въ пользу ближняго, иногда же посѣщеніемъ больнаго, облегченіемъ участи несчастнаго, или хотя однимъ наставленіемъ истинно христіанскимъ, поданнымъ съ кротостью и любовью.

За то прекрасная душа его еще здѣсь предвкушала райское блаженство, наслаждаясь непрерывнымъ спокойствіемъ чистой совѣсти. Мудрено ли же, что онъ всегда былъ веселъ... И что могло помрачить это небесное счастіе? Вотъ каковъ былъ нашъ дѣдушка-старичокъ!

Второе лице семьи составляла единственная дочь его, и можно сказать, что какъ отъ хорошаго дерева всегда бываютъ отличные плоды, такъ и дочь добродѣтельнаго отца во всемъ ему уподоблялась, присоединяя къ тому и другія добродѣтели, необходимыя для женщинъ. Она была набожна, кротка и чрезвычайно дѣятельна, вставала всегда очень рано, занималась домашнимъ устройствомъ съ умомъ и расторопностію, любила всѣ женскія рукодѣлья и, будучи въ молодости своей выдана замужъ за отличнаго человѣка, имѣла несчастіе лишиться его и осталась съ шесте-

рыми дѣтьми. Мальчики были уже на возрастѣ и всѣ погодки, такъ что старшему, Николаю, исполнилось уже 15 лѣтъ, Михаилу 14, а Сергѣю 13. Дѣвочки поотстали: старшей Вѣрѣ было только 10 лѣтъ, Надеждѣ 8, а Любови недавно пошелъ 6 годъ. Дѣдушка называлъ ихъ тремя небесными добродѣтелями.

Грустная вдова, мать ихъ, схоронивъ мужа, возвратилась въ родительскій домъ, поручивъ себя и жалкихъ сиротъ своихъ доброму ихъ дѣдушкѣ, и съ тѣхъ поръ стали они жить неразлучно, въ описанномъ нами прелестномъ домикѣ.

Мать и дѣдушка, общими силами, старались образовать умъ и сердце малютокъ и украсить души ихъ тѣми же добродѣтелями, которыми сами обладали, и дѣти съ малолѣтства были пріучены употреблять съ пользою данныя имъ отъ Бога способности, и можно было сказать, что въ этой счастливой семьѣ никогда не пропадало даромъ золотое время и справедливо могло назваться золотымъ, во всей силѣ этого значительнаго слова.

Не было минуты безъ какихъ нибудь занятій; однако, никто не уставалъ и не изнурялся такой непрестанной дѣятельностію, а, напротивъ еще, дѣти наши были гораздо бодрѣе, крѣпче и здоровѣе многихъ другихъ дѣтей, воспитанныхъ въ нѣгѣ и праздности, и всегда были веселы.

Вставали очень рано, и утро посвящалось умственнымъ трудамъ. Послѣ обѣда удѣлено было время на гулянье, и тогда дѣти играли, бѣгали, веселились какъ хотѣли; а вечеромъ дѣдушка-весельчакъ забавлялъ всѣхъ разными разсказами. Иногда онъ описывалъ имъ обычаи старины, иногда занимательные анекдоты изъ жизни Царей нашихъ, полководцевъ и другихъ знаменитыхъ людей, а иногда тѣшилъ ихъ и сказками, замысловато выдуманными, какъ что случилось. Обыкновенное время разсказовъ было зимою, когда

уже подавали свѣчи, а лѣтомъ, когда дневной жаръ начиналъ ослабѣвать, и дѣдушка выходилъ на свою любимую террасу, на крышѣ дома, иногда же всходилъ и на небольшую возвышающуюся на ней башню, откуда видъ чрезвычайно хорошъ, на всѣ четыре стороны.

Опишемъ ихъ, чтобы лучше воображать, гдѣ сидитъ старичокъ-дѣдушка съ своими внуками и внучками.

Начнемъ съ сѣверо-востока: вотъ передъ глазами нашими широкій Днѣпръ, и на берегу его знаменитый памятникъ Крещатикъ. Много возвышенныхъ чувствъ возбуждаетъ въ душѣ эта благодатная купель хранимой Богомъ Россіи.

Повернемся къ настоящему сѣверу. Здѣсь очень низко подъ горою разстилается необъятная взорамъ равнина, которой горизонтъ теряется въ синей дали, чуть-чуть уже примѣтной. Величественный Днѣпръ, извиваясь по ней, во множествѣ поворотовъ, образуетъ заливы, мысы, острова, особливо весною, такъ что все пространство съ чрезмѣрной высоты, гдѣ находился домъ дѣдушки, можно было принять за обширное озеро, покрытое островами, въ видѣ настоящаго Архипелага.

Поведемъ взоры наши къ сѣверо-западу. Здѣсь совершенно другое зрѣлище, которое возбудитъ въ душѣ нашей неземныя уже чувства: вся эта сторона осѣнена древними храмами, знаменитыми числомъ вѣковъ и святынею, которая на нихъ почила.

Такъ величественно обозначена сѣверо-западная сторона изъ дѣдушкина дома, что, точно, есть отчего придти въ умиленіе и почувствовать святой восторгъ.

Далѣе къ западу видны древнія, такъ называемыя, Золотыя Ворота; еще далѣе, къ юго-западу, представится намъ, воздвигнутое на отлогихъ холмахъ, огромное зданіе Университета Св. Владиміра.

Потомъ къ настоящему уже полудню, за долиною Крещатика, возвышается другая гора и простирается далѣе совершенно плоской и ровной поверхностью, на которой выстроена главная часть, такъ называемаго, Новаго Кіева, подъ именемъ Печерскаго отдѣленія, оттого, что древняя Кіево-Печерская Лавра оканчиваетъ городъ, блистая на горизонтѣ золотыми куполами и крестами, которыхъ не могло помрачить все разрушающее время.

Къ юго-востоку, при началѣ этой плоскости, высоко надъ долиною Крещатика, недавно воздвигнуто четырехъэтажное каменное зданіе, со всей красотою новѣйшей архитектуры. Это Институтъ для Благородныхъ Дѣвицъ, расположенный на самомъ красивомъ мѣстѣ и украшающій собою весь городъ. Вотъ и третья сторона изъ дома дѣдушки; а четвертая, на совершенный уже востокъ, заключаетъ въ себѣ великолѣпный садъ, называемый Царскимъ, возвышающійся амфитеатромъ по всему скату противоположной горы и отдѣленный отъ Института улицей, идущей по глубокому оврагу, гдѣ идетъ спускъ Александровской горы, также къ знаменитому Крещатику, но уже съ противоположной стороны перваго, о которомъ мы говорили.

Вотъ мы обошли кругомъ всего горизонта, видимаго изъ дома дѣдушкина. Но съ высокой его башни очень хорошо представится вамъ и низменное, совершенно отдѣльное предмѣстіе города, основанное уже на самомъ берегу Днѣпра и называемое Подоломъ, по чрезмѣрной плоскости своего мѣстоположенія; но это уже почти цѣлый, отдѣльный городъ со множествомъ церквей, монастырей и строеній каменныхъ, съ правильными улицами и въ новѣйшемъ вкусѣ.

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

Крещатикъ.

Наступилъ май мѣсяцъ. Погода сдѣлалась очаровательна. Благоуханіе цвѣтовъ разносилось по воздуху.

Дѣдушка-старичокъ вышелъ на свою любимую галлерею, и за нимъ высыпалъ цѣлый рой малютокъ, внучатъ его, вмѣстѣ съ пришедшими къ нимъ другими посторонними дѣтьми разнаго возраста.

Дѣдушка вздумалъ на мѣсто обыкновенныхъ своихъ разсказовъ, объяснять имъ помаленьку достопримѣчательности Кіева, но только на словахъ. Изъ его слушателей, тѣ, которые были постарше, уже послѣ записывали сказанное имъ и по своимъ запискамъ издали въ свѣтъ эту книгу.

А чтобъ дѣдушкины разсказы не отнимали времени, положеннаго для ученья, они назначаемы были по вечерамъ въ воскресные дни.

И какъ настоящій вечеръ былъ назначенъ для начала новаго разсказа, то внуки его и собрали всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, чтобы вмѣстѣ слушать милаго дѣдушку, котораго и посторонніе малютки называли тѣмъ же именемъ, любя искренно нашего добраго старика.

Итакъ, на большую террасу, сдѣланную на крышѣ дома, высыпалъ цѣлый рой дѣтей. Всѣ суетились и спѣ-

КРЕЩАТНИЦКІЙ ПАМЯТНИКЪ.

шили приготовить нужное: одни притащили для дѣдушки большія, мягкія кресла, другіе—столикъ; потомъ, кто несъ его очки, кто скамеечку подъ ноги, кто кружку съ квасомъ, и послѣ того всѣ спѣшили сами усѣсться на что нибудь, какъ можно ближе къ дѣдушкѣ, однако такъ, чтобы не загородить вида передъ его глазами. Онъ обыкновенно садился лицемъ въ ту сторону, о которой хотѣлъ разсказывать. Наконецъ все принесено, поставлено, всѣ усѣлись по мѣстамъ, и глубокое молчаніе водворилось. Дѣдушка задумчиво смотрѣлъ въ даль, и взоры всѣхъ устремлены были на него въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Всѣ ли вы собрались, друзья мои? спросилъ старичокъ.

— Всѣ, милый дѣдушка, отвѣчало множество голосовъ.

— Хорошо, начнемъ же, при помощи Божіей, съ того, что предъ нашими глазами. Мы сидимъ лицомъ на сѣверовостокъ, и вы видите тамъ, внизу глубокаго оврага, на берегу Днѣпра, возвышается каменный столпъ, осѣненный крестомъ: это—памятникъ Крещатика. Онъ сооруженъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, повелѣніемъ Императора Александра I-го. Вы тамъ, конечно, бывали друзья мои?

— О, да, милый дѣдушка, и по нѣскольку разъ!

— Я тамъ былъ сегодня по утру, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— А я вчера, подхватилъ другой.

— А мы прошлое воскресенье. Помните, милый дѣдушка, наше гулянье....

— Помню, помню, друзья мои! Очень весело мы гуляли. Но того недостаточно, что мы видѣли одни: надобно умѣть и другимъ разсказать видѣнное. Попробуй, Николинька, ты, какъ старшій, разскажи хорошенько гулянье наше къ Крещатику, а я, между тѣмъ, выпью кваску: все еще очень жарко.

— Извольте, милый дѣдушка отвѣчалъ всегда послушный Николинька: постараюсь сколько могу, и, обратившись къ дѣтямъ, началъ слѣдующими словами: прошлое воскресенье, послѣ обѣдни, дѣдушка пошелъ съ нами прогуляться въ Царскій Садъ и сѣлъ отдохнуть въ бесѣдкѣ, построенной, вы знаете, надъ самымъ крутымъ утесомъ, внизу котораго извивается Днѣпръ. Долго любовались мы, вмѣстѣ съ дѣдушкой, этой картиной. Но вѣдь извѣстно, что каждому изъ насъ нравится перемѣна; потому, увидя тропинку внизъ, выпросились мы у дѣдушки сойти по ней къ самому Крещатику, и дѣдушка позволилъ, только самъ вышелъ изъ бесѣдки, сѣлъ на большой камень, откуда далеко было видно внизъ горы, и приказывалъ итти осторожнѣе. Вотъ мы стали спускаться. Сначала эта узкая тропинка идетъ отлого, потомъ, что далѣе, то круче, такъ что не знаешь, за что удержаться. Къ тому же, иногда должно шагать и лазить черезъ глубокія рытвины, оттого, что весною вода стремится съ этой высоты съ чрезвычайной силою и шумомъ, какъ настоящій водопадъ. Оттого вся гора идетъ уступами, какъ лѣстница; но не руками человѣческими сдѣланы эти огромныя ступени, а самой природою: оттого онѣ составляютъ цѣлые отдѣльные холмы, идущіе одинъ ниже другаго. За то какой видъ съ этихъ чудесныхъ ступеней! Я останавливался на каждомъ шагу, чтобы любоваться всѣмъ, что видѣлъ.

Сначала представляется вамъ весь старый Кіевъ, идущій амфитеатромъ вверхъ, отъ самой подошвы горы, а справа — необъятная долина, внизу, съ безконечнымъ Днѣпромъ, простирающимся на нѣсколько верстъ далѣе Кіева; потомъ, по мѣрѣ спуска съ утесовъ, по которымъ идемъ, городъ начинаетъ скрываться болѣе и болѣе и напослѣдокъ, сошедши еще ниже, кромѣ прямо отвѣсныхъ горъ, окружающихъ тебя съ трехъ сторонъ, и Днѣпра, ко-

торый все еще блеститъ вдали, ничего не видно; наконецъ покажется вамъ золотой крестъ. При этомъ Миша закричалъ: «вотъ Крещатикъ!» Между тѣмъ, я оглянулся на дѣдушку; но уже высокая гора скрыла его отъ насъ, и предъ нами стояла только каменная колонна на четырехъ аркахъ, внутри которыхъ обнесенъ былъ обрубомъ колодезь, называемый Крещатикъ, потому что на этомъ мѣстѣ было устье рѣки Почайны, и здѣсь соединялась она съ Днѣпромъ.

— Что это, Николинька? растолкуй мнѣ, сказалъ Алеша, его пріятель, очень умненькій мальчикъ: гдѣ же эта рѣка? О ней училъ я и въ исторіи, и, живучи внизу подъ горою, близъ Крещатика, я всякій день хожу умываться его чистой водицею, но Почайны не вижу. Пожалуйста, отыщи мнѣ ее.

— Трудно это сдѣлать, милый Алеша, потому что теперь устье ея отсюда далеко, на лугу, называемомъ Оболонье, по ту сторону Подола, а прежнее ея логовище засыпано горнымъ пескомъ.

— Какъ это? раздались нѣкоторые голоса. Неужели Почайна завалена горами?

И многіе уже со страхомъ ожидали объясненія Николиньки, особливо дѣвочки, не принадлежавшія къ дѣдушкиной семьѣ.

— Почти такъ, мои милые! отвѣчалъ Николинька, усмѣхаясь. Рѣка Почайна, начинаясь близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ теперь находится ея устье, протекала по нынѣшнему Подолу, и отъ Днѣпра отдѣлялъ ее одинъ узкій перешеекъ. Но русло ея время отъ времени болѣе и болѣе заносимо было мелкимъ, бѣлымъ пескомъ окрестныхъ горъ, пока наконецъ совершенно не исчезло. Итакъ, мы теперь стоимъ на томъ мѣстѣ, на которомъ Почайна, протекавшая по нынѣшнему Подолу, впадала въ Днѣпръ, и близъ котораго нынѣ стоитъ монументъ Крещатика.—

— Вотъ что! А я все думаю, да гдѣ же эта рѣка?

— Полно съ твоей Почайной, Алеша! сказала Таничка, сестра его: не мѣшай Николинькѣ разсказывать.

— Онъ уже почти кончилъ, душа моя, возразилъ дѣдушка: Алеша ему не помѣшалъ: напротивъ, любопытство его очень похвально: видно, что онъ замѣчаетъ и хочетъ подробно знать все то, что читалъ. Это послужитъ ему въ пользу. Продолжай, Николинька!

— Итакъ, мы были съ Мишею на чрезвычайной крутизнѣ и уже не только ногами, но и руками спускались внизъ.

— Ахъ, какъ это странно! раздалось въ толпѣ дѣтей.

— Да, мои милыя, очень странно: обрывъ горы въ этомъ мѣстѣ такъ крутъ, что мы, едва переступая, хватались за камни и кусты и такимъ образомъ добрались до подошвы и благополучно пришли къ четыремъ аркамъ, по срединѣ которыхъ....

— О! мы это знаемъ! прервала болтушка Наташа. Я съ маменькой много разъ ходила туда.

— Гораздо бы лучше, сказалъ дѣдушка: если бы Наташа помолчала теперь, а когда кончитъ Николинька, тогда бы разсказала намъ, зачѣмъ маменька ея ходила на Крещатикъ и что произошло отъ того?

— О, да, да, милый дѣдушка! начала было Наташа, обрадовавшись случаю поговорить; но старичокъ остановилъ ее опять слѣдующими словами:

— Хорошо, дружокъ мой, однако умѣй помолчать во-время. Неучтиво перебивать разсказъ другаго: скажешь послѣ, и то, если будутъ о томъ просить тебя.

Наташа немножко покраснѣла и замолчала; а Николинька продолжалъ:

— Итакъ, мы вошли съ братомъ подъ эти арки и напились холодной воды изъ колодца, который слыветъ

здѣсь святымъ. Сдѣланное надъ нимъ строеніе очень похоже на часовню. Вокругъ по стѣнамъ поставлены образа: Пресвятой Богородицы живоноснаго источника, Равноапостольнаго св. князя Владиміра и св. княгини Ольги. Для того именно избраны эти образа, какъ толковалъ мнѣ дѣдушка, что Божія Матерь, отъ Которой родился Спаситель міра, всегда изливаетъ источникъ милосердія на всѣхъ насъ, а святые Владиміръ и Ольга, бывъ озарены небесною благодатію, первые отвергнули идолопоклонство и, обрѣтши истинную Вѣру, просвѣтили святымъ крещеніемъ всю Россію.

Тутъ же поставлены иконы Бориса и Глѣба, первыхъ мучениковъ въ Россіи, пострадавшихъ за православную вѣру. Здѣсь св. Владиміръ крестилъ сыновей своихъ, а немного выше, на бывшемъ потокѣ Почайны, крестилъ и всѣхъ Кіевлянъ.

— Да, друзья мои, сказалъ дѣдушка: любовь и почтеніе русскаго народа къ Царямъ, по милости Божіей, всегда были столь сильны, что одно слово, одинъ примѣръ, поданный ими, имѣли силу обратить цѣлый народъ отъ вѣковаго заблужденія, нелѣпаго идолопоклонства, къ истинамъ святой вѣры! Кто изъ васъ читалъ исторію, тотъ, конечно, помнитъ эти достопримѣчательныя слова изъ лѣтописи преподобнаго Нестора:

Владиміръ послалъ по всему городу, говоря: «кто не обрѣтется завтра на рѣкѣ, богатый или убогій, тотъ будетъ мнѣ противникъ.» Услышавъ сіе, всѣ люди съ радостію пошли и радостно говорили другъ другу: «если бы не добро сіе было, не пріяли бы сего Князья и Бояре!» Вотъ какъ любили Царя и старались брать примѣръ съ приближенныхъ къ нему бояръ, потому что видѣли истинную ихъ наклонность къ добру.

Итакъ, на другой день, на этомъ мѣстѣ, собралось

множество народа, и всѣ, по повелѣнію духовныхъ лицъ и самого князя Владиміра, вошли по поясъ въ воду,—даже младенцевъ держали матери на рукахъ; а священники, стоя на берегу, творили молитвы, и тогда была радость великая. Въ таинствѣ крещенія Св. Духъ невидимо озарилъ всѣ эти души Своею благодатію, и Россія сдѣлалась землею христіанскою!

При этомъ Владиміръ, радуясь, что самъ онъ и люди его познали истиннаго Бога, палъ на колѣни и, воздѣвъ руки на небо, воскликнулъ: «Боже великій, сотворивый небо и землю! призри на новыхъ людей Твоихъ, дай имъ, Господи, увѣдать Тебя истиннаго Бога, какъ увѣдали страны христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру правую, несовратимую, и мнѣ помоги, Господи, на сопротивнаго врага, да, надѣясь на Тебя и Твою державу, побѣждаю козни его.»

Въ этомъ родѣ была молитва св. Владиміра, описанная многими лѣтописцами и, видно, происходила отъ истиннаго желанія пламенной души, что Господь услышалъ ее, и съ тѣхъ поръ православіе утвердилось въ нашемъ отечествѣ. Тутъ все совершилось чрезъ одно послушаніе народа, любящаго Царей своихъ: тутъ не было ни принужденій, ни кровопролитія за вѣру, какъ въ другихъ земляхъ, и точно, можно сказать, что вѣру Христову основала въ Россіи одна любовь! Оттого она и утвердилась столь непоколебимо.

Вотъ вамъ, друзья мои, первое обозрѣніе небольшаго, но знаменитаго мѣста въ Кіевѣ. Совѣтую запомнить это хорошенько; а кто умѣетъ уже писать, тотъ внеси это въ тетрадь свою. Крещатикъ долженъ быть памятенъ сердцу русскому. На этомъ мѣстѣ благодать Господня озарила нашихъ предковъ свѣтомъ истины, и съ тѣхъ поръ мы, слѣпые душею, сдѣлались зрячими.

Два раза въ годъ ходятъ со крестами на этотъ святой колодезь: въ Преполовенiе — изъ Собора Софiйскаго, и въ день памяти равноапостольнаго князя Владимiра — изъ ближней церкви Рождества Христова, которая стояла прежде на самомъ берегу Почайны *).

Но солнышко давно уже сѣло, и на дворѣ такъ темно, что и ближайшiе предметы скрываются отъ глазъ. Здѣсь, на югѣ, сумерки чрезмѣрно коротки. Пора намъ прекратить свою бесѣду: пойдемте въ комнату. Очень радъ, если первый разсказъ мой вамъ понравился.

Съ этимъ словомъ старичокъ всталъ, всѣ его слушатели также, и поднялся ужасный шумъ. Нѣсколько гололовъ благодарили дѣдушку, называли его самыми нѣжными именами, цѣловали его, спѣшили снова перетащить кресла, столикъ, положить на мѣсто всѣ его принадлежности, и все общество, съ веселыми разговорами, вошло въ большую комнату, гдѣ уже были зажжены лампы и свѣчи и накрытъ столъ, на которомъ приготовлены были чай, кислое молоко, творогъ со сливками, разные плоды, ягоды и бѣлый хлѣбъ со сливочнымъ масломъ.

Ласковыя и привѣтливыя малютки-хозяева очень мило просили гостей своихъ садиться къ столу, а сами ходили, угощали и подавали чего кому недоставало. По окончанiи же этого легкаго лѣтняго ужина, Николинька сѣлъ къ фортепьяно и началъ играть; а всѣ прочiе принялись танцовать кадрили, мазурки и прочее. Дѣдушка любовался на нихъ и хвалилъ, кто хорошо держится.

Потомъ пошли разныя игры. Всѣ были чрезмѣрно веселы, бѣгали, прыгали, пѣли, смѣялись, и вечеръ пролетѣлъ такъ скоро, что гости и хозяева удивились, когда сказали имъ, что балъ кончился и пора расходиться.

---

*) «Путешествiе къ Св. Мѣстамъ Русскимъ». Кiевъ. Соч. Муравьева. Стр. 119 и далѣе.

Вотъ маленькихъ гостей повезли по домамъ; а хозяева, помолившись Богу и усердно возблагодаривъ Его за такой веселый день, пошли ложиться спать, съ мыслію, что завтра встанутъ ранехонько, примутся съ прилежаніемъ за ученье и работу; а тамъ не увидишь, какъ пройдетъ день за день, и опять наступитъ воскресенье, и опять придетъ вечеръ, въ который дѣдушка станетъ продолжать разсказъ свой о Кіевѣ. Однако, всѣмъ имъ было сказано, что это должно заслужить прилежаніемъ въ ученьи, хорошимъ поведеніемъ, послушаніемъ и кротостію втеченіе цѣлыхъ шести дней. Кто не устоитъ въ этомъ, тотъ не примется въ бесѣду и останется одинъ въ своей комнатѣ—ужасное наказаніе! Но дѣти нашего милаго семейства никогда до того не доходили и каждое воскресенье всѣ слушали разсказъ добраго дѣдушки.

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ.

Михайловскій Монастырь.

Въ трудахъ, занятіяхъ и ученьи, недѣля пролетѣла очень скоро, и наступило воскресенье.

Поутру дѣдушка, маменька и всѣ дѣти, даже шестилѣтняя Любинька, по обыкновенію, пошли къ обѣднѣ, за которою каждый изъ нихъ молился какъ умѣлъ, но молился усердно, потому что всѣ они твердо знали, что одинъ Богъ есть податель истинныхъ радостей и утѣшеній, чтобы, для счастливаго провожденія жизни и полученія успѣховъ во всемъ хорошемъ, надобно прилежно молиться Ему всегда, даже и дома, а тѣмъ болѣе въ церкви, гдѣ совершается величайшее таинство Божественнаго служенія.

Дѣдушка, при своихъ уже преклонныхъ лѣтахъ, и маменька ихъ, несмотря на заботы и хлопоты домашнія, не пропускали ни одного воскресенья или праздника безъ обѣдни и, находясь въ церкви, безъ усталости молились Тому, Кто единственно можетъ сохранить насъ отъ всякаго зла. Къ этому же съ самаго малолѣтства пріучены были и дѣти: они всегда съ охотою отправлялись къ обѣднѣ и никогда не уставали, видя, какъ дѣдушка, уже такой старенькій, стоялъ прямо, даже не прислонялся. А объ

маменькѣ и говорить нечего: она во храмѣ Божіемъ пламенной своей душею вся обращалась въ молитву. Сердечныя чувства поддерживали обоихъ ихъ до того, что тѣлесныя немощи ихъ возраста исчезали совершенно.

Въ молодыхъ же лѣтахъ усталость происходитъ всегда отъ одной лѣни и нехотѣнья, между тѣмъ, какъ милыя дѣти наши не знали этого и по имени: они молились вовсе не лѣниво; за то и Богъ помогалъ имъ во всемъ, и всѣ ихъ желанія исполнялись успѣшно.

Такъ вотъ пришло воскресенье. Всѣ дѣти и дѣдушка съ утра уже заботились послать зовъ къ ихъ маленькимъ товарищамъ. А маменька приказала купить разныхъ плодовъ и ягодъ.

Пришелъ вечеръ: гости собрались. Дѣдушка явился на своей террасѣ, все произошло по прежнему, съ тою только разницею, что онъ приказалъ поставить кресла свои прямо на сѣверъ.

— Помните ли, друзья мои, началъ дѣдушка, когда всѣ усѣлись по мѣстамъ: о чемъ говорили мы прошлое воскресенье?

— Помнимъ, милый дѣдушка! отвѣчали почти всѣ вдругъ: вы разсказывали намъ о Крещатикѣ: какъ и почему названо такъ это мѣсто и зачѣмъ поставленъ памятникъ.

— Хорошо: вижу, что прилежно слушали; подробности спрошу у васъ послѣ. А теперь начнемъ съ того, на что глядимъ. Вы видите неизмѣримую долину, тамъ, глубоко внизу, подъ ногами нашими, и по ней извивается величественный Днѣпръ, который считается въ числѣ важнѣйшихъ рѣкъ Россіи. Протекая до 1,500 верстъ и впадая въ Черное Море, онъ принимаетъ въ себя многія судоходныя рѣки. Какъ ихъ называютъ, скажите мнѣ.

— Десну, Березину, Припеть, отвѣчалъ Миша.

— И еще другія, поменьше, сказала Надинька: Сожу, Сулу, Псіолъ, Ворсклу и прочія.

— Хорошо. Но чѣмъ знаменитъ Днѣпръ, того уже и не припомнишь. Разверните исторію нашего отечества, и тамъ вы найдете, какъ храбрые Вятичи, Славяне катались на своихъ ладьяхъ въ Царьградъ, и совершали битвы близъ грозныхъ водъ его, какъ наконецъ благодать Божія освѣтила всю Россію съ высотъ, омываемыхъ Днѣпромъ, погрузивъ въ глубинѣ его остатки грубаго невѣжества въ видѣ Перуна, послѣдняго идола на землѣ русской, который былъ низвергнутъ въ Днѣпръ, и съ нимъ вмѣстѣ исчезли времена идолопоклонства и счастливыя воды Днѣпра освятились наитіемъ Святаго Духа, ставъ купелію св. крещенія для всей Россіи. Уже одно это происшествіе дѣлаетъ Днѣпръ навсегда любезнымъ сердцу русскому. Мало того: и окружающія его горы были освѣщены съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства. Св. апостолъ Андрей Первозванный водрузилъ на нихъ св. знаменіе спасенія нашего—Животворящій Крестъ! А впослѣдствіи не только поверхность, но и нѣдра земныя освятились спасавшимися въ нихъ св. угодниками. Точно, друзья мои, исторія Кіева, исторія Днѣпра должна быть любезна и занимательна для всякаго сердца русскаго, и каждый долженъ подробно знать ее. Обернемся теперь нѣсколько къ сѣверо-западу. Посмотрите, что передъ нами въ этомъ направленіи.

— Михайловскій Монастырь, милый дѣдушка! отвѣчали дѣти.

— Такъ, мои милые! А хотите ли, я разскажу вамъ что нибудь объ этой святой обители?

— О, конечно, хотимъ, добрый, милый дѣдушка! отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Гора, на которой воздвигнутъ теперь Михайловскій

Монастырь *), имѣла нѣкогда очень дурное прозванiе, именно называлась Чортово Беремище, конечно, отъ близости капища главнаго идола Перуна и ужасныхъ мученическихъ жертвъ, которыя на ней приносились. Къ сѣверу, недалеко отъ Михайловскаго Монастыря, находится теперь Церковь Трехъ-Святителей, переименованная изъ бывшей прежде Церкви Св. Василiя, которую построилъ св. Владимiръ въ 989 году, вскорѣ послѣ своего крещенiя, по принятому имъ имени Василiя. Послѣ раззоренiя татарскаго, на развалинахъ ея, въ половинѣ XVI вѣка, еще цѣлы были греческiя надписи. Она обновлена митрополитомъ Петромъ Могилою и потомъ, въ 1695 году, переименована во имя Трехъ Святителей.

Это былъ первый христiанскiй храмъ въ Россiи.

Съ этой самой горы былъ низверженъ идолъ Перунъ и утопленъ въ Днѣпрѣ, вмѣстѣ съ безсмысленнымъ идолопоклонствомъ.

Въ началѣ X вѣка Михаилъ, первый митрополитъ кiевскiй, конечно, желая освятить эту гору, носившую столь отвратительное названiе, построилъ на ней деревянную церковь во имя архистратига Михаила, сокрушителя силъ преисподнихъ, и поселилъ подлѣ нѣсколько монаховъ.

Нынѣшняя же, каменная церковь воздвигнута въ 1108 году, великимъ княземъ кiевскимъ Михаиломъ-Святополкомъ II Изяславичемъ, внукомъ Ярослава, который богато украсилъ ее внутри и снаружи: пятьнадцать ея главъ были покрыты вызолоченными чрезъ огонь листами, отчего и названа она Златоверхою Михайловскою Обителью. Древнiй ея фасадъ закрытъ пристройками уже XVII вѣка.

Будучи нѣсколько разъ въ этомъ монастырѣ, вы, конечно, замѣтили, друзья мои, необыкновенное величiе и

---

*) «Путешествiе къ Св. Мѣстамъ». Кiевъ. Соч. А. Н. Муравьева. 90 стр.

убранство внутри главной церкви. Весь иконостасъ сдѣланъ особеннымъ образомъ и простирается отъ полу до самаго купола въ пять ярусовъ.

Самый низъ иконостаса, въ видѣ широкаго и высокаго пьедестала, расписанъ весь картинами изъ разныхъ происшествій священной исторіи, такъ что по нимъ видишь въ лицахъ всю библію, даже евангеліе и апокалипсисъ. Эти картины отдѣляются одна отъ другой архитектурными украшеніями; а верхъ постамента, или пьедестала, покрывается широкимъ, раззолоченнымъ карнизомъ, и на немъ уже начинается второй ярусъ, съ главными иконами, очень большими, округленными сверху. Ихъ отдѣляютъ колонны въ видѣ настоящихъ пальмъ, очень искусно сдѣланныя; густо вызолоченная рѣзба представляетъ виноградныя вѣтви, вьющіяся кругомъ по серебряному грунту колоннъ. Стѣнка, въ которой вставлены образа, также покрыта вся вызолоченною рѣзбою, по серебряной землѣ, которая, просвѣчиваясь сквозь золотые листы и вѣтки, дѣлаетъ необыкновенный видъ. Огромные, вызолоченные листы пальмъ поддерживаетъ третій ярусъ иконостаса, съ круглыми уже образами; этотъ ярусъ ниже прежнихъ. Потомъ опять карнизъ, и четвертый уже ярусъ — высокій, и на немъ опять большія полукруглыя иконы. Весь грунтъ между ними покрытъ сплошь мелкой, выпуклой рѣзбой, густо высеребренной, которая чрезвычайно блеститъ отъ свѣчъ и сначала похожа на граненыя стеклушки, снятыя съ люстры и нанизанныя сплошь. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, пока я разсмотрѣлъ, что это такое. Потомъ слѣдуетъ пятый ярусъ, опять съ круглыми образами выше ихъ; надъ самыми же Царскими вратами поставленъ одинъ полукруглый образъ, вѣнчающійся большимъ крестомъ. Онъ не касается стѣнъ иконостаса; кругомъ его пустота во внутренности круглаго купола, со множествомъ оконъ.

Да, въ этомъ древнемъ храмѣ все необыкновенно, богато и величественно. Царскія двери сдѣланы въ углубленіи, всѣ сквозныя, изъ мелкой золоченой рѣзбы, съ образами Благовѣщенія и четырехъ евангелистовъ.

Храмовая икона св. архистратига Михаила, находится по правую сторону большаго образа Спасителя, во весь ростъ. Образъ св. архангела не великъ, четвероугольный и поставленъ въ углубленіи, покрытомъ серебряными досками, на которыхъ сдѣланы золотые херувимы, окружающіе икону прекрасной живописи и украшенную бриліантами.

Александръ Благословенный прислалъ эту икону въ даръ монастырю, послѣ побѣды своей надъ полчищами Наполеона и всей Европы, въ 1814 году, по водвореніи мира между всѣми державами. Относя неимовѣрныя свои побѣды надъ такимъ безчисленнымъ множествомъ враговъ къ явной помощи Божіей и справедливо почитая путеводителемъ своего войска св. архистратига Михаила (святое имя котораго носилъ на себѣ и тогдашній военачальникъ, незабвенный Михаилъ Илларіоновичь Кутузовъ), великій Государь, въ знакъ благодарности принесъ икону св. архистратига и поставилъ ее во святой, посвященной ему обители. Этотъ образъ стоитъ въ главной церкви, въ которой имѣются три другіе придѣла: св. великомученицы Варвары, гдѣ и мощи ея почиваютъ, по рединѣ церкви, на возвышеніи въ серебряной ракѣ и подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, введенія во храмъ Божіей Матери и св. великомученицы Екатерины. Въ этомъ послѣднемъ придѣлѣ, на особенномъ мѣстѣ, со ступенями и балдахиномъ, вдѣланнымъ въ стѣну, хранятся частицы св. мощей мучениковъ: Харлампія, Пантелеймона и Спиридонія епископа тримифунтскаго. Нѣсколько мозаическихъ иконъ на внутреннихъ стѣнахъ олтаря и остатки Тайной Вечери съ

греческими надписями, подобно Софійскому Собору, ясно показываютъ намъ прежнее великолѣпіе храма, воздвигнутаго Святополкомъ Изяславичемъ, внукомъ великаго Ярослава. Есть преданіе, что онъ положенъ въ этой церкви, вмѣстѣ съ супругою своею, греческой царевною Варварой, дочерью Комниновъ, которая принесла съ собою изъ Иліополиса и св. мощи великомученицы. Вы, конечно, милые мои, уже не разъ прикладывались къ нимъ?

— О, конечно, милый дѣдушка, никогда не забуду, сказала Вѣрочка: какъ въ одинъ изъ прошедшихъ вторниковъ взяли вы меня съ собой на акаѳистъ св. Варвары. Самъ архіерей, въ богатыхъ ризахъ, стоя посрединѣ церкви, передъ самыми мощами, очень громко и внятно читалъ все ея житіе, и, при окончаніи каждаго стиха, пѣвчіе откликались на хорахъ и пѣли восхитительно эти слова: «Радуйся Варваро, Невѣста Христова прекрасная!» Это мнѣ такъ понравилось, что я совсѣмъ не устала и забыла даже о томъ, что въ церкви было очень тѣсно и жарко; мнѣ точно казалось, что эти слова поютъ на небесахъ ангелы.

— Твоя правда, милая Вѣрочка, сказала Лиза, ея подруга: и я нѣсколько разъ замѣчала, что когда смирно стоишь въ церкви и стараешься вслушиваться, что поютъ и читаютъ, то совсѣмъ не устанешь. Въ этотъ вторникъ и я была съ вами въ церкви, и, помнишь, какъ мы удивились, когда, пріѣхавъ къ моей маменькѣ, сосчитали, что ровно четыре часа простояли въ церкви и не подумали сѣсть.

— Точно, мои душеньки, обыкновенно такъ бываетъ, что все дѣлаемое съ охотою кажется не продолжительнымъ, а тѣмъ болѣе молитва во храмѣ Божіемъ, гдѣ Самъ Богъ посылаетъ силы тому, кто усердно молится. Оттого, конечно, вы не разъ, думаю, видали, какъ крошечныя дѣти простыхъ людей выстаиваютъ смирно, какъ стопочки,

предлинную всенощную подлѣ матери или отца и не думаютъ объ усталости, тогда какъ тутъ же другія, иногда гораздо больше и крѣпче ихъ, но избалованныя и изнѣженныя, безпрестанно садятся или просятся домой прежде конца службы Это происходитъ именно отъ лѣни, съ которой надобно бороться всѣми силами и не допускать столь дурному пороку овладѣть душою, особенно же въ церкви, куда дѣтей не такъ часто и водятъ. Однажды въ недѣлю не только стыдно передъ людьми, но грѣшно и передъ Богомъ не хотѣть простоять какъ должно во время обѣдни. Посудите, что, если Господь, видя такое нерадѣніе угодить Ему, отниметъ у насъ Свою благодать, вѣдь худо намъ будетъ: мы погибнемъ какъ черви. Помните, что все вами любимое: папенька, маменька, братцы, сестрицы, подруги, — все это есть у васъ только по милости къ вамъ Божіей. Неблагодарное дитя, которое за всѣ благодѣянія Господа не хочетъ посвятить святой Его службѣ нѣсколько времени, Онъ властенъ лишить всего. О, друзья мои! берегитесь этого, старайтесь быть внимательны въ церкви, и ангелъ Господень подастъ вамъ силы, и вы никогда не будете знать усталости, точно такъ, какъ не знаете ея при вашихъ играхъ, — напримѣръ, какъ маленькая Дуняша, которая почти всегда принуждаетъ свою маменьку уѣхать изъ церкви, ссылаясь на усталость. На прошлой недѣлѣ простояла она около 2 часовъ на одномъ мѣстѣ, когда показывали у нихъ въ домѣ китайскія тѣни. Ей было негдѣ сѣсть, и она стояла все время, даже не хотѣла и немножко отдохнуть на колѣняхъ у своей нянюшки, говоря, что совсѣмъ не устала. Видите, мои милые, если Дуняша, будучи занята картинами и при такомъ ничтожномъ занятіи, не почувствовала, какъ прошли эти два часа, то еще болѣе понятно, отчего Вѣрочка съ Лизой не устали во время акаѳиста св. Варвары. Онѣ были

въ церкви всей душой и со вниманіемъ слушали пѣтыя молитвы и повѣствованіе о жизни св. великомученицы. Главное надобно думать о томъ, гдѣ находимся и что слышимъ во святомъ храмѣ: тогда никакая служба не покажется намъ длинною, а пріятной и утѣшительной...

Но мы отдалились отъ нашего разсказа. При описаніи Михайловскаго Монастыря, нельзя не упомянуть о св. мощахъ великомученицы Варвары. Разскажите, пожалуйста, кто нибудь, друзья мои, а я, между тѣмъ, отдохну немножко... хоть ты Миша. Николинька прошлый разъ замѣнилъ меня; теперь твоя очередь.

— Извольте, милый дѣдушка, постараюсь, какъ только могу; я же столько разъ слышалъ отъ васъ и читалъ самъ удивительную жизнь ея.

Съ этимъ словомъ, послушный Миша взялъ стулъ, сѣлъ такъ, чтобы всѣ его видѣли, и началъ говорить:

— Св. Варвара была единственная дочь очень важнаго и богатаго язычника Діоскора, жившаго въ городѣ Иліополѣ, гдѣ люди, не знавшіе истиннаго Бога, поклонялись бездушнымъ истуканамъ, или идоламъ.

Св. Варвара была красоты необыкновенной, и отецъ ея, думая, что никто не достоинъ видѣть дочь его, по тогдашнему обыкновенію, построилъ высокій каменный столбъ, или башню, и посадилъ въ нее свою дочь съ нянюшками и прислужницами.

Съ этого-то высокаго столба, откуда ничего нельзя было видѣть, кромѣ одного неба, благоразумная Варвара занималась разсматриваніемъ свѣтилъ небесныхъ и, удивляясь красотѣ всего видимаго ею неба, желала знать, кто все это сотворилъ. Она спрашивала у своихъ приближенныхъ и не хотѣла вѣрить глупому ихъ заблужденію, чтобы бездушные, сдѣланные руками человѣческими идолы могли все это устроить. При такомъ справедливомъ сомнѣніи,

благодать Св. Духа коснулась ея сердца: она непрестанно стала размышлять о невѣдомой для нея истинѣ. Отецъ же, уѣзжая далеко, позволялъ ей выходить изъ башни и ходить свободно, куда захочетъ. Тогда, думая объ одномъ познаніи истиннаго Бога, св. Варвара познакомилась съ дѣвицами христіанскими и, съ восторгомъ слыша отъ нихъ объ имени Господа нашего Іисуса Христа и узнавъ въ немъ истиннаго Бога, Творца неба и земли, св. Варвара, пламенно желала креститься. Богъ послалъ ей христіанскаго священника, подъ видомъ купца съ товарами, который, научивъ ее уже совершенно святой вѣрѣ, крестилъ тайно.

Крестившись, св. Варвара начала съ того, что приказала сдѣлать три окна въ новой постройкѣ ея отца, надъ бывшею купальней, на мраморномъ же водоемѣ сама начертала крестъ. Когда отецъ ея, возвратившись, спросилъ, что это значитъ, она отвѣчала ему, что три окна вмѣсто двухъ сдѣланы по ея приказанію. Онъ велѣлъ прорубить ихъ два въ честь двухъ свѣтилъ небесныхъ солнца и луны; а она прибавила третье, чтобы представить троичный свѣтъ св. Троицы: Отца и Сына и Святаго Духа, потому что свѣтъ солнца и луны можетъ померкнуть, а этотъ невещественный, истинный свѣтъ сіяетъ вовѣки.

Удивившись такимъ непонятнымъ для него словамъ, Діоскоръ сталъ распрашивать свою дочь. Это происходило подлѣ того камня, на которомъ начертала она св. крестъ. Тамъ святая дѣва объявила ему, что она христіанка. Тогда закоснѣлый язычникъ закипѣлъ гнѣвомъ до того, что поднялъ мечъ и хотѣлъ убить дочь свою; но та отъ него убѣжала. Онъ долго гонялся за нею, пока святая не скрылась въ разселинѣ каменной и оттуда безвредно взошла на самый верхъ горы, гдѣ снова принялась молиться Богу.

Жестокій отецъ, думая, что этимъ она прогневляетъ ложныхъ его боговъ, началъ святую мучить всячески: и

въ темницу запиралъ ее, и морилъ голодомъ, принуждая отречься отъ Христа и поклониться идоламъ. Но св. Варвара лучше желала страдать и умереть, нежели лишить себя такой благодати и на временную жизнь промѣнять блаженную вѣчность. Видя, что ничто не дѣйствуетъ на нее, немилосердный язычникъ отдалъ ее игемону, или тамошнему правителю, чтобы разными муками принудить ее отказаться отъ принятой ею вѣры. Но св. Варвара, укрѣпляемая Самимъ Господомъ, съ твердостію истинной христіанки, перенесла всѣ жесточайшія муки и наконецъ смиренно преклонила свою голову подъ мечъ родительскій. Отецъ самъ желалъ быть палачомъ своей дочери, и при этомъ сбылись слова евангельскія, что предастъ отецъ чадо свое на смерть.

Такимъ образомъ св. великомученица кончила свою земную жизнь и начала другую, блаженную, въ сонмѣ ангеловъ. Теперь она молится за насъ предъ лицемъ Самого Бога и посылаетъ святую помощь тѣмъ, кто съ вѣрою вспоминаетъ ея страданія; теперь она хранитъ насъ отъ жестокой болѣзни и внезапной смерти. Эту великую благодать получила она отъ Бога своими заслугами на землѣ.

Мощи св. великомученицы находятся и нынѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они положены по перевезеніи ихъ изъ Иліополя въ Кіевъ, и только во время нашествія Батыя на землю русскую были сокрыты подъ спудомъ, подъ каменными ступенями, ведущими на верхъ церкви. Вотъ все, что я знаю объ этомъ, мои милые!

— Благодаримъ, Миша! отвѣчали дѣти: теперь намъ еще пріятнѣе будетъ слушать чтеніе акаѳиста св. Варварѣ и пѣніе этого хвалебнаго стиха: «Радуйся, Варваро, Невѣста Христова прекрасная!»

— Я буду просить маменьку взять меня съ собою въ будущій вторникъ.

— И я уговорю мою нянюшку свести меня туда.

— А мы сами пойдемъ, если папинька позволитъ, раздалось въ толпѣ.

И опять все замолкло, и взоры всѣхъ обратились на дѣдушку, ожидая продолженія разсказа. Но старичокъ молча показалъ на небесный сводъ, покрывшійся уже темнотою, и объявилъ, что пора приниматься за ужинъ и разъѣзжаться по домамъ.

— Ахъ, такъ рано! воскликнуло множество голосовъ: отчего это, милый дѣдушка, такъ мало вы намъ разсказывали сегодня?

— Какъ мало, друзья мои! Напротивъ, вспомните, что начали мы въ шесть часовъ, а теперь скоро пробьетъ десять. Вотъ вамъ новое доказательство, что время идетъ скоро не въ однѣхъ играхъ и забавахъ. Разсказъ мой былъ сегодня довольно сухъ; однако, время для васъ не протянулось: это видно, что вы съ охотою слушали. Такъ и всякое другое занятіе и служба въ церкви, когда прилежно думаемъ о томъ, что слышимъ.

Прощайте, милые друзья мои! Подите, поужинайте чего нибудь, да и на ночлегъ. А будущее воскресенье покажетъ, о чемъ разговаривать.

Съ этимъ словомъ, дѣдушка перецѣловалъ всѣхъ дѣтей, которыя тѣснились около его, и пошелъ въ свою комнату.

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙ.

Церковь Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

— Взойдемте, сегодня, друзья мои, на нашу башню, сказалъ дѣдушка: чтобы изъ-за Михайловскаго Монастыря лучше видѣть высокіе и острые куполы Церкви Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Прекрасная ея архитектура принадлежитъ уже не столь отдаленному времени, какъ архитектура другихъ кіевскихъ церквей, потому что этотъ храмъ заложенъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія, собственными руками Императрицы Елисаветы Петровны, въ 1744 году, а освященъ въ 1767 году, 19 августа. Слѣдовательно, онъ строился 23 года, и это происходило отъ чрезмѣрной глубины фундамента, который, говорятъ, превышаетъ высоту самой церкви и выстроенъ знаменитымъ архитекторомъ, графомъ Растрелли.

Вамъ извѣстно, друзья мои, утѣшительное для насъ, Русскихъ, преданіе, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь воздвигнутъ этотъ храмъ, св. ученикъ Христовъ, апостолъ Андрей Первозванный, достигшій, по волѣ Господней, чудеснымъ образомъ по водамъ Днѣпра (называвшагося тогда Борисѳеномъ) до неизвѣстной дикой страны, именуемой Скиѳіею (въ которой теперь процвѣтаетъ возлюбленное отечество наше), взошелъ на эту гору и на

этомъ мѣстѣ воздвигъ Св. Животворящій Крестъ, предсказавъ Духомъ Святымъ, «что на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и градъ великій возникнетъ, и церкви многія воздвигнетъ въ немъ Богъ.»

И вотъ, друзья мои, протекло нѣсколько вѣковъ, которые передъ Богомъ, какъ день вчерашній, и предсказаніе св. ученика Христова исполнилось. Изъ дикой Скиѳіи образовалась просвѣщенная Россія. Люди, скитавшіеся въ ней по дебрямъ и лѣсамъ, начали соединяться, составили одно общество и, будучи всѣ по природѣ воинственны и сильны, пріобрѣли знаменитое названіе Славянъ, то есть славныхъ людей, и наконецъ составили могучее государство. Но они еще бродили во мракѣ невѣжества и, вмѣсто истиннаго Бога, поклонялись идоламъ, бездушнымъ болванамъ, сдѣланнымъ ихъ собственными руками.

Но милосердіе Божіе воззрѣло на это могущественное потомство, людей сильныхъ, и излило благодать Свою въ кроткую, добродѣтельную душу блаженной Ольги, которая, ощутивъ сей свѣтъ въ чистой своей душѣ, первая обратилась къ истинной вѣрѣ и потомъ, своими молитвами и примѣромъ, заронила спасительную искру въ душу своего внука Владиміра, который, сдѣлавшись первымъ свѣтиломъ для земли русской, озарилъ лучами незаходимаго солнца всѣ предѣлы обширнаго отечества нашего. Тогда, по предсказанію апостола, на этихъ горахъ воздвиглись многіе христіанскіе храмы и возникъ обширный городъ, удостоившійся быть столицею и мѣстопребываніемъ владыкъ тогдашней Руси.

Теперь, послѣ многихъ раззореній, Кіевъ представляется намъ, хотя въ меньшемъ размѣрѣ противъ прежняго, однакожь, по своему мѣстоположенію, все еще остается городомъ весьма красивымъ.

Впослѣдствіи столица нашего отечества перенесена

была въ Москву, а при Петрѣ Великомъ — въ Петербургъ, на берега Невы, конечно, для того, чтобы прославить всѣ самые отдаленные края Россіи и сблизить ее съ Европою. На этихъ же горахъ осталась одна святыня! Здѣсь, въ нѣдрахъ этой святой земли, впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ послѣ Владиміра, почило множество св. угодниковъ, которые молятся непрестанно предъ лицемъ Самого Бога за православную Россію...

Возвратимся къ нашему описанію.

Итакъ, на этомъ мѣстѣ, по прошествіи 12 вѣковъ послѣ пророчества св. апостола Андрея, великій князь кіевскій Мстиславъ Романовичъ, въ 1212 году, создалъ первую церковь—во имя Воздвиженія Честнаго Креста. Она была деревянная и стояла поблизости теперешней каменной. Мѣсто ея въ XVI вѣкѣ *) было на сѣверномъ крѣпостномъ бастіонѣ стараго Кіева, на чрезвычайно высокой горѣ, которая идетъ почти прямымъ утесомъ къ низменному предмѣстію, называемому Подоломъ.

Нынѣшняя церковь отъ стараго Кіева отдѣляется небольшою площадью, возвышенною лишь нѣсколькими саженями, куда входятъ по отлогой деревянной лѣстницѣ, ведущей на паперть къ другому каменному церковному крыльцу. Съ этой отдѣльной, возвышенной паперти чрезвычайно живописный видъ на Днѣпръ и красиво расположенный Подолъ. Монастыри, церкви, каменныя лавки, дома и широкія, прямыя улицы съ этой высоты видны, какъ на живомъ и движущемся планѣ. Вы, конечно, это замѣтили, друзья мои?

— О, да, милый дѣдушка, не разъ любовались мы, глядя на Подолъ съ высокой площадки Андреевской церкви.

— Внѣшній видъ этой церкви прекрасенъ, началъ опять

*) «Паломникъ Кіевскій». Стр. 66.

дѣдушка: величественно возвышаются острые ея куполы, въ родѣ готическомъ. Но внутри она не имѣетъ того великолѣпія, которымъ отличаются прочія кіевскія церкви. Стѣны безъ живописи, утварь и причетъ очень бѣдны. Прихода у нея нѣтъ: она содержится изъ городскихъ суммъ, довольно скудно.

Въ ней достойна примѣчанія большая картина Тайной Вечери, поставленная въ алтарѣ за престоломъ. Она написана знаменитымъ ученикомъ Рафаэля Леонардомъ да-Винчи и прислана въ даръ храму Императрицею Екатериною.

Невдалекѣ отсюда, между Андреевскою церковію и Трехъ-Святительскою находился нѣкогда теремъ, или дворецъ, великой княгини Ольги, на прекраснѣйшемъ мѣстѣ, откуда безподобный видъ на Днѣпръ и окрестныя горы.

Съ площади Андреевской церкви ясно видна гора Щековица, съ Церковью Всѣхъ Святыхъ, а далѣе обитель Кириловская, окруженная рощами; за нею, надъ самымъ Днѣпромъ, высится знаменитая гора Хоревица, съ Вышгородомъ, бывшимъ нѣкогда любимымъ селомъ Ольги; а при изгибѣ Днѣпра видна рѣчка Почайна, отъ которой осталось одно вьющееся по долинѣ устье. Тутъ же открывается небольшое озеро, называемое Іорданскимъ, гдѣ нѣкогда находился монастырь этого имени, потому что, въ древнія времена, сосудъ, брошенный однимъ поклонникомъ Палестины въ настоящій Іорданъ, былъ обрѣтенъ въ монастырскомъ кладезѣ *).

Вотъ сколько достопримѣчательныхъ мѣстъ видно съ высокой паперти Андреевской церкви, не говоря уже о неимовѣрной красотѣ всѣхъ ея окрестностей.

---

*) «Путешествіе по Св. Мѣстамъ Русскимъ». Муравьева. Стр. 50.

Но пора кончить нашу бесѣду. Спустимся внизъ, мои душеньки, напьемся чаю и по домамъ до будущаго пріятнаго свиданія... не такъ ли?

— О, конечно, пріятнаго, милый дѣдушка! воскликнули дѣти и такъ окружили старичка, что онъ едва могъ подвигаться внизъ по лѣстницѣ съ своимъ многолюднымъ обществомъ.

ВЕЧЕРЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Десятинная Церковь.

— Прошлая бесѣда наша была объ Андреевской церкви, мои милые, началъ дѣдушка: а сегодня займемся другою, видимою отсюда къ западу *). Это знаменитая въ исторіи Десятинная Церковь, названная такъ оттого, что св. Владиміръ, соорудивъ ее въ 989 году, въ самый годъ своего крещенія, опредѣлилъ на ея содержаніе и украшеніе десятину со своего имѣнія и доходовъ государственныхъ. Она освящена во имя собора Богородицы, празднуемаго на другой день Рождества Христова, и была первою соборною церковію въ Кіевѣ и во всей Россіи. Она была чрезвычайно обширна. Искусные греческіе художники, призванные великимъ княземъ, великолѣпно украсили ее мозаикою и иконами, привезенными изъ Корсуна. Въ эту церковь св. Владиміръ перенесъ останки бабки своей, блаженной Ольги, и тутъ же похоронилъ супругу свою, греческую царевну Анну, утвердившую его въ православной вѣрѣ, а наконецъ въ этомъ же храмѣ и самъ успокоился.

Благочестивый сынъ его Ярославъ, по древнему христіанскому обряду крестить мертвыхъ, вырылъ кости сво-

*) «Путешествіе къ Св. Мѣстамъ Русскимъ». Соч. А. Н. Муравьева.

ихъ дядей Ярополка и Олега, убіенныхъ еще въ язычествѣ, торжественно окрестилъ ихъ и положилъ въ Десятинной Церкви, а самъ успокоился въ созданномъ уже имъ самимъ храмѣ св. Софіи, гдѣ и теперь находится мраморная его гробница. Внукъ его, Изяславъ, несчастный князь, преслѣдуемый врагами и единокровными на мятежномъ тогда престолѣ кіевскомъ, и правнукъ его Ростиславъ, умершій въ юности, были послѣдніе князья, положенные въ Десятинной Церкви. Послѣ она была разрушена до самаго основанія Батыемъ.

Извѣстно, по преданіямъ, что на этомъ мѣстѣ была пролита кровь двухъ мучениковъ христіанъ изъ рода варяжскаго: Θеодора и сына его Іоанна, прекраснаго собою юноши, принесеннаго въ жертву идолу Перуну. Отецъ не могъ этого вытерпѣть и бросился спасти сына отъ такой ужасной смерти, но былъ тутъ же растерзанъ народомъ. Историки утверждаютъ, что въ благословенной Россіи только и совершились эти двѣ жертвы за вѣру Христову; но кости и тѣхъ почтены благочестивымъ послѣ Владиміромъ, который на нихъ основалъ великолѣпную Десятинную Церковь, украсивъ ее еще св. мощами Климента, епископа римскаго (скончавшагося до раздѣленія церквей), принесенными имъ изъ Херсона. Поэтому въ этомъ храмѣ былъ и придѣлъ во имя св. Климента. Мощи же его скрыты во время нашествія Батыя, полчища котораго совершенно разрушили церковь, оттого болѣе, что одна ея стѣна примыкала къ городской стѣнѣ и что на этомъ мѣстѣ происходило самое жаркое сраженіе. Кіевляне упорно стояли за святой храмъ, который тогда только достался во власть Татарамъ, когда всѣ они легли на его развалинахъ. Это произошло 9 мая 1240 года, въ самый Николинъ День. Можетъ быть, отъ этого изъ всей церкви уцѣлѣлъ одинъ придѣлъ святителя Николая, который былъ

возобновленъ въ началѣ XVII вѣка, митрополитомъ Петромъ Могилою.

Втеченіе цѣлыхъ четырехъ вѣковъ эти развалины находились въ запустѣніи, пока Петръ Могила освятилъ ихъ и, возобновивъ придѣлъ св. Николая Чудотворца, пристроилъ къ нему небольшую церковь во имя Рождества Божіей Матери, въ два яруса, и въ верхнемъ сдѣлалъ придѣлъ св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Въ развалинахъ сего храма найдены куски мозаическаго пола и нѣкоторыя другія вещи, что доказываетъ великолѣпіе Десятинной Церкви, считавшейся богатѣйшимъ храмомъ тогдашней Россіи.

Митрополитъ Петръ Могила, приходя молиться на развалинахъ Десятинной Церкви, нечаянно увидѣлъ яму въ землѣ и, приказавъ разрыть ее, нашелъ два мраморные гроба. По надписямъ видно было, что одинъ св. Владиміра, а другой — супруги его Анны. Тогда-то съ благоговѣніемъ перенесъ онъ честную главу просвѣтителя Россіи въ древнюю, сооруженную имъ же церковь на Берестовѣ; а послѣ эти мощи перенесены уже во Св. Лавру.

По прошествіи потомъ двухъ столѣтій отъ сооруженія небольшой Десятинной Церкви Петромъ Могилою, одинъ изъ жителей Кіева вздумалъ возстановить совершенно прежнюю Десятинную Церковь. Для того, въ 1823 году, разрыто было подъ землею обширное ея основаніе, имѣющее 26 саженъ въ длину и 16 въ ширину. Тогда ясно обозначился древній чертежъ внутреннихъ и внѣшнихъ ея стѣнъ, съ тремя полукружіями алтаря. Средній выдавался впередъ. Весь полъ въ алтарѣ сохранилъ свою мозаику, и на немъ грудою лежали также мозаическія обломки купола и стѣнъ. Тутъ найдены двѣ надгробныя, мраморныя доски фіолетоваго цвѣта: одна сдѣлана просто, а другая — съ богатою рѣзбою. Эта находка открыта на томъ же

мѣстѣ, гдѣ нѣкогда была найдена плита, принадлежавшая гробу св. Владиміра, которая и теперь осталась въ землѣ, потому что подходитъ подъ алтарную часть церкви. Теперь на этомъ мѣстѣ устроена съ правой стороны иконостаса великолѣпная гробница, съ серебряными изваяніями. На дикихъ камняхъ храма и донынѣ видны неизвѣстныя греческія письмена красноватаго цвѣта. Эти камни нарочно вложены въ стѣны церкви, какъ доказательство ея древности.

Нынѣшняя церковь воздвигнута въ древнемъ, византійскомъ вкусѣ, съ двумя придѣлами: во имя св. Владиміра и чудотворца Николая; полъ покрытъ мраморными плитами, въ родѣ крупной мозаики.

Вотъ вамъ, друзья мои, исторія разрушенія и возобновленія Десятинной Церкви. Она знаменита въ исторіи нашего отечества и, при совершенномъ уже, послѣднемъ разрушеніи Кіева, служила единственнымъ убѣжищемъ для его жителей, которые отчаянно защищались въ стѣнахъ ея, пока не легли всѣ вмѣстѣ подъ развалинами великолѣпнаго храма. Свирѣпые варвары торжествуютъ; все предано огню и мечу; земля покрыта трупами и кровію Россіянъ; исчезла великолѣпная столица князей русскихъ. Но никакая власть не въ силахъ истребить то, что не подвержено тлѣнію даже и по смерти! Святая земля скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ тѣла почившихъ, но духомъ живущихъ, угодниковъ Божіихъ, которые неослабно молятся на небесахъ за православное наше отечество, и, по молитвамъ ихъ, Россія доселѣ непоколебима. Какъ золото въ горнилѣ очищается огнемъ, такъ земля русская послѣ пагубныхъ своихъ междоусобій очистилась пролитою кровію вѣрныхъ сыновъ своихъ, и столица древнихъ князей возстала изъ своихъ развалинъ въ видѣ могущественной Россіи. Такъ сильны молитвы людей, угодившихъ Богу!

Возникшій изъ пепла и мало по малу устроившійся Кіевъ въ царствованіе Императрицы Екатерины сдѣлался настоящимъ городомъ, съ прямыми улицами и каменными зданіями; а впослѣдствіи переведенные въ него изъ города Дубно контракты еще болѣе способствовали его устройству и обогащенію его жителей. Съ тѣхъ поръ торговля привлекла въ него множество людей всякаго званія и многихъ иностранцевъ. Къ тому же впослѣдствіи возобновлены крѣпостные валы, которыми Петръ Великій обнесъ этотъ городъ, для огражденія его отъ нападеній Карла XII, что придало ему особенную важность. А нынѣ къ бывшимъ укрѣпленіямъ прибавляются еще новыя, въ лучшемъ вкусѣ, чѣмъ Кіевъ, конечно, украсится еще болѣе.

Вотъ, друзья мои, какъ для Бога все возможно! Изъ пепла и развалинъ, по Его мановенію, возникаютъ города и цѣлыя государства, съ новой славой. Это дѣлалось и нынѣ дѣлается по заслугамъ людей, Ему угодившихъ, и чрезъ молитвы святыхъ собратій нашихъ.

ВЕЧЕРЪ ПЯТЫЙ.

Софійскій Соборъ.

Весенніе и лѣтніе дни въ благословенномъ климатѣ Кіева рѣдко бываютъ пасмурны. Даже осенью и зимой гораздо больше дней свѣтлыхъ, чѣмъ темныхъ, — не то, что на сѣверѣ. Вообще можно сказать, что тамъ сіяніе солнечное бываетъ всегда, и голубое небо видно непрестанно. Отъ прозрачности же и чистоты воздуха сводъ небесный кажется гораздо выше, и облака будто другаго рода. Тамъ можно различить, какъ они ходятъ въ два и въ три ряда, слоями, одинъ выше другаго, что представляетъ необыкновенное зрѣлище на ярко-голубомъ грунтѣ чрезвычайно высокаго свода.

Оттого-то дѣдушка могъ ясно различать, разсматривать и показывать своимъ слушателямъ не только ближніе, но и самые отдаленные предметы.

Въ это воскресенье, когда уже пробило на городской башнѣ пять часовъ, дѣдушка тотчасъ явился на своей террасѣ и сѣлъ лицемъ на западъ. Все собраніе дѣтей послѣдовало его примѣру.

— По тому положенію, какое я избралъ сегодня, милые друзья мои, началъ дѣдушка; вы, конечно, уже угадываете, о чемъ я намѣренъ разсказывать вамъ.

— О Софійскомъ Соборѣ, отвѣчали мнѣ.

— Точно, мои милые! Коснемся этой важнѣйшей древности стараго Кіева. Вы видите предъ собою архитектуру наружныхъ стѣнъ, украшенную бѣлыми арабесками по зеленому грунту. Эта масса зданія увѣнчана множествомъ куполовъ, изъ которыхъ иные, какъ утверждаютъ очевидцы, еще таятся подъ крышею. Храмъ этотъ носитъ названіе «Софіи Премудрости Божіей», но освященъ во имя Рождества Богородицы.

— Давно хотѣлось мнѣ спросить васъ, милый дѣдушка, сказалъ Николинька: отчего это въ Софійскомъ Соборѣ празднуютъ Рождеству Богородицы, а не св. Софіи, 17 сентября?

— Изволь, я объясню это, другъ мой! Въ Россіи, кромѣ Кіевскаго, есть и еще нѣсколько соборовъ, названныхъ Софіею Премудростію Божіею. Такъ, напримѣръ, Софійскій Соборъ есть и въ Новгородѣ, и въ древнемъ Полоцкѣ, и въ Вологдѣ, и въ Тобольскѣ; но храмовые праздники и тамъ посвящены Божіей Матери.

Это прекрасно описалъ г-нъ Муравьевъ въ своей книгѣ: «Путешествіе ко Св. Мѣстамъ Русскимъ». Принеси мнѣ книгу, г. Муравьева, Наденька: я прочту вамъ изъ ней, что сюда относится.

«По сказанію лѣтописи Византійской *), наименованіе св. Софіи было возвѣщено императору Іустиніану ангеломъ, когда онъ строилъ въ Константинополѣ великолѣпный храмъ, и сіе таинственное имя знаменуетъ слово и Премудрость Божію, Самого Единороднаго Сына Божія!

«Но другіе объясняютъ оное изреченіемъ соломоновыхъ притчей: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь», относя слова къ церкви Христовой, ут-

---

*) Муравьевъ. 69 стр.

вержденной на семи таинствахъ, и къ Божественной Матери воплощеннаго Слова, которому она послужила домомъ. Посему и празднуется у насъ св. Софіи во дни, посвященные памяти Пречистой Дѣвы, съ тою только разницею, что въ Кіевѣ избранъ день Рождества Богоматери, когда устроялся на землѣ дивный домъ Премудрости Божіей, а въ Новгородѣ и въ прочихъ городахъ—день Успенія, когда взятъ былъ на небо таинственный кивотъ, вмѣстившій въ себѣ невмѣстимаго небесами. Различны храмовыя иконы Кіева и Новгорода: въ послѣднемъ Премудрость изображена въ видѣ огнезрачнаго ангела, великаго совѣта, на престолѣ, съ ликомъ знаменуемаго симъ ангеломъ Спасителя. Поверхъ его по сторонамъ Богоматерь и Предтеча, а на облакахъ книга Евангелія, посреди ангельскихъ ликовъ. Въ Кіевѣ же икона св. Софіи представляетъ Божію Матерь, стоящую на облакѣ и лунѣ, подъ сѣнію, которая утверждена на семи столпахъ и ступеняхъ. На персяхъ Пречистой Дѣвы Божественный ея младенецъ, съ державою, благословляющій; сверху Богъ-Отецъ, въ сонмѣ ангеловъ, и Духъ Святый, отъ Него исходящій и осѣняющій Пречистую Дѣву, а на вершинѣ сѣни надпись изъ соломоновыхъ притчей: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь». Предъ Матеріею Божіей стоятъ на ступеняхъ праотцы и пророки: на правой сторонѣ Моисей, указуя перстомъ на скрижали, гдѣ начертано: «радуйся, скрижаль Божія, въ ней же перстомъ Отчимъ написася слово Божіе.» Ниже Его Ааронъ въ ризѣ святительской съ прозябшимъ жезломъ своимъ, знаменовавшимъ Дѣву. Еще ниже царь Давидъ, въ порфирѣ, съ кивотомъ завѣта въ рукахъ, который былъ образомъ новаго таинственнаго кивота воплощеннаго Бога. На лѣвой сторонѣ—Исаія пророкъ, съ хартіею своихъ пророчествъ, указуя на слова: «Се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и на-

рекутъ Ему имя Еммануилъ». Ниже его три пророка: Іеремія, со свиткомъ, и Іезекіиль, съ затворенными дверями храма въ рукахъ, ибо онъ пророчествовалъ, что пройдетъ ими Господь и они останутся затворенными, въ знаменіе таинственнаго дѣвства и рождества, и Даніилъ, съ камнемъ, который, по словамъ его, самъ собою отсѣкся отъ горы и возросъ въ гору великую, исполнившую всю землю. Облако и ступени знаменуютъ добродѣтели евангельскія, имена которыхъ на нихъ написаны; а на столпахъ названія семи различныхъ дарованій Духа Святаго. Такова сія символическая икона св. Софіи, въ древнѣйшемъ ея Соборѣ Кіевскомъ, хотя едва ли не съ бо̀льшею вѣроятностію предполагать должно, что утраченный подлинникъ ея былъ писанъ по образцу новгородскаго.»

— Вотъ, друзья мои, какъ описываетъ г-нъ Муравьевъ эту икону, означающую въ символическомъ, то есть иносказательномъ смыслѣ всѣ сбывшіяся о пришествіи Спасителя на землю пророчества, т. е., что Онъ родится отъ Пресвятой Богородицы, совершитъ всѣ евангельскія добродѣтели для нашего примѣра и наставленія, чтобы и мы жили здѣсь свято и по смерти удостоились, подобно Ему, взойти на небеса и соединились съ Нимъ навсегда. Высокое, святое предназначеніе! Какъ не пожертвовать всѣми прелестями ложныхъ радостей для этого истиннаго и, притомъ, нескончаемаго блага! произнесъ дѣдушка, съ чувствомъ, и слезы умиленія покатились по его почтенному лицу.

Молоденькія сердца его слушателей были также тронуты; а эти драгоцѣнныя минуты въ жизни очищаютъ для насъ путь къ совершенію добродѣтелей.

— Довольно: прекратимъ бесѣду нашу сегодня, сказалъ дѣдушка, помолчавъ нѣсколько: пора всѣмъ на покой. Простите, друзья мои, до будущаго воскресенья.

ВЕЧЕРЪ ШЕСТОЙ.

Продолженіе того же.

— Софійскій Соборъ, милые друзья, имѣетъ столько достойнаго примѣчанія, сказалъ дѣдушка своимъ слушателямъ: что и эту бесѣду мы должны посвятить ему же.

Сегодня я хочу обратить ваше вниманіе на рѣдкости, которыя въ немъ остались по истеченіи цѣлыхъ восьми вѣковъ, т. е. 800 лѣтъ... Неправда ли, великая древность?

— О, да, милый дѣдушка! такъ что и не перечтешь, сказали нѣкоторыя изъ дѣтей.

— Да и вообразить трудно, прибавили другія.

— Этотъ соборъ старѣе не только насъ всѣхъ, но и васъ, милый дѣдушка!

— Конечно, друзья мои, я хотя и старъ, но живу не мафусаиловы вѣки, и потому Софійскій Соборъ старѣе не только меня и моего дѣдушки, но и прадѣдушки и прапрадѣдушки. Восемьсотъ лѣтъ — это больше восьми человѣческихъ вѣковъ, и хотя бы, начиная съ моего прапрадѣдушки, всѣ мы жили по сту лѣтъ, и тогда соборъ былъ бы старѣе всѣхъ насъ цѣлыми пятью вѣками.

— О! теперь и я поняла, какой онъ старенькій! сказала Любинька: а дѣдушка мой молоденькій... Не обижайте моего милаго дѣдушку!

— Это не обида, душа моя, когда называютъ старикомъ: лѣта даютъ право на почтеніе; только надобно, чтобы съ лѣтами былъ и умъ въ соразмѣрности. Старость, по священному писанію, мѣряется не долготою лѣтъ, а мудростію, т. е. исполненіемъ своихъ обязанностей. Кто, выполняя ихъ, прожилъ уже долго, тому должно быть пріятно, что его называютъ старикомъ: въ противномъ же случаѣ, и молодость не похвала. Но возвратимся къ нашему разсказу.

Главная древность, на которую хочу я обратить ваше вниманіе, это мозаическая работа внутри алтаря.

— Что это значитъ мозаическая работа, милый дѣдушка?

— Мозаикою называютъ, друзья мои, древнее искусство представлять живопись не кистью и красками, а набором небольшихъ камешковъ, такого цвѣта, который нуженъ въ рисункѣ. Потомъ эти камешки склеиваютъ плотно другъ съ другомъ и гладко полируютъ всѣ вмѣстѣ, отчего выходитъ настоящая живопись, которая уже никогда ни полинять, ни испортиться не можетъ. Вотъ такою-то работою украшены алтарь Софійскаго Собора и исполинская икона Божіей Матери надъ престоломъ, сдѣланная во весь алтарный сводъ. Нельзя равнодушно смотрѣть на эту древнюю святыню: Божія Матерь представлена стоящею на золотомъ, четвероугольномъ камнѣ. Обѣ Ея руки подняты вверхъ и представляютъ Ее въ видѣ молящейся или какъ бы призывающей всѣхъ насъ подъ свою защиту. Одежда Ея ярко-голубаго цвѣта, и алый поясъ, на которомъ повѣшено полотенце, конечно, представляетъ то, что имъ отираетъ Она слезы всѣхъ несчастныхъ, къ Ней прибѣгающихъ. Лазуревые поручни на рукахъ и золотое покрывало, которое спускается съ Ея главы на лѣвое плечо, въ видѣ омофора, представляетъ покровъ, которымъ осѣняетъ Она весь міръ. Втеченіе 800 лѣтъ эта икона

осталась такою же, какъ была сначала, и оттого справедливо слыветъ въ народѣ *Нерушимою Стѣною.*

— Точно, милый дѣдушка, сказалъ Миша: что-то величественное, святое чувствуешь въ душѣ, когда отворятъ царскія двери. Да и кромѣ этого чудеснаго изображенія Божіей Матери, стоящей надъ престоломъ, какъ бы на воздухѣ, всѣ святые во весь ростъ, представленные также мозаикою, по стѣнамъ алтаря, кажутся точно живыми и какъ будто служатъ, стоя около престола.

— А замѣтилъ ли ты, другъ мой, кого именно изображаютъ эти лики святыхъ?

— Да, милый дѣдушка, нѣсколько разъ уже читалъ я надписи, написанныя по гречески, но не могу хорошо разсказать.

— Это значитъ, что мнѣ должно замѣнить тебя?

— О, да милый дѣдушка, вы лучше растолкуете это все.

— Пожалуй. Я очень послушенъ и начну съ описанія верхней мозаики, которая идетъ около стѣнъ, подъ самымъ подножіемъ коллоссальнаго изображенія Божіей Матери, отдѣляясь бѣлыми арабесками. На этой очень широкой полосѣ представленъ престолъ, покрытый алою пеленою, подъ бѣлымъ балдахиномъ; а по обѣимъ сторонамъ его представлены два лика Спасителя, совершенно подобные, оба въ золотой съ голубымъ одеждѣ, оба стоятъ спиною къ престолу и подходящимъ по шести съ каждой стороны его 12 апостоламъ подаютъ одинъ св. чашу, а другой части божественнаго хлѣба. Надъ ними, черною мозаикою, на греческомъ языкѣ, начертаны слова: «Пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое, во оставленіе грѣховъ, и пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ.»

Эти два лика Спасителя представляютъ святое причащеніе подъ обоими видами, по чину восточной церкви.

Внизу же подъ этой полосою слѣдуютъ другія изображенія, отдѣленныя также широкою полосою арабесковъ, и на ней-то представлены во весь ростъ святые, начиная съ архидіакона Стефана, который стоитъ по правую сторону престола, въ одеждѣ своего сана, и держитъ въ правой рукѣ кадило, а лѣвою прижимаетъ къ сердцу камень.

— Что же это значитъ, милый дѣдушка?

— То, друзья мои, что архидіаконъ Стефанъ былъ первый мученикъ за вѣру: его побили камнями, и потому художникъ представилъ, что онъ одинъ изъ этихъ камней прижимаетъ къ сердцу, какъ драгоцѣнное орудіе, соединившее его со Христомъ. Съ такой любовію и пламеннымъ желаніемъ шли первые христіане на смерть, за православную вѣру, что не только не отвращались, а любили ужасныя орудія смерти, которыя соединяли ихъ навсегда съ Господомъ въ вѣчной жизни.

Подлѣ архидіакона Стефана идетъ рядъ святителей: Николай-чудотворецъ, Григорій-Богословъ, Климентъ папа римскій и св. Епифаній....

— Позвольте, милый дѣдушка, сказалъ Алеша: давно хочу спросить, какимъ образомъ папа римскій можетъ быть съ нашими святыми?

— До раздѣленія церкви, другъ мой, въ первыя времена христіанства вѣра была одна, и вотъ явное доказательство, что наша восточная церковь есть первенствующая, потому что между нашими святыми многіе жили на западѣ, и не одинъ, а два римскихъ папы признаны у насъ святыми прежде раздѣленія и остались въ нашихъ святцахъ.

По лѣвую сторону престола представленъ архидіаконъ римскій Лаврентій — вотъ опять ихъ святой — также съ

кадиломъ въ рукѣ. Онъ былъ сожженъ за православную вѣру. Рядомъ съ нимъ идутъ учители церкви: Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Нисскій и Григорій Кесарійскій. Всѣ они въ облаченіяхъ епископскихъ и держатъ Евангелія. Твоя правда, Миша, что они кажутся какъ бы служащими предъ престоломъ, со множествомъ другихъ живыхъ пресвитеровъ церкви. Прекрасная мысль художника! Много глубокомыслія было въ тогдашній вѣкъ! Какъ подробно знали тогда все относящееся до закона и догматовъ нашей вѣры!

Древняя мозаика сохранилась еще съ наружной стороны алтаря, на аркѣ предъ иконостасомъ. Здѣсь икона изображаетъ Спасителя, Божію Матерь и Предтечу по сторонамъ, съ греческою надписью: «Богъ по средѣ ея и не подвижется, поможетъ ей утро и заутро»; на столпахъ же, поддерживающихъ эту арку, представлены: на одномъ — Божія Матерь, съ веретеномъ въ рукѣ, а на другомъ — благовѣствующій Ей архангелъ, со скиптромъ. Кажется, мысль художника была та, чтобы представить смиренную жизнь Богоматери на землѣ, гдѣ жила Она трудами рукъ своихъ и не гнушалась самою простою работою, сама пряла и ходила за водою, будучи, однако, царскаго рода. Благовѣствующій Ей архангелъ со скиптромъ представляетъ Ея славу и царское могущество на небеси, гдѣ Она превыше всѣхъ херувимовъ и серафимовъ.

— Замѣтьте, дѣти, сказала Надежда Александровна: что Божія Матерь, избранная изъ всѣхъ родовъ, превосходящая всѣ небесныя силы Своимъ могуществомъ и властію, бывъ удостоена содѣлаться Матерью Самого Бога, не въ пышныхъ, однако, палатахъ жила на землѣ, хотя происходила отъ рода царскаго. Она не возмущалась своею неизвѣстностію и не пренебрегала даже самой про-

стою работою: Сама ходила за водою, пряла и Своими руками выткала не швейный хитонъ Своему Божественному Сыну, о которомъ говорится во св. Евангеліи: Бѣ же хитонъ не швенъ, свыше исткань весь (Іоанна гл. 19, ст. 24). Объ этомъ хитонѣ воины метали жребій, кому онъ достанется.

Вотъ какъ Господь любитъ труды! Сколько бы они ни были просты и даже низки по нашему, никого, однако, унизить не могутъ, когда Сама Божественная Его Матерь занималась ими. Потому представьте, какой большой грѣхъ презирать человѣка за его бѣдность, думая, что я выше его, оттого, что не имѣю нужды работать собственными руками... О, друзья мои! берегитесь этого преступнаго чувства гордости и, смотря на какого нибудь работника или работницу, въ потѣ лица достающихъ хлѣбъ свой, думайте, что эти люди достойны всякаго уваженія, когда Сама Божія Матерь, святѣйшая всѣхъ ангеловъ, не гнушалась простой работы, и будьте увѣрены, что, какого бы рода ни были ваши труды, все они гораздо лучше бездѣйствія. Нищая, которая въ пыли и грязи работаетъ со смиреніемъ и безъ ропота, гораздо выше тѣхъ, которые ничего не дѣлаютъ.

— Ахъ, тетенька, вы это обо мнѣ говорите! сказала Наташа.

— Нѣтъ, обо мнѣ, подхватила Таничка, — и почти всѣ дѣвочки эту укоризну доброй Надежды Александровны примѣняли къ себѣ.

— Хорошо, мои милые! признаніе есть уже знакъ исправленія, сказалъ Миша: но и намъ, мальчикамъ, нельзя промолчать при этомъ: и мы иногда смотримъ что называется свысока на бѣдненькаго мальчишку, который мететъ дворъ или убираетъ въ конюшнѣ. Недалеко сказать: вчера утромъ, вышелъ я въ садъ и сѣлъ на мою

любимую скамеечку въ тѣни тополей читать книгу, думая, что тутъ уже никто не помѣшаетъ. Но въ то время, когда я читалъ самую занимательную страницу въ книгѣ, подошелъ ко мнѣ оборванный, запачканный въ грязи мальчикъ и сказалъ довольно грубо: «Встань, баринъ: надобно выместь кругомъ и подобрать сухіе прутья. Сейчасъ придетъ Марфушка мыть садовыя скамеечки.» Такъ говорилъ мнѣ мальчикъ, стоя съ длинной метлой передо мною. Долженъ ли я былъ послушаться и встать со скамейки?

— О, конечно, долженъ былъ, отвѣчали дѣти.

— Однако, я этого не сдѣлалъ, а еще, разсердившись, закричалъ на него: пошелъ прочь! мнѣ нѐкогда съ тобою разговаривать...

— А какже, баринъ, Марфушка-то скоро придетъ.

— Пошелъ! скажи и ей, чтобы не смѣла приходить сюда: я читаю такую книгу, которой оба вы и понять не можете, возразилъ я снова, хвастаясь передъ нимъ моимъ знаніемъ. Неправда ли, какъ глупо? Да, ктому же, послушайте далѣе. Мальчикъ, разумѣется, тотчасъ ушелъ; а я, не просидѣвъ и десяти минутъ, соскучилъ чтеніемъ и самъ ушелъ изъ саду. Мы принялись завтракать, потомъ учиться, и я уже передъ обѣдомъ пришелъ снова къ лавочкѣ съ моей книгою. Представьте же, тамъ опять встрѣтился со мною прежній мальчикъ. Онъ изъ всей силы теръ скамейку грязною тряпкой, отчего она, однако, не становилась чище. Я подошелъ ближе и, снова разсердившись, что онъ намочилъ мнѣ лавочку, хотѣлъ было прогнать его, но, взглянувъ ему въ лицо, увидѣлъ, что онъ плачетъ, слезы такъ и каплютъ на тряпку.

— Что это? о чемъ ты плачешь? спросилъ я. — Мальчикъ вздрогнулъ. — Видите, онъ уже сталъ бояться меня! Проворно обтеръ онъ слезы грязною рукой и принялся еще усерднѣе мыть скамейку. Я повторилъ свой вопросъ,

взявъ уже его за руку. Тогда онъ, всхлипывая, отвѣчалъ: «Ахъ, баринъ... о томъ, что... давича... не убралъ сучьевъ и не велѣлъ Марфушкѣ приходить... дядя Семенычъ выдралъ мнѣ уши, а какъ Марфушка ушла домой, то и послалъ меня вымыть эту скамейку; да если будетъ не чисто... то обѣщался.... еще... больно высѣчь... а я видишь... не умѣю! Сказавъ это, онъ еще болѣе плакалъ. Тутъ уже, мои милыя, совѣсть во мнѣ заговорила: не мальчикъ, а я былъ всему виноватъ! Подумавъ это, я чувствовалъ, что не ему, а мнѣ должно исправить свою вину: тотчасъ побѣжалъ въ кухню, взялъ ведро съ горячей водою, чистую тряпку и самъ вымылъ скамейку; а мальчику далъ гривенникъ за незаслуженное наказаніе. Тогда только на душѣ моей стало легче, и я увидѣлъ, до чего можетъ довести насъ неумѣстное барство и пренебреженіе другими.

— Хорошо ты сдѣлалъ, Мишенька, что загладилъ свою вину, сказала одна изъ дѣвочекъ: а вотъ я такъ не могла этого сдѣлать.

— Отчего же, Варочка?

— Оттого, дружокъ мой, что сегодня, ѣдучи съ папенькой къ обѣднѣ въ Лавру... Представьте, гдѣ я была!... Вотъ приближались мы къ Святымъ Воротамъ, откуда обыкновенно всѣ уже идутъ пѣшкомъ до Собора. Въ эту минуту папенькѣ что-то нужно было приказать кучеру; а я, между тѣмъ, принялась разсматривать святыхъ, написанныхъ по стѣнамъ, ведущимъ въ ворота, и читала вслухъ надписи. Думаю, что и мнѣ, какъ Мишѣ, хотѣлось похвастать моимъ знаніемъ передъ нищими, которыхъ всегда тутъ множество. Разумѣется, многіе изъ нихъ обступили меня, а одна, похваливъ меня за то, что такъ хорошо разбираю святыя слова, оперлась на мое плечо. Что жь бы вы думали, я сдѣлала? оттолкнувъ ни-

щую, я сказала громко: «фи, какая грязная!» и, отряхнувъ мое платье, спросила у другихъ, не замарала ли она меня. «Нѣтъ! отвѣчала мнѣ одна изъ нихъ. Однакожь, нехорошо, что ты такая брезгливая, а еще умѣешь читать имена святыхъ, здѣсь написанныхъ. Вѣдь они, наши батюшки, сами трудились, да еще и не для себя, а для нищей братіи! за то теперь и въ царствіи небесномъ. Да не только мы, бѣдные, но и вы, господа, и даже цари наши теперь имъ покланяются. Чѣмъ же, думаешь ты, барышня, заслужили они эту честь? смиреніемъ, а не гордостію. Да ктому же, скажу тебѣ, что старушка, которая до тебя дотронулась, врядъ ли уже не святая: она, моя голубушка, три раза была въ Іерусалимѣ на поклоненіи Гробу Господню и уже нѣсколько лѣтъ живетъ здѣсь, подлѣ Св. Лавры, собираетъ милостыню и все, что сберетъ, раздаетъ нищимъ, а, между тѣмъ, сама трудится въ потѣ лица и оттого показалась тебѣ такою грязною. Она и сегодня еще до свѣту выполола всѣ гряды на огородѣ одной бѣдной вдовы, которая лежитъ въ постели. Эта добрая старушка работаетъ за нее на малолѣтнихъ сиротъ, ея дѣтокъ, такъ, даромъ, только потому, что вдовѣ не на что нанять работницу. Такъ эта старушка, мое сердечушко, стоитъ того, чтобы не только не пренебрегать грязнымъ ея платьемъ, но еще почитать и любить ее.» Въ эту минуту папенька, кончивъ свои распоряженія, позвалъ меня. Тогда и во мнѣ, какъ сказалъ Миша, сильно заговорила совѣсть: краснѣя, выслушала я наставленіе нищей и желала исправить мою вину, попросивъ прощенія у старушки и давъ ей милостыню; но она уже скрылась и я не могла найти ее ни тутъ, ни въ церкви. Этотъ случай я всегда буду помнить и стану остерегаться пренебрегать кѣмъ нибудь. Папенька мнѣ говорилъ послѣ, что презрѣніе можемъ и должны мы чувствовать только

къ самимъ себѣ, когда сдѣлаемъ что дурное; тогда оно послужитъ для нашего исправленія.

— Да, это правда, друзья мои! сказалъ дѣдушка. Всего лучше то, что Миша самъ вымылъ скамейку, а Вѣрочка почувствовала свою вину. По ихъ примѣру, конечно, и всѣ вы будете остерегаться преступнаго чувства гордости, которое такъ опасно, что можетъ довести насъ до многихъ пороковъ... Но время уже кончить нашу бесѣду. Простите, мои милые, до будущаго воскресенья.

ВЕЧЕРЪ СЕДЬМОЙ.

Окончаніе.

— Мы остановились на описаніи мозаическихъ иконъ, сказалъ дѣдушка. Изъ нихъ уцѣлѣли еще ликъ Спасителя на золотомъ полѣ, подъ куполомъ въ дугѣ свода, и, сверхъ того, образъ Божіей Матери. Изъ четырехъ Евангелистовъ, сдѣланныхъ на треугольникахъ также подъ куполомъ, сохранились только образъ св. Марка и часть образа Іоанна Богослова, а изъ 40 мучениковъ уцѣлѣли лишь 15, прочіе же дописаны красками.

Можно сказать, что эта церковь снаружи и внутри выстроена въ древнемъ вкусѣ. Нижній ея ярусъ съ арками, на которыхъ воздвигнуты хоры, чрезмѣрной величины. Перилы на нихъ были сдѣланы изъ порфира, съ золотыми гербами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще уцѣлѣли.

Въ Соборѣ Софійскомъ, кромѣ главнаго престола, во имя Рождества Богородицы, находится еще 16 придѣловъ: восемь внизу и восемь на верхнихъ галлереяхъ.

Близъ андреевскаго придѣла, въ верхней западной галлереѣ, между столпами находится чудотворная икона Божіей Матери въ крестѣ, называемая *Купятицкою* и получавшая свое названіе отъ селенія Купятецъ, Минской

Губерніи, Пинскаго Уѣзда, гдѣ она была прежде и откуда перенесена въ Кіевъ во второй половинѣ XVII столѣтія.

Тамъ же стоитъ чудотворная икона святителя Николая, именуемаго *Мокрымъ.* Это названіе произошло вслѣдствіе слѣдующаго совершившагося тамъ чуда. Одинъ младенецъ упалъ въ рѣку и утонулъ. Вытащивъ его мертвымъ, родители поражены были горемъ, прибѣжали въ церковь и, положивъ тѣло младенца предъ иконою чудотворца Николая, стали молиться. Видно, молитва ихъ была горяча и изливалась съ полною вѣрою, — младенецъ ихъ ожилъ, и съ тѣхъ поръ, этотъ образъ простые люди называютъ образомъ Николая Мокраго.

Въ нижней же церкви находятся другія двѣ чудотворныя иконы, называемыя *Любечскими:* одна изображаетъ Спасителя, а другая — Божію Матерь, и называются такъ потому, что перенесены въ Софійскій Соборъ митрополитомъ Гедеономъ, к. Святополкомъ Четвертинскимъ (умершимъ въ 1690 году) изъ Любеча, города Черниговской Губерніи.

Въ этомъ соборѣ открыто почиваютъ нетлѣнныя мощи св. митрополита Макарія, который былъ умерщвленъ Татарами за православную вѣру 1 мая 1497 года, при обозрѣніи паствы, на пути изъ Вильны въ Кіевъ. Святыя его мощи перенесены въ Софійскій Соборъ, и съ тѣхъ поръ 1 мая ежегодно обносятъ ихъ кругомъ всего храма, съ крестнымъ ходомъ.

Въ этомъ же храмѣ, въ кипарисной ракѣ, хранятся части св. мощей русскихъ и другихъ угодниковъ Божіихъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства.

Въ Софійскомъ Соборѣ погребены многіе изъ древнихъ князей русскихъ: Ярославъ, сынъ его Всеволодъ и два его внука: Владиміръ Мономахъ и Ростиславъ. Гробы

ихъ теперь неизвѣстны, кромѣ одной мраморной гробницы великаго князя Ярослава, сооружившаго этотъ храмъ. Она придѣлана къ алтарной стѣнѣ, на сѣверной сторонѣ собора, въ придѣлѣ св. Владиміра. Ее покрываютъ доски изъ бѣлаго мрамора со странными изображеніями, служившими, какъ видно, украшеніемъ тогдашняго вѣка.

Въ этомъ соборѣ много богатой утвари; болѣе всего замѣчательны золотые сосуды, принесенные въ даръ Царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами. Такіе же присланы Императрицами Екатериною II и Елисаветой Алексѣевной, а потомъ еще золотые сосуды, пожертвованные Императоромъ Александромъ I и присланные Имъ изъ Парижа въ 1815 году. Драгоцѣнный покровъ на мощи св. Макарія пожалованъ Императрицею Екатериною II; омофоръ грузинскихъ царей данъ митрополиту Гедеону Четвертинскому; большое патріаршее Евангеліе подарено митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, — и множество другихъ драгоцѣнностей.

Фрески, начертанныя греческими художниками еще XI вѣка, недавно открыты академикомъ Солнцевымъ, подъ пятью слоями клеевой краски, на стѣнахъ четырехъ внутреннихъ, боковыхъ придѣловъ и представляютъ девять во весь ростъ и одинадцать поясныхъ изображеній святителей. Настоящія изслѣдованія, можетъ быть, откроютъ ихъ и болѣе. Эти фрески, или живопись по сырой извести, совершенно похожи на мозаическія работы этого рода и служатъ доказательствомъ того, что главныя стѣны собора остались тѣ же, которыя были воздвигнуты Ярославомъ за 800 лѣтъ до настоящаго времени.

Внутренность Софійскаго Собора мы разсмотрѣли, друзья мои! Вотъ и наружный видъ его предъ глазами нашими, съ его древней, тяжелой архитектурой, покрытой лѣпными

бѣлыми арабесками по зеленому грунту, что придаетъ храму необыкновенное величіе.

По преданію, эта церковь была построена крестообразно и представляла совершенный образецъ Константинопольской Софійской Церкви; но впослѣдствіи она разширена снаружи разными пристройками, такъ что только внутри сохранила первобытный планъ свой.

Главъ на ней 15. Величина ея въ длину 17, въ ширину 25½, въ вышину до карниза подъ куполомъ 10 саженъ *).

Въ время Ярослава церковь эта была чрезвычайно великолѣпна. Благочестивый строитель украсилъ ее золотомъ, серебряною мозаическою работою и мраморными колоннами; полъ былъ такой же, изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ, а огромные хоры украшались порфировыми перилами съ золотыми орлами и лиліями.

Въ 1240 году, Софійскій Соборъ былъ разграбленъ Татарами; но стѣны его остались до самаго купола неповрежденными. Митрополитъ кіевскій Кипріанъ въ концѣ XIV вѣка обновилъ его; но послѣ, во время татарскихъ набѣговъ, онъ снова былъ раззоренъ. Въ послѣднихъ годахъ XV вѣка разграбилъ его крымскій ханъ Менгли-Гирей и нѣкоторые изъ священныхъ его сосудовъ послалъ въ даръ Царю московскому Іоанну III. Въ 1596 году овладѣли имъ уніяты. И уже знаменитый митрополитъ кіевскій Петръ Могила возвратилъ его православію, въ 1633 году, обновилъ куполъ и сдѣлалъ по бокамъ пристройки для поддержанія стѣнъ его. Въ 1786 году, при учрежденіи штатовъ, Софійскій Монастырь переименованъ въ каѳедральный соборъ кіевскаго митрополита.

Вотъ вамъ, друзья мои, описаніе знаменитаго своею

*) «Паломникъ Кіевскій». 1842 г. Стр. 44.

древностію Софійскаго Собора. Замѣтьте его хорошенько, потому что все, напоминающее благочестіе Русскихъ и водвореніе православной вѣры въ отечествѣ нашемъ, должно быть достойно уваженія и подробнаго знанія. Разговоры и чтенія о святой старинѣ Руси возвышаютъ душу, пробуждая въ ней сердечную благодарность къ Промыслу Божію, хранившему отечество наше въ самыя скорбныя времена и наконецъ возведшему его на высшую степени славы и величія. Всеблагій Господь поддерживаетъ Государей нашихъ и всѣхъ насъ только незыблемою опорою православной вѣры, переданной намъ прямо отъ св. апостоловъ, которые вѣрили, думали и писали не иначе, какъ по внушенію Святаго Духа, отвергая всѣ мудрствованія человѣческаго ума и въ смиренномъ сердцѣ испрашивая помощи и благодати свыше.

Оттого-то вѣра наша, втеченіе столькихъ вѣковъ, осталась тою же чистой, истинной вѣрою, какою возсіяла изъ купели временъ апостольскихъ. Уже одна терпимость ея въ отношеніи къ прочимъ вѣроисповѣданіямъ служитъ доказательствомъ ея истинности, основанной на христіанскихъ добродѣтеляхъ. У насъ никогда не было гоненій и кровопролитій за вѣру; мы вѣруемъ истинно и молимся за отступниковъ, прося всещедраго Бога присоединить ихъ къ православію, но не желаемъ дѣлать того насильно: мы проповѣдуемъ не съ мечемъ, а съ крестомъ въ рукѣ, не злобой, а любовію стараемся обращать невѣрныхъ подъ сѣнь нашей церкви. Терпимость разныхъ вѣроисповѣданій была въ Россіи уже и въ тѣ отдаленныя времена, когда еще очень далеко отстояла она отъ просвѣщенія другихъ европейскихъ государствъ, въ которыхъ, однако, часто возникали войны и междоусобія за вѣру.

Слѣдственно, друзья мои, будемъ благодарить Бога, что мы родились Русскими, что крещены въ правую вѣру, и

молить Его всегда, чтобы Онъ подалъ намъ силы исполнять святыя ея повелѣнія и кончить жизнь такъ же свято, какъ вышли мы изъ купели.

Но пора уже на покой и вамъ и мнѣ. Простите, друзья мои, опять до будущаго свиданія. Желаю вамъ быть здоровыми, веселыми и трудолюбивыми, для того, чтобы мнѣ не лишиться котораго нибудь изъ моихъ слушателей.

ВЕЧЕРЪ ВОСЬМОЙ.

Развалины Церкви и Монастыря Св. Ирины.

— Въ прошлую бесѣду нашу, милыя дѣти, началъ дѣдашка, говорили мы о Софійскомъ Соборѣ: пойдемъ оттуда ну нѣсколько шаговъ къ западу, и мы найдемъ развалины. Кто изъ васъ можетъ разсказать намъ, что онѣ значатъ?

— Недавно гуляя всѣ вмѣстѣ, мы были на этихъ развалинахъ, милый дѣдушка, отвѣчала Наденька,—и слышали отъ маменьки, что на этомъ мѣстѣ былъ нѣкогда монастырь съ церковію святой Ирины.

— Да, дружокъ мой. Этотъ монастырь воздвигнутъ былъ Ярославомъ I, или Георгіемъ Владиміровичемъ, въ честь св. Ирины, по имени супруги его Ирины, или Индигерды, королевы шведской. Впослѣдствіи же правнука св. Владиміра, по имени Янка, или Анна Всеволодовна, при этомъ монастырѣ учредила училище для дѣвицъ и сама занималась обученіемъ ихъ чтенію, письму и разнымъ женскимъ рукодѣльямъ, стараясь воспитать ихъ въ истинномъ благочестіи. По мнѣнію историковъ, это было первое училище для дѣвицъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, потому что въ тотъ вѣкъ, кромѣ мужскихъ школъ, нигдѣ еще не было училищъ женскихъ. Объ

этомъ упоминаетъ и Татищевъ въ примѣчаніяхъ своихъ къ «Россійской Исторіи». Вотъ какимъ воспоминаніемъ знамениты развалины Монастыря Св. Ирины, и потому, мои душеньки, память внуки великаго Ярослава должна быть уважаема Русскими. Анна Всеволодовна первая привела въ исполненіе великую мысль воспитанія женщинъ.

Теперь въ этихъ развалинахъ видны одна алтарная часть основанія церкви, съ полукружіемъ горняго мѣста, и мѣсто древнихъ гробовъ, какъ видно, бывшихъ внутри каменныхъ склеповъ подъ церковью. Остальное же все скрыто крѣпостнымъ валомъ, которымъ обнесенъ былъ Кіевъ въ концѣ XVII вѣка. Эти развалины открыты уже въ 1832 году. Пойдемъ еще западнѣе и увидимъ, такъ называемыя, *Золотыя Ворота*, потому что во времена великаго Ярослава онѣ были обиты мѣдными, густо вызолоченными листами; теперь же остались отъ нихъ однѣ развалины въ видѣ двухъ боковыхъ стѣнъ, воздвигнутыхъ изъ громадныхъ камней. Свода уже нѣтъ теперь, и стѣны поддерживаются внутри двумя толстыми, желѣзными прутьями, вдѣланными въ камни крестъ на крестъ; а снаружи онѣ упираются въ огромные каменные откосы и оттого стоятъ очень крѣпко. Нѣкогда была на нихъ воздвигнута Церковь Благовѣщенія, и до 1699 года стоялъ еще образъ Казанской Божіей Матери, а послѣ уже перенесенъ въ Троицкую Церковь, на старомъ Кіевѣ.

Къ сѣверу отъ Софійскаго Собора находились другія ворота, называемыя *Львовскими* оттого, что черезъ нихъ лежитъ дорога въ Львовъ, или Лембергъ. Поблизости ихъ теперь находится ветхая деревянная церковь, во имя Сретенія Господня. Она построена въ 1752 году, и въ ней хранится чудотворный образъ Богоматери, всѣхъ скорбящихъ радости. Прежде онъ стоялъ на Львовскихъ Воротахъ, а потомъ уже перенесенъ въ эту церковь. Въ ней

каждую субботу, передъ обѣднею, совершается акаѳистъ пресвятой Богородицѣ, и стеченіе богомольцевъ, не только нашего, но и римско-католическаго исповѣданія, бываетъ чрезвычайное. Многія, чудесныя исцѣленія отъ святаго лика заступницы всѣхъ христіанъ приводятъ сюда усердныхъ поклонниковъ со всѣхъ сторонъ. Конечно, нѣкоторые изъ васъ, друзья мои, слушали акаѳистъ Божіей Матери въ этой церкви и прикладывались къ святому Ея образу?

— Да, милый дѣдушка! почти всѣ мы бывали по нѣскольку разъ въ этой церкви, отвѣчали дѣти. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней всегда такъ много народа, что трудно пройти, если опоздаешь. Но акаѳистъ такъ хорошо и внятно читаютъ, что слышно вездѣ, — стань, гдѣ хочешь, и ваша правда, милый дѣдушка, что въ этой церкви весьма много и богатыхъ и бѣдныхъ, русскихъ и поляковъ, и всѣ молятся вмѣстѣ одной общей заступницѣ. Это пріятно видѣть, потому что такъ и должны быть дружны всѣ люди, какъ братья, какъ дѣти одного Отца небеснаго.

— Прекрасно, Вѣрочка! Поди, поцѣлуй меня за это и прикажи подавать ужинъ: пора поподчивать гостей и отпустить ихъ.

ВЕЧЕРЪ ДЕВЯТЫЙ.

Университетъ Св. Владиміра.

Недавно, друзья мои, говорили мы о Софіи Премудрости Божіей. Теперь обратимъ взоры наши на юго-западъ и займемся мудростью человѣческой: при помощи небесной сестры своей, и она нелишняя.

Передъ глазами нашими огромное зданіе, воздвигнутое на отлогихъ холмахъ: это — Университетъ Св. Владиміра. Составляя сплошную массу камней, покрытую темной краской, оно какъ бы изображаетъ всю важность и величіе наукъ, посредствомъ которыхъ умъ человѣческій достигъ изумительныхъ результатовъ. Онъ открылъ причины грома и молніи, проникъ въ бездны морскія и пропасти земной коры, разложилъ солнечный лучъ на его составные цвѣта, опредѣлилъ скорость его стремленія, изслѣдовалъ основныя начала матеріи, — словомъ, проложилъ путь къ познанію многихъ сокровенныхъ таинствъ природы, — многихъ, но далеко не всѣхъ, потому что въ этомъ чудномъ знаніи вселенной положены для насъ границы, чрезъ которыя едва ли переступаютъ и духи высшіе. А мы, при всей своей учености, остаемся съ сознаніемъ нашего невѣдѣнія и невольно приводимъ на

память высокія мысли знаменитаго нашего поэта-философа:

«Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!»

Вотъ ученость человѣческая въ сравненіи съ Божескимъ всемогуществомъ. Или, далѣе:

«Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь, я рабъ, я червь, я богъ!»

Вотъ величіе и ничтожество человѣка! Потомъ поэтъ спрашиваетъ:

«Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ? безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.»

И, обращаясь съ пламенной любовью къ вѣчной истинѣ, поэтъ говоритъ:

«Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и Царь!»

А наконецъ смертнаго человѣка возноситъ онъ къ безсмертію:

«Твоей-то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобы я въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ объятіе Твое!»

Послѣ подобныхъ словъ, имени Державина нельзя не почитать безсмертнымъ и генія его неподражаемымъ. Вотъ куда завлекло меня величественно-угрюмое зданіе

Кіевскаго Университета, въ которомъ преподаются высшія науки, отличными и учеными профессорами.

Въ немъ есть все для занятій ученыхъ: огромная библіотека всякаго рода сочиненій на разныхъ языкахъ, прекрасный физическій кабинетъ, также кабинеты: нумизматическій, зоологическій, минералогическій и анатомическій.

Въ зданіи университета устроены двѣ церкви, православнаго и римско-католическаго исповѣданія. Первая, въ которой алтарь устроенъ на востокъ, приходится внутри зданія и оттого темна; но католическая, имѣющая алтарь на западъ, очень свѣтла, потому что открытый престолъ ея поставленъ въ срединѣ полукружія, между оконъ въ колоннадѣ. Еслибъ и въ нашей церкви могли быть сдѣланы окна на востокъ, то она превзошла бы великолѣпіемъ католическую.

Вотъ вамъ, милые друзья мои, Университетъ Св. Владиміра. Видите, какъ онъ хорошо стоитъ на этихъ отдѣльныхъ холмахъ! Отъ него внизъ, по отлогой горѣ, идетъ бульваръ, обсаженный съ обѣихъ сторонъ разными деревьями; между ними насажены каштаны, составляющіе украшеніе бульвара. Когда они цвѣтутъ, на вершинахъ ихъ большіе пуки цвѣтовъ, сливаясь съ густо раскидывающимися листьями, кажутся кудрявою зеленою шапкою изъ плотно сплетенныхъ вѣтвей.

Этотъ широкій проспектъ идетъ внизъ до самой долины Крещатика.

Но сегодня довольно: мы уже обошли большую половину видимаго нами горизонта. Оставимъ до будущей бесѣды. Простите друзья мои! Желаю вамъ спокойной ночи.

ВЕЧЕРЪ ДЕСЯТЫЙ.

Нѣкоторыя окрестности и Жандармскій Садъ.

— Въ прошлую бесѣду, друзья мои, началъ дѣдушка, — мы спустились отъ университета по Каштановой Аллеѣ, внизъ на долину Крещатика. Перейдемъ ее сегодня поперекъ, — въ этомъ мѣстѣ она не широка — и поднимемся опять на высокую, крутую гору, почти на югъ отсюда. Она называется Лютеранскою, оттого, что на ней построена церковь этого исповѣданія.

Лютеранская гора такъ крута, что трудно и даже опасно въѣзжать на нее на лошадяхъ: за то какой съ нея видъ! какія вдали горы, овраги, лѣса, а внизу живописные сады городскихъ обывателей, идущіе горками, уступами и лужайками, украшенные вишневыми, грушевыми и другими плодовитыми деревьями или цвѣтущими кустарниками! Мѣстами же осѣняютъ ихъ величественные, неимовѣрной вышины тополи или раины, которыхъ необыкновенная прямизна, величавость и темно-зеленый цвѣтъ, придаютъ чрезвычайное украшеніе этимъ разнообразнымъ, чудеснымъ картинамъ, начертаннымъ исполинской рукою самой природы. Все это внизу долины Крещатика, которая огорожена горами, какъ съ нашей сѣверной, такъ и съ противоположной стороны. Внутри

и по отлогостямъ южнаго возвышенія расположенъ, такъ называемый, Жандармскій Садъ, потому что онъ принадлежитъ къ выстроеннымъ тутъ жандармскимъ казармамъ, при которыхъ устроена полковая церковь, въ особомъ зданіи, среди пространнаго двора.

Этотъ садъ довольно великъ и очень живописенъ. Въ немъ безпрестанно встрѣчаются вамъ новыя чудныя картины. Вотъ предъ вами угрюмая дикость обросшей мхомъ скалы, съ нависшими соснами, развѣсистымъ орѣшникомъ и липами, какъ будто вы зашли въ безлюдную пустыню. Потомъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вы вдругъ видите открытую долину и горы, на которыхъ блистаютъ золотые куполы церквей и множество городскихъ строеній. Спустились ниже, и вы очутились на прелестномъ лужкѣ, раздѣленномъ куртинами безчисленныхъ цвѣтовъ, и тутъ же извивается ручей, стремящійся по камешкамъ и представляющій вамъ пріятный сельскій видъ. А между тѣмъ, вы въ городѣ, и около васъ толпится разнохарактерное общество; по мѣстамъ же, въ тѣни кудряваго орѣшника или за ширмами огромныхъ тополей, гремитъ полковая музыка. По воскресеньямъ въ Жандармскомъ Саду бываетъ гулянье. Вы это знаете, мои милые!

— О, да, милый дѣдушка, и очень любимъ гулять тамъ, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Но главное украшеніе сада.... кто отгадаетъ?

— О, знаемъ! знаемъ! конечно, соловьи!...

— Точно, друзья мои! Неправда ли, какъ пріятно, какъ восхитительно поютъ они по вечерамъ и по утрамъ въ тѣни цвѣтущихъ, благовонныхъ акацій! Въ этомъ саду, гдѣ обманываетъ ихъ дикость нѣкоторыхъ мѣстъ и куда летятъ они будто въ дальній лѣсъ, ихъ водится множество; а, между тѣмъ, въ городѣ пѣніе ихъ слышно во всѣхъ домахъ, какъ бы они нарочно посажены были въ

клѣтки. Много водится ихъ и въ Царскомъ Саду и въ другихъ: оттого майскіе вечера въ Кіевѣ бываютъ очаровательны. Прибавьте къ этому благоуханіе цвѣтовъ, теплый, благорастворенный воздухъ и темно-голубое, безоблачное небо, покрытое множествомъ блистающихъ звѣздъ, что на сѣверѣ можетъ быть только въ жестокій морозъ: все это неимовѣрно хорошо. Мы, счастливые жители Кіева, должны благодарить судьбу за этотъ земной рай. Трудно все это найти въ другомъ мѣстѣ. Оставаясь цѣлое лѣто въ городѣ, мы, однако, не чувствуемъ духоты и дурныхъ испареній, что обыкновенно случается въ другихъ городахъ. Не удаляясь отъ святыни храмовъ Божіихъ, мы можемъ свободно созерцать неизобразимыя красоты Божьяго міра; не перемѣняя жилья, не измѣняя привычекъ нашихъ, мы спокойно каждый въ своемъ гнѣздышкѣ наслаждаемся всею пріятностью весны и среди города дышемъ ароматнымъ воздухомъ полей!

Да, всего этого, я думаю, не встрѣтишь ни въ какомъ другомъ городѣ. Или климатъ дуренъ, или улицы тѣсны и въ нихъ лѣтомъ душно, да и цвѣтами ни въ какомъ городѣ не пахнетъ. Соловьевъ же и въ поминѣ нѣтъ, кромѣ развѣ какого нибудь несчастнаго, запертаго гдѣ нибудь въ клѣткѣ, чуть живаго и безъ хвоста. Напротивъ, здѣсь и самый полуденный зной сносенъ, потому что освѣжается безпрестаннымъ вѣтромъ съ высоты горъ, на которыхъ расположенъ городъ, и съ широкаго Днѣпра, омывающаго ихъ подножія.

Даже здѣшнія грозы неимовѣрно хороши. Какое величіе въ этомъ огнѣ, переливающемся съ одного края неба до другаго, когда, сверхъ того, по немъ, какъ по какому-то золотому грунту, сыплются и другія огненныя искры. Въ эти минуты все блеститъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Конечно, подобная гроза подала мысль Брюлову

освѣтить свою картину «Послѣдній день Помпеи» блескомъ молніи. Оттого она неподражаема, какъ непонятна здѣшняя гроза тому, кто не видалъ ея. А раскаты грома, сливаясь въ одинъ непрерывный гулъ и то усиливаясь, то ослабѣвая, какое чувство благоговѣнія возбуждаютъ къ Тому, Кто сотворилъ все это и Кому подвластны всѣ стихіи!

Такъ говоря, дѣдушка, замѣтилъ вдали молнію и приказалъ скорѣй подавать ужинъ и фрукты, чтобы гости его успѣли разойтись по домамъ прежде начинающейся грозы и дождя.

Такъ и случилось: гроза разъигралась, но уже ночью, когда и гости и хозяева спали, каждый на своей постели.

ВЕЧЕРЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

Святая Кіевопечерская Лавра.

— Сегодня должна быть самая занимательная бесѣда, сказалъ дѣдушка, — сегодня, друзья мои, намѣреваюсь я начать описаніе древней стятыни Кіева, знаменитой Печерской Лавры, и прошу молодыхъ помощниковъ замѣнять меня, старика, если мнѣ измѣнятъ силы и память; также прошу ихъ не молчать и тотчасъ спрашивать, что покажется кому непонятнымъ или особенно любопытнымъ. Вы знаете, что для объясненія у меня не бываетъ усталости: я всегда готовъ повторять разсказъ мой... не такъ ли друзья мои?

— О, конечно, милый дѣдушка! закричали всѣ. Мы совершенно знаемъ, что вы не жалѣете себя, лишь бы только научить насъ чему нибудь полезному, и оттого своими вопросами часто прерываемъ ваши занимательные разсказы. А вы такъ добры, что позволяете намъ это дѣлать, за что мы васъ и любимъ, такъ любимъ, что и выразить невозможно; и всѣ непремѣнно желаемъ поцѣловать ваши ручки, — позвольте, милый дѣдушка!

При этомъ словѣ, дѣдушка-проказникъ распростеръ объятія, и все общество кинулось къ нему такъ, что полетѣли и столикъ, и книга, и очки; кружка съ квасомъ

опрокинулась и разбилась, да и самъ дѣдушка едва усидѣлъ. Онъ совершенно исчезъ въ толпѣ своихъ слушателей: кто влѣзъ на ручки, кто на спинку его креселъ, кто на колѣни самого старика, кто прильнулъ къ нему съ боку, и каждый цѣловалъ либо его голову, либо плечо, либо руки, либо колѣни, такъ что замучили дѣдушку совершенно; но, любя искренно маленькихъ своихъ друзей, онъ все терпѣлъ.

— Полно! сказалъ наконецъ дѣдушка,—полно, мои душеньки! сядьте и успокойтесь. Отдохнемъ немножко и взойдемъ на башню. Сегодня оттуда будемъ дѣлать свои наблюденія, для того, что предметъ нашего разсказа довольно отдаленъ. Раздвинь, Николинька, тѣ рамы, которыя прямо на полдень. Садитесь, друзья мои: я готовъ разсказывать и требую одной награды — вниманія и старанія замѣчать и помнить слова мои.... Начнемъ съ благословеніемъ Божіимъ.

Видите, друзья мои, на горизонтѣ южной стороны, блистающіе золотомъ кресты и куполы: это — Св. Печерская Лавра. Сначала надобно разсказать вамъ ея исторію.

Высокіе крѣпостные валы съ глубокимъ рвомъ окружаютъ лавру съ сѣверной, западной и южной сторонъ; а съ восточной протекаетъ Днѣпръ. Лавра воздвигнута на сѣверо-восточномъ углу чрезвычайно высокой горы со стороны Днѣпра. Оттого съ противоположнаго берега, пріѣзжающіе изъ сѣверной Россіи могутъ полюбоваться ея безподобнымъ видомъ.

Возвышенные холмы и овраги *), по которымъ расположена крѣпость, ее окружающая, были прежде покрыты лѣсомъ и совершенно необитаемы, и только со времени княженія великаго князя Ярослава Владиміровича нѣкто

*) «Описаніе Кіевопечерской Лавры».

Илларіонъ-пресвитеръ, или священникъ, при церкви Св. Апостоловъ въ сельцѣ Берестовѣ, который впослѣдствіи былъ постриженъ въ монахи св. Антоніемъ и потомъ возведенъ на степень митрополита кіевскаго, желая болѣе и болѣе посвящать себя молитвѣ, удалялся часто въ этотъ лѣсъ и на берегу Днѣпра, въ горѣ, выкопалъ пещеру, чтобы безпрепятственно молиться Богу. Но вышло по слову евангельскому:

«Вниди въ клѣть твою и, затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему втайнѣ, и Отецъ твой видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ.» (Матѳея, гл. 5, ст. 5.) Теперь изъ этой тѣсной двухъ-саженной пещеры, въ которой послѣ Илларіона поселился св. Антоній, возникло множество храмовъ Божіихъ, и надъ этимъ мѣстомъ явно возсіяла благодать Господня.

Святой Антоній, постриженный въ монахи на Аѳонской Горѣ *), по особенному откровенію Божію, возвратился въ Россію въ 1013 году и жилъ близъ сельца Берестова, въ варяжской пещерѣ, откуда снова ходилъ на Аѳонскую Гору и, возвратившись уже въ 1017 году, поселился въ пещерѣ, выкопанной пресвитеромъ Илларіономъ. Эта подземная келья святаго находится и теперь въ дальнихъ пещерахъ. Поселившись въ тѣсномъ жилищѣ духовнаго своего отца, св. Антоній изрекъ на молитвѣ тѣ достопамятныя, съ такою точностію исполнившіяся слова: «Господи, сказалъ онъ, да будетъ на мѣстѣ этомъ благословеніе святыя Аѳонскія Горы и молитвы моего отца, иже мя постриже и утверди вселитися здѣ.» Съ тѣхъ поръ онъ жилъ въ этой мрачной кельѣ, желая укрыться отъ всѣхъ, кромѣ Бога; но слава

---

*) Аѳонская, или Святая Гора, находится въ Европейской Турціи и составляетъ полуостровъ изъ хребта другихъ, высокихъ горъ, на которыхъ множество греческихъ монастырей.

высокой его святости скоро открыла мѣсто его пребыванія. Къ нему въ пещеру стали приходить благочестивые люди, приносили ему пищу и просили у него благословенія и наставленій духовныхъ.

Самъ великій князь Изяславъ Святославичъ нерѣдко посѣщалъ его, съ своими именитыми боярами, отчего преподобный Антоній сдѣлался еще извѣстнѣе, такъ что къ нему начали приходить уже на житье люди всякаго званія, даже и очень высокаго, какъ напр. Варлаамъ, сынъ Іоанна, перваго боярина при великомъ князѣ Изяславѣ, Ефремъ, вельможа и любимецъ того же князя, Моисей Угринъ, привязанный любовію и усердіемъ къ святому князю Борису, и многіе другіе (которыхъ нетлѣнныя мощи почиваютъ теперь въ пещерахъ). Преподобный Антоній, несмотря на свою любовь къ уединенной и безмолвной жизни, съ радостію принималъ всѣхъ въ товарищи своихъ духовныхъ подвиговъ, ибо провидѣлъ духомъ, что на это есть воля Божія.

Сначала въ его сообществѣ было не болѣе 12 человѣкъ, и они тѣсную, выкопанную Илларіономъ, пещеру расширили, сдѣлавъ вокругъ ея другія кельи въ землѣ и церковь, гдѣ всѣ собирались для богослуженія.

Эти подземныя жилища и церковь существуютъ и теперь подъ названіемъ дальнихъ, или Ѳеодосіевыхъ пещеръ.

Хотя невеликъ еще былъ первый, ископанный этими подвижниками монастырь, однакожь, преподобному Антонію, любившему безмолвіе, онъ показался слишкомъ многолюднымъ, и потому преподобный, опредѣливъ братіи новаго игумена Варлаама, самъ удалился на другой холмъ той же горы, гдѣ ископалъ своими руками другую пещеру и жилъ въ ней уже до дня праведной своей кончины. Теперь и эта тѣсная келья преподобнаго окружена мно-

жествомъ пещеръ и церквей и извѣстна подъ названіемъ ближнихъ, или Антоніевскихъ.

Такъ какъ число братіи на этихъ горахъ постепенно умножалось, то, по благословенію св. Антонія, сооружена была небольшая, деревянная церковь во имя Успенія Божіей Матери, и сооружена уже на поверхности земли, надъ самою ископанною первоначально пещерою. А когда подземныя кельи и церковь оказались тѣсными, тогда св. Антоній послалъ передать великому князю Изяславу слѣдующія простыя слова: «Княже мой! се Богъ умножилъ братію, а мѣсто сіе мало; если бы ты далъ намъ гору, что надъ пещерою!»

Великій князь съ радостію согласился на это, отдалъ имъ гору, покрытую дремучимъ лѣсомъ, и подвижники общими трудами соорудили уже большую деревянную церковь, а вокругъ нея выстроили кельи и все это обнесли деревянною оградою. Вотъ первое начало Св. Лавры. Съ того самаго времени они получили названіе Кіевопечерскаго Монастыря.

Такимъ образомъ, предвѣщаніе преподобнаго Антонія сбылись въ точности: «Благословеніемъ Божіемъ, воздвиглась великая обитель, превышающая красотою и великолѣпіемъ всѣ тѣ, которыя сооружались впослѣдствіи великимъ богатствомъ князей и щедрымъ подаяніемъ простыхъ людей.» Однимъ постомъ и слезами убогій Антоній вымолилъ у Бога такое изобиліе благодати, что, не имѣя ни золота, ни серебра, могъ воздвигнуть знаменитую, сіяющую благолѣпіемъ лавру, какъ говоритъ блаженный ея лѣтописецъ Несторъ.

Вотъ, друзья мои, какъ много значатъ молитвы благоугодныхъ Богу людей! Имъ не нужно ни денегъ, ни сокровища мірскаго: они именно скудостію своей созидаютъ великолѣпные храмы Творцу Вселенной и призываютъ на

нихъ благодать Божію! Здѣсь, въ этомъ Монастырѣ Печерскомъ, чувствуешь душею что-то особенное, когда входишь во святой храмъ Успенія Божіей Матери, такъ что невольно скажешь съ преподобнымъ Нестеромъ: «Небеси подобна сія святая церковь!»

Возвратимся къ ея исторіи. Когда число братій умножилось до 20, иноки стали просить св. Антонія поставить имъ игумена. Послушайте, какъ совершилось это избраніе. Преподобный Антоній спросилъ: кого они желаютъ, и, когда отвѣчали: того, отецъ нашъ, кого, по изволенію Божію, ты назначишь, преподобный сказалъ имъ: «Выберите изъ братій того именно, кто больше всѣхъ послушливъ, кротокъ и смиренъ.» И братія, поклонившись св. Антонію, съ радостію поставили св. Θеодосія.

Видите, друзья мои, какого рода достоинства требовались тогда для возведенія въ высшія званія. Преподобный Антоній не сказалъ имъ: изберите того, кто изъ васъ знатнаго происхожденія, особенно уменъ или могучъ, а напротивъ—кто смиренъ, кротокъ и послушливъ, слѣдственно готовъ исполнять повелѣнія другихъ, не мечтая о своемъ достоинствѣ. Итакіе выборы начальниковъ не обманывали никогда: благословеніе свыше умудряло эти смиренныя души гораздо лучше всякой кичливости ума человѣческаго. Замѣтьте это, друзья мои: недаромъ сказано во св. евангеліи, что гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

ВЕЧЕРЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Продолженіе.

— Вскорѣ послѣ того, молитвами смиреннаго Ѳеодосія и кроткимъ обхожденіемъ его со всѣми, началъ дѣдушка въ слѣдующее воскресенье, — число братій умножилось до ста, и тогда они стали жить на поверхности земли, въ устроенномъ ими, новомъ монастырѣ.

Заботясь объ учрежденіи порядка въ своей обители преподобный Ѳеодосій установилъ общину, то есть, чтобы все было общее — и пища и одежда, по уставу Студійскаго греческаго Монастыря. Онъ нарочно посылалъ одного изъ братій въ Константинополь къ странствовавшему тамъ, преподобному Ефрему, чтобы тотъ отправился въ Студійскую Обитель и, списавъ весь ея уставъ, принесъ къ нему въ Россію. Преподобный Ефремъ исполнилъ это, и съ тѣхъ поръ, по всѣмъ монастырямъ въ Россіи введенъ уставъ Студійскаго греческаго Монастыря, опредѣляющій на каждый день чтенія, пѣнія, трапезы и прочіе обряды церкви.

Между тѣмъ, видя со дня на день умноженіе бріаит св. Антоній и Ѳеодосій безпрестанно помышляли о сооруженіи большой, каменной церкви, и эти размышленія ихъ были основаны, конечно, на одной усердной молитвѣ, потому что основаніе ея, какъ повѣствуютъ многіе историки,

произошло чудесно *). Мѣсто ея построенія, еще при жизни преподобнаго Антонія означено небеснымъ свѣтомъ; а потомъ, во время игуменства св. Ѳеодосія произошло слѣдующее:

Въ 1067 году, великій князь Изяславъ Ярославичь, ведя войну съ Половцами, потерпѣлъ пораженіе и многіе изъ его воеводъ были убиты. Предъ этою войною св. Антоній предрекъ, что одинъ княжескій воевода, именно сынъ варяжскаго князя Африкана, Симонъ, останется въ живыхъ. Такъ и исполнилось. Этотъ самый Симонъ, по окончаніи войны, пришелъ къ преподобнымъ Антонію и Ѳеодосію и вручилъ имъ золотой поясъ и вѣнецъ, удостовѣряя ихъ, что ему было откровеніе отъ Бога, чтобы этимъ поясомъ вымѣрить мѣсто для построенія каменной церкви, именно: въ длину на 30, въ ширину на 30, въ вышину на 50 поясовъ. Изображеніе же всей церкви видѣлъ князь варяжскій на облакахъ.

Царствовавшій тогда въ Кіевѣ великій князь Святославъ самъ началъ копать основаніе церкви. Въ тоже время изъ Царяграда пришли четыре искусныхъ каменьщика и объявили, что они наняты двумя почтенными старцами для построенія церкви и что даже имъ заплачено впередъ за три года. Они принесли съ собою и образъ Успенія Божіей Матери, чтобы поставить его въ церкви, по повелѣнію самой царицы Влахернской *), которая по откровенію вручила имъ эту икону для вѣчнаго покрова будущему храму, и мощи семи мучениковъ для его утвержденія. Изображеніе же храма видѣли они на облакахъ. Но каково было изумленіе пришельцевъ, когда нанявшихъ ихъ

---

*) Преподобный Несторъ. «Патерикъ Печерскій». Листы 74 — 87.

**) Влахернскою называлась часть города Константинополя, въ которой находилась церковь съ иконою Влахернской Богоматери.

старцевъ они узнали въ лицѣ преподобнаго Антонія и Өеодосія, которые, не отлучаясь изъ своего Печерскаго Монастыря, были въ тоже время и въ Греціи; а царица влахеринская была Сама Владычица міра, Матерь Божія! Потомъ, чрезъ десять лѣтъ, уже послѣ кончины преподобныхъ, ими же были присланы изъ Греціи искусные иконописцы. Они узнали на образѣ лики этихъ старцевъ и дали обѣтъ благолѣпно расписать храмъ Печерскій, что точно и исполнилось.

Преданіе утверждаетъ, что чудотворная икона Успенія Божіей Матери сохранилась донынѣ и есть та самая, которая и въ настоящее время находится въ Успенскомъ Соборѣ, надъ царскими вратами. Это несомнѣнно потому, что и теперь отъ этого святаго лика Царицы Небесной изливается множество чудесныхъ исцѣленій.

Конечно, вы нѣсколько разъ прикладывались къ этому образу, украшенному драгоцѣнными каменьями. Его опускаютъ для богомольцевъ, по окончаніи каждой службы.

Тридцать-шесть лѣтъ строился этотъ соборъ отъ его основанія, и основателямъ св. лавры не суждено было видѣть его окончаніе. Преподобный Антоній скончался вскорѣ по его заложеніи. Св. мощи его положены въ ближнихъ пещерахъ, гдѣ онъ жилъ и скончался 10 іюня и гдѣ донынѣ лежатъ подъ спудомъ въ той тѣсной пещерѣ, въ которой онъ жилъ 16 лѣтъ, проведши прежде въ дальнихъ пещерахъ 40 лѣтъ. Всего же онъ жилъ 90 лѣтъ.

Сотрудникъ его преподобный Өеодосій скончался 1074 года, 3 мая. Мощи его положены были въ дальнихъ пещерахъ, но послѣ смерти чрезъ 18 лѣтъ, то есть, въ 1091 году, перенесены въ Успенскій Соборъ, гдѣ и теперь почиваютъ подъ спудомъ. Онъ жилъ 67 лѣтъ.

Построеніе соборной церкви окончено уже при игу-

менѣ Стефанѣ, котораго св. Ѳеодосій поставилъ на свое мѣсто, въ 1077 году, іюля 3 дня. Расписана же была по стѣнамъ церковь окончательно при игуменѣ Никонѣ и освящена преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Іоанномъ въ 1089 году, августа 14 дня, въ присутствіи кіевскаго князя Всеволода Ярославича и двухъ его сыновей, Мономаха и Ростислава.

Освященіе ея совершилось также чудесно. Къ этому случаю, по особенному откровенію Божію, явились изъ разныхъ странъ четыре епископа, именно: Іоаннъ Черниговскій, Исаія Ростовскій, Антоній Юрьевскій и Лука Бѣлогородскій. Они были приглашены, также, какъ нѣкогда въ день блаженнаго Успенія Богоматери, были собраны изъ дальнихъ странъ апостолы, что совершилось 15 августа, и въ это число донынѣ совершается храмовой праздникъ этой церкви.

Успенскій Соборъ былъ украшенъ съ необыкновенною роскошію. Стѣны его покрыты были мозаическими работами съ золотомъ; полъ устланъ разноцвѣтнымъ мраморомъ; св. иконы въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ, даже большой крестъ на главѣ былъ сдѣланъ изъ чистаго золота, и всѣ семь главъ густо вызолочены, что и донынѣ сохранилось во всемъ блескѣ. Но, къ сожалѣнію, эта великолѣпная церковь и монастырь въ 1240, а по мнѣнію другихъ — въ 1237 или 1239 году, во время нашествія на Кіевъ татарскаго хана Батыя, раззорена и лишена всего своего великолѣпія. Батый велѣлъ золотой крестъ снять, а церковь разломать по самыя окна. Слишкомъ 200 лѣтъ потомъ оставалась она въ развалинахъ и уже въ 1470 году обновлена княземъ кіевскимъ Симеономъ Александровичемъ Олельковичемъ и освящена опять при архимандритѣ Іоаннѣ. Но въ разные времена послѣ того она была снова разграбляема Татарами и другими непріятелями, а въ

1718 году, со всею ризницею и другими вещами сгорѣла, причемъ и библіотека, со всѣми печатными книгами и достойными примѣчанія граммотами великихъ князей и патріарховъ, сдѣлалась добычею пламени. Испытавъ это бѣдствіе, она опять возоблена уже попеченіемъ архимандрита Іоаникія Сенютовича, насчетъ казны и подаяніемъ Императора Петра I и освящена въ 1729 году, архіепископомъ кіевскимъ Варлаамомъ Ванатовичемъ. Послѣ того, чрезъ 80 лѣтъ, то есть въ 1809 и 10 годахъ, весь иконостасъ въ ней вызолоченъ былъ заново, и всѣ стѣны обновлены Серапіономъ, митрополитомъ кіевскимъ, съ соборными старцами, что стоило 24,789 рублей. Монастырской суммы было на 12,791 рубль да отъ доброхотнаго подаянія 11,997 рублей *).

Разсказываютъ, что Петръ Великій, желая возстановить лавру, спросилъ только—цѣла ли чудотворная икона Божіей Матери, и, когда ему отвѣчали, что спасена, сказалъ: «итакъ, все сохранилось!» и сдержалъ свое слово, возобновивъ церковь и монастырь въ новомъ великолѣпіи, какъ видимъ мы ее и теперь, а для защиты отъ нападеній враговъ обнесъ весь монастырь земляною крѣпостію, которую самъ размѣрилъ и торжественно заложилъ 15 августа 1706 года.

Эти земляныя укрѣпленія окружаютъ лавру и ея пещеры съ сѣверной, западной и южной сторонъ; а на восточной протекаетъ Днѣпръ. Высокіе крѣпостные валы и бастіоны устланы дерномъ чрезвычайно ровно и гладко, какъ совершенный бархатный коверъ, и придаютъ крѣпости строгій и прекрасный видъ. Но изъ-за нихъ церкви, сіяющія златыми главами, какъ бы смягчаютъ эту земную угрозу, блистая небеснымъ свѣтомъ милосердія и любви.

---

*) «Краткое описаніе Кіевопечерской Лавры». Стр. 17.

Преподобный Несторъ, жившій въ первыя времена Печерской Лавры, описываетъ дивную жизнь тогдашнихъ иноковъ. То были точно ангелы во плоти человѣческой. Онъ называетъ ихъ свѣтилами земли русской, собранными съ разныхъ отдаленныхъ концовъ ея. Эти труженики, по словамъ Нестора, вели чрезвычайно строгую жизнь, непрестанно молились и постились. Иные питались только хлѣбомъ и водою, другіе, и того не употребляя, ѣли варенья или сырыя коренья; а главное — всѣ пребывали въ согласіи и совершенной любви между собою. Меньшіе повиновались старшимъ, не смѣя даже и говорить предъ ними; а старшіе наставляли меньшихъ, какъ любезныхъ дѣтей своихъ. Если же кто чѣмъ провинялся, на того, по обыкновенію, налагалась эпитимія, то есть, церковное наказаніе: онъ долженъ былъ или класть положенное число поклоновъ, или исправлять какую нибудь низшую должность, и тогда два или три брата, изъ великой любви, раздѣляли съ нимъ это наказаніе. А когда кто удалялся изъ обители, всѣ о немъ сокрушались и убѣждали возвратиться; всѣ вообще умоляли за него игумена и съ чрезмѣрной радостью вновь принимали его въ число своихъ блаженныхъ сотрудниковъ.

Вотъ какую смиренную, основанную на любви жизнь провождали блаженные иноки Печерской Лавры, которыхъ нетлѣнныя, святыя мощи почиваютъ теперь въ ея пещерахъ, донынѣ прославляемые различными дудесами. Они, по слову Нестора, точно какъ неугасимые свѣтила, проливаютъ лучи благодати на всю Россію и молятъ Господа за всѣхъ притекающихъ подъ кровъ Божіей Матери *).

Вотъ, друзья мои, каковы были подвижники, проведшіе всю жизнь въ совершенномъ самоотверженіи и теперь

*) Муравьевъ. «Путешествіе по Св. Мѣстамъ».

мирно почивающіе въ пещерахъ! Душа невольно исполняется благоговѣніемъ, когда представишь себѣ тяжкую жизнь этихъ добродѣтельныхъ людей. По словамъ апостола Павла, ихъ недостоинъ былъ весь міръ; а, между тѣмъ, они скитались въ степяхъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ. (Посланіе къ Евреямъ св. апостола Павла, гл. 11, ст. 38). Какже можно послѣ этого намъ, грѣшнымъ, скучать маленькими непріятностями, роптать на судьбу, то есть, на Самого Бога, за какія нибудь ничтожныя неудачи въ жизни или при неисполненіи суетныхъ желаній нашихъ, которыя, конечно, послужили бы намъ во вредъ, и оттого благій промыслъ Божій не допустилъ имъ исполниться! А мы, безразсудные, грустимъ и охаемъ! Не совершенно ли тоже это, какъ еслибъ ребенокъ плакалъ и сердился, что ему не даютъ схватить рукою огонь? Мы смѣемся надъ его глупостію — неправда ли? — а сами дѣлаемъ гораздо хуже, потому что младенецъ еще не имѣетъ разсудка, а мы уже въ полномъ умѣ. Слѣдственно, мы болѣе достойны того, чтобы другіе смѣялись надъ безразсуднымъ нашимъ горемъ.... Но, кажется, бесѣда наша уже слишкомъ продолжительна: пора кончить ее.

— Какъ, милый дѣдушка! вы только исторію Лавры разсказали намъ; а о теперишнихъ ея украшеніяхъ, рѣдкостяхъ и о всемъ достойномъ примѣчанія мы еще ничего не знаемъ, возразилъ Николинька.

— Да, да, милый дѣдушка! воскликнуло нѣсколько голосовъ,—разскажите намъ и это; а то мы часто бываемъ въ Лаврѣ и ничего не знаемъ.

— Хорошо, друзья мои! Хвалю ваше любопытство насчетъ такихъ вещей; но сегодня уже поздно: надобно оставить до другаго раза. Желаю вамъ спокойной ночи и успѣха во всемъ впродолженіе недѣли, потому что очень грустно для меня и тяжело разсказывать, когда недостаетъ

кого нибудь изъ моихъ любезныхъ слушателей. Прошу васъ, мои душеньки, не огорчайте старика, который любитъ васъ такъ нѣжно.

— О, нѣтъ, нѣтъ, милый дѣдушка! Будемъ всѣми силами стараться и молиться Богу, чтобы Онъ помогъ намъ всѣмъ быть добрыми дѣтьми и утѣшать нашего дорогаго дѣдушку.

Этимъ прекраснымъ обѣщаніемъ кончилась бесѣда, и всѣ разъѣхались по домамъ.

ВЕЧЕРЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Продолженіе о Св. Лаврѣ.

— Прошлое воскресенье, разсказывалъ я вамъ, милые друзья, исторію Св. Лавры; а сегодня займемся нѣкоторыми подробностями, какъ вы того и желали, сказалъ дѣдушка маленькому своему обществу, — и каждый съ любопытствомъ и вниманіемъ приготовлялся слушать.

Вы уже знаете, что главная церковь Св. Лавры есть Успенскій соборъ, который, при неимовѣрномъ своемъ великолѣпіи, былъ выстроенъ и украшенъ совершенно безъ денегъ и почти нищими въ земномъ богатствѣ настоятелями, но такъ великими владѣльцами духовныхъ дарованій, что имъ не нужно было золота: они посредствомъ одной усердной, пламенной молитвы пріобрѣли ту великую благодать, что Сама Царица Небесная имѣла попеченіе о сооруженіи себѣ храма на томъ мѣстѣ, которое орошено было слезами праведниковъ и гдѣ подвизались эти великіе угодники Божіи!

На Успенскомъ соборѣ семь большихъ главъ, ярко вызолоченныхъ. Наружный видъ его почти четвероугольный, потому что длина этого собора съ алтаремъ простирается на 21, а ширина съ придѣлами на 20 сажень, вы-

шиной же до креста 22 сажени. Престолъ и жертвенникъ обложены серебрянными, вызолоченными досками.

На престолъ употреблено 10,000 рублей, пожалованныхъ Императрицею Елисаветою Петровною, въ 1755 году, въ то время, какъ она посѣщала эти мѣста.

Вѣсу въ немъ серебра 8 пудовъ, 28 фунтовъ и 73 золотника. На позолоту издержано 486 червонцевъ. Жертвенникъ сооруженъ на счетъ подаяній любящихъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ. Вѣсу въ немъ серебра 4 пуда и 7 фунтовъ; на позолоту издержано 170 червонцевъ. Царскія врата, литыя, серебряныя вызолоченныя, сдѣланы иждивеніемъ фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева, но оказались несоразмѣрными съ иконостасомъ и для того передѣланы, съ прибавленіемъ серебра, пожертвованнаго сыномъ его Сергіемъ Борисовичемъ Шереметьевымъ *).

Иконостасъ сдѣланъ въ древнемъ вкусѣ, въ пять ярусовъ, чрезвычайно мелкой рѣзбы, вызолоченъ сплошь. Святыя лики праотцевъ, пророковъ, апостоловъ, съ изображеніемъ двѣнадцати праздниковъ, идутъ одни надъ другими, начиная съ большихъ мѣстныхъ иконъ, богато украшенныхъ, стоящихъ на широкомъ постаментѣ, также расписанномъ изображеніями разныхъ событій изъ священной исторіи, и отгороженныхъ желѣзною рѣшеткой, къ которой богомольцы прилѣпляютъ множество свѣчъ; оттого иконы, украшенныя драгоцѣнными каменьями, и вообще весь иконостасъ, покрытый серебромъ и золотомъ, блестятъ чрезвычайно ярко и придаютъ великолѣпный видъ церкви. Стѣны храма также расписаны. На боковыхъ его окнахъ и столпахъ, которыми поддерживаются хоры, изображены всѣ семь вселенскихъ соборовъ. Патріархи и другіе святые мужи, присутствовавшіе на нихъ, представлены

---

*) «Краткое Историческое Описаніе Кіева». Стр. 22.

сидящими въ богатыхъ архіерейскихъ облаченіяхъ, съ золотыми евангеліями въ рукахъ.

Внутри алтаря, кругомъ стѣнъ, изображены молящіеся іерархи, а надъ горнимъ мѣстомъ, устроеннымъ въ древнемъ вкусѣ, изображена тайная вечеря Господа Іисуса Христа съ двѣнадцатью апостолами, въ золотыхъ окладахъ. Они сидятъ за божественною трапезою. Предъ иконостасомъ, надъ царскими вратами, поставленъ вдѣланный въ серебряный кругъ чудотворный образъ Успенія Божіей Матери,—тотъ самый, который былъ принесенъ изъ Греціи, по внушенію Самой Пресвятой Дѣвы. Его опускаютъ на шелковыхъ снуркахъ для прикладыванія богомольцевъ, притекающихъ къ нему со всѣхъ концовъ обширной Россіи, и съ такою вѣрою, что и до нынѣ совершается множество чудесъ отъ св. лика заступницы всѣхъ христіанъ и помощницы всѣхъ страждущихъ и несчастныхъ.

Вы знаете, друзья мои, какая разнообразная смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ и состояній поразитъ васъ, когда вы захотите посмотрѣть на богомольцевъ; между ними вы встрѣтите и богатыхъ, и бѣдныхъ, и здоровыхъ, и увѣчныхъ, притекшихъ къ этому источнику небеснаго милосердія, отъ котораго всѣ отходятъ утѣшенными.

Впереди царскихъ вратъ, по обѣимъ сторонамъ, находятся два большіе аналоя съ поставленными на нихъ финифтевыми кругами, въ которыхъ хранятся частицы св. апостоловъ: Іакова, брата Господня, Андрея Первозваннаго, Варѳоломея, Лазаря Четверодневнаго, Златоуста, — россійскихъ чудотворцевъ: Петра, Іоны, Филиппа, и другихъ угодниковъ, также часть древа трапезы христовой, часть ризы Господней, часть мѵра отъ великомученика Димитрія, и проч.

Въ другомъ кругѣ, кромѣ другихъ изображеній, находится небольшая, осыпанная драгоцѣнными каменьями

икона, представляющая Іосифа Обрученника, съ Спасителемъ и Божіею Матерью и четырьмя ангелами. Она подарена Лаврѣ Императоромъ Павломъ I, въ 1781 году, когда онъ, будучи еще великимъ княземъ, отправлялся съ супругою своею Маріею Θеодоровною въ чужіе края.

Въ томъ же кругу помѣщена икона Спасителя благословляющаго, которою Екатерина Великая благословила князя Потемкина-Таврическаго, отправляя его на войну съ Турками, въ 1788 году.

На правой сторонѣ, близъ стѣны, въ богатой ракѣ, почиваетъ глава св. равноапостольнаго князя Владиміра. На лѣвой же сторонѣ, также подлѣ стѣны, положены нетлѣнныя мощи св. Михаила, перваго митрополита кіевскаго, перенесенныя въ великую церковь изъ ближнихъ пещеръ въ 1730 году. За ними, въ придѣлѣ, перстъ первомученика Стефана. Въ первой половинѣ храма, отъ западнаго входа, на правой сторонѣ, почиваютъ подъ спудомъ св. мощи преподобнаго Θеодосія, перенесенныя изъ пещеры въ 1090 году.

Противъ гроба преподобнаго Θеодосія, на лѣвой сторонѣ, въ ракѣ хранятся частицы св. угодниковъ Божіихъ; а стоящій тутъ же въ углу образъ святителя Димитрія Ростовскаго указываетъ на то мѣсто, на которомъ св. Димитрій стоялъ, занимаясь составленіемъ «Четіихъ-Миней» *).

Въ этой церкви, кромѣ главнаго алтаря, находится еще 9 придѣловъ: съ южной стороны два — во имя архистратига Михаила и Іоанна Богослова; въ послѣднемъ хранится древняя икона Θеодоровской Божіей Матери, свидѣтельница смерти великаго князя Игоря Олеговича, въ 1147 году. Онъ передъ Нею молился, когда пришли убійцы и повлекли его на мученическую смерть. Великій князь Игорь

*) Взято изъ книги: «Паломникъ Кіевскій». Стр. 17.

жилъ и спасался въ монастырѣ, называемомъ *Отчій*, который былъ совершенно разрушенъ и только одна эта икона уцѣлѣла.

Въ сѣверной сторонѣ одинъ только придѣлъ — во имя архидіакона Стефана. Тамъ положена и часть мощей его. Въ сѣверо-западномъ углу собора — придѣлъ св. Іоанна Предтечи, а противъ его — Трехъ Святителей, занятый нынѣ ризницею Лавры.

Хоры такъ просторны, что на нихъ устроены четыре придѣла: Андрея Первозваннаго и преподобнаго Антонія, а съ лѣвой — блаженнаго его сотрудника св. Ѳеодосія и Преображенія Господня.

Къ югу отъ собора находится братская трапеза и въ ней отдѣльная церковь—Св. Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Въ настоятельскихъ келіяхъ двѣ церкви: одна очень большая, во имя святителя Михаила, гдѣ служатъ зимою; другая же — крестовая, во имя чудотворца Митрофана. Обѣ недавно устроены. Недалеко находится большое зданіе для типографіи, а къ востоку, сѣверу и западу, въ два и въ три ряда, построены братскія кельи, расположенныя улицами отъ собора до Святыхъ Воротъ, съ цвѣтниками предъ каждою. Кромѣ того, Св. Лавра осѣнена группами развѣсистыхъ, густыхъ деревьевъ грецкихъ орѣховъ, грушъ, а мѣстами абрикосовъ, которые въ нашемъ благословенномъ климатѣ растутъ на воздухѣ, и цѣлыми аллеями столѣтнихъ липъ. Эта богатая зелень очень много краситъ монастырь и подъ свою пріятную, прохладную тѣнь принимаетъ множество богомольцевъ, нищихъ и всякаго званія людей, которые безпрестанно приходятъ на поклоненіе древней святынѣ.

Вы, конечно, не разъ замѣтили, друзья мои, какое множество бываетъ нищихъ около собора и во всѣхъ церк-

вахъ Св. Лавры: это точно богатый разсадникъ для распространенія евангельскихъ добродѣтелей.

Займемся снова церквами Св. Лавры. Первая, надъ главными святыми вратами—во имя Святыя Троицы. Она была воздвигнута въ 1106 году, блаженнымъ правнукомъ великаго Ярослава, княземъ Черниговскимъ, прозваннымъ за его благочестіе *Святошею*. Но объ этомъ святомъ мужѣ скажемъ въ слѣдующее воскресенье.

Вечеръ четырнадцатый.

Продолженіе.

— Прошедшій разъ, друзья мои, началъ дѣдушка,— я обѣщалъ разсказать вамъ трогательную повѣсть св. жизни князя Черниговскаго Николая Святоши, строителя церкви надъ Святыми Воротами. Слушайте же.

Этотъ князь, какъ потомокъ св. Владиміра, имѣлъ право на престолъ россійскій; но благочестивая душа его предпочла небесное царство земному. Онъ еще юношею постригся въ Монастырѣ Печерскомъ и неослабно исполнялъ самыя тяжкія работы, несмотря на просьбы своихъ братьевъ Изяслава и Давида, князей Черниговскихъ, желавшихъ возвратить его въ домъ отеческій. Видя ясно ничтожность величія земнаго, онъ остался непреклоненъ и, посвятивъ себя строгой монашеской жизни, исполнялъ самыя черныя работы, именно: три года былъ на поварнѣ, три года служилъ при трапезѣ и три года охранялъ Святыя Ворота, какъ простой, усердный сторожъ. Небольшая его келія въ каменной стѣнѣ у воротъ и теперь еще сохранилась. Послѣ всего этого провелъ онъ еще тридцать лѣтъ въ строжайшемъ постѣ, воздѣлывая небольшой садъ собственными руками; устроилъ богадѣльню подлѣ Святыхъ Воротъ и, съ помощію врача, ему преданнаго, ходилъ за

больными и подавалъ имъ всевозможную помощь, а потомъ при богадѣльнѣ устроилъ церковь во имя своего ангела св. Николая Чудотворца.

Преданіе говоритъ, что преданный ему врачъ часто упрекалъ его за тяжкіе подвиги, за строгіе посты и черные труды всякаго рода и, опасаясь за его здоровье и самую жизнь, уговаривалъ его не служить простымъ монахамъ, въ качествѣ ихъ раба, представляя въ примѣръ его предковъ, спасавшихся инымъ образомъ. Но св. Никола отвѣчалъ ему, что онъ уже много разсуждалъ о томъ— лучше ли беречь душу, или тѣло, и нашелъ, что благоразумнѣе отдать преимущество первой, отличающейся безсмертіемъ, нежели второму, которое ничтожно и смертно; нынѣшнія наши страданія, по словамъ апостола Павла, не имѣютъ никакого значенія въ сравненіи съ тою славою, которая въ насъ откроется. (Рим., VIII, с. 18). «Я благодарю Бога за то, что Онъ сдѣлалъ меня рабомъ Своимъ, рабомъ черноризцевъ, потому что, будучи княземъ, въ лицѣ ихъ работаю Царю царей!»

Такъ говорилъ св. Никола, прозванный *Святошею,* и нетлѣнныя мощи его почиваютъ теперь въ ближнихъ пещерахъ.

Трудный, почти неподражаемый подвигъ избралъ для себя этотъ св. угодникъ Божій, за что еще на землѣ Господь сподобилъ его дара чудесъ.

Когда, однажды, тотъ же преданный ему врачъ опасно занемогъ и, безъ пользы ища спасительныхъ средствъ въ своей наукѣ, оставилъ лекарства и прибѣгнулъ къ св. Николаю, тотъ мгновенно исцѣлилъ его одною молитвой. Этотъ случай такъ сильно подѣйствовалъ на врача, что онъ тотчасъ постригся самъ и, когда великій князь почувствовалъ приближающуюся смерть, онъ сталъ просить его, говоря: «помолись Богу, чтобы Онъ благоволилъ взять меня вмѣсто

тебя, потому что чудеснымъ даромъ своихъ исцѣленій ты принесешь страждущему человѣчеству пользы гораздо больше, нежели я, при всей своей наукѣ.» И его желаніе исполнилось. Врачъ скоро умеръ; а блаженный Никола жилъ еще 30 лѣтъ въ св. Лаврѣ, дѣлая много благодѣяній всѣмъ вообще. Послѣ же кончины, снятая съ него власяница, не только исцѣляла больныхъ, но и князьямъ, его братьямъ, служила крѣпкою защитою во время войны.

На томъ мѣстѣ, гдѣ была устроена Богадѣльня св. Николы, находится и теперь больничный монастырь съ церковью во имя Николая.

Потомъ, надъ сѣверными, или такъ называемыми *Экономическими Вратами,* выстроена каменная Церковь Всѣхъ Святыхъ о пяти главахъ, вызолоченныхъ червоннымъ золотомъ.

Есть еще тамъ церковь — св. Серапіона, въ архимандричьихъ кельяхъ, каменныхъ, въ два этажа.

Вотъ сколько церквей внутри Св. Лавры, кромѣ печерскихъ. Съ восточной стороны собора находится огромный каменный домъ, въ которомъ устроена типографія духовныхъ книгъ съ другими пристройками, гдѣ хранится все необходимое для книгопечатанія. Тамъ же жилые комнаты работниковъ и кельи монаховъ, подъ присмотромъ которыхъ они находятся; и между этимъ домомъ и соборомъ сдѣланъ широкій, отлогій ходъ къ пещерамъ, выстланный плитами изъ дикаго камня.

На сѣверной сторонѣ выстроено другое зданіе, также каменное съ желѣзной крышею. Въ немъ приготовляются просфоры для служенія во всѣхъ лаврскихъ и печерскихъ церквахъ и печется хлѣбъ для сего монастыря. Не лишне замѣтить, что хлѣбы здѣсь мѣсятъ и сажаютъ въ печь посредствомъ сдѣланной для того машины, какъ потому, что количество ихъ приготовляется очень большое, такъ и

потому, что самая печь чрезвычайно обширна; замѣчательно также, что все это дѣлается съ молитвою и пѣніемъ различныхъ псалмовъ. Обыкновеніе это очень древнее и ведетъ начало свое отъ св. отцевъ, которые всѣ свои труды сопровождали молитвами и прославленіемъ Бога.

Святая Лавра обнесена каменною стѣною, которая имѣетъ болѣе версты въ окружности; вышиною стѣна эта въ двѣ сажени, а въ иныхъ мѣстахъ и болѣе, толщиною же въ четыре аршина съ половиною. Послѣ непріятельскихъ опустошеній она воозбновлена была гетманомъ Мазепою въ 1698 году. Въ ней трое вратъ: къ востоку отъ собора — *Пещерныя,* чрезъ которыя, по отлогому косогору, сходятъ богомольцы въ пещеры; другія врата, къ сѣверу, называются *Экономическими,* и третьи, къ западу, совершенно противъ собора, называются *Святыми.* Къ нимъ ведетъ деревянная галлерея, стѣны которой расписаны ликомъ святыхъ во весь ростъ и представлены какъ бы идущими навстрѣчу другому лику благовѣрныхъ князей русскихъ. Какое-то благоговѣніе и невольный трепетъ проникаютъ въ душу, каждый радъ, какъ только приближаешься къ этимъ святымъ вратамъ!

За оградою находится древняя церковь Преображенія Господня, сооруженная еще св. княземъ Владиміромъ въ бывшемъ на этомъ мѣстѣ, любимомъ селѣ его — Берестовѣ, въ которомъ онъ и скончался. Недалеко отъ сего храма была церковь Святыхъ Апостоловъ, построенная также княземъ Владиміромъ; въ этой церкви былъ священникомъ блаженный Илларіонъ, описанный нами выше; отсюда ходилъ онъ молиться въ ископанную имъ пещеру на берегу Днѣпра.

Спасская церковь, уцѣлѣвшая отъ раззореній, принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ Кіева, о чемъ можно судить по древней византійской ея живописи и по грече-

скимъ надписямъ. Митрополитъ Петръ Могила возобновилъ ее и навремя положилъ въ ней честную главу князя Владиміра, которая послѣ перенесена въ лавру.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь арсеналъ, въ старину былъ женскій монастырь, во имя Вознесенія Господня; но, при сооруженіи крѣпости, Петръ Великій уничтожилъ его и перевелъ во Флоровскую Обитель, которая и теперь существуетъ на Подолѣ.

Противъ *Святыхъ Вратъ* находится древняя церковь преподобнаго Θеодосія. Она сооружена на томъ мѣстѣ, гдѣ, во время перенесенія мощей этого угодника Божія, иноки остановились отдохнуть и поставили раку на обрубокъ дерева; обрубокъ этотъ и теперь хранится подъ престоломъ сего храма.

На срединѣ лаврской площади въ двадцати саженяхъ отъ собора къ юго-западу стоитъ величественная колокольня, прекрасное и огромное зданіе, имѣющее видъ восьмиугольника, въ четыре этажа. Поперечникъ фундамента ея 13 саженъ съ аршиномъ, окружность 41 сажень и два аршина. Нижній этажъ снаружи самой простой архитектуры; второй украшенъ 32-мя колоннами дорическаго ордена; третій съ 16 колоннами іоническаго ордена, и между ними еще 16 маленькихъ того же ордена; четвертый этажъ имѣетъ восемь тройныхъ колоннъ коринθскаго ордена, наподобіе пилястръ. Высота ея съ крестомъ 47 саженъ, и потому она справедливо считается высочайшею колокольнею въ Россіи.

— Какъ это, милый дѣдушка? спросилъ Миша: — а московскій Иванъ Великій неужели ниже ея?

— Да, другъ мой, несмотря на то, что изстари принято самую высокую мѣру означать высотою московской колокольни, какъ, напр., часто говорятъ: «это зданіе выше Ивана Великаго»; однако она даже съ крестомъ имѣетъ

только 38 саженъ и одинъ аршинъ съ половиною, — слѣдовательно девятью саженями ниже здѣшней лаврской колокольни; кромѣ того, другой мой, колокольня въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, подъ Москвою, также выше Ивана Великаго, потому что ея высота 41 сажень и одинъ аршинъ; есть много колоколень выше Ивана Великаго.

Здѣшняя лаврская колокольня началась строиться при архимандритѣ Романѣ Копѣ 1731 года, кончена же при архимандритѣ Тимофеѣ Щербацкомъ, въ 1745 году. Архитекторомъ ея былъ итальянецъ Іоганъ-Готфридъ Шейденъ. Одни только его труды и труды работниковъ стоили 58,584 руб. да колокола 30,415 руб., коихъ здѣсь десять, и самый большой изъ нихъ, называемый Успенскимъ, вѣситъ тысячу пудовъ.

Вся постройка и колокола сдѣланы на сумму, собранную въ лаврѣ отъ подаяній благочестивыхъ людей. Хотя въ тогдашній вѣкъ такая сумма считалась чрезвычайно огромною, однако прадѣды наши до того исполнены были благочестія, что, если только дѣло касалось до украшенія храмовъ Божіихъ, недостатка въ деньгахъ у нихъ не было.

Видъ съ этой колокольни до того великолѣпный и чудный, что я не берусь, дѣти мои, описать его вамъ.

— Неужели, милый дѣдушка, вы тамъ были? спросили дѣти.

Бывалъ, друзья мои, пока еще не такъ старъ былъ и хотя до сихъ поръ живо помню этотъ видъ, но желалъ бы и еще разъ посмотрѣть на него, если бы это только было для меня возможно. Оттуда, друзья мои, въ ясную погоду, съ помощію зрительной трубы, можно видѣть города: Козелецъ, Переяславль, Васильковъ и самыя отдаленныя окрестности почти на 150 верстъ; но ничто такъ не радуетъ, не прельщаетъ глазъ, какъ оча-

ровательная понорама самаго Кіева. Съ своими горами и оврагами, съ своими домами и садами, съ золотыми куполами и крестами своихъ церквей, съ своей прекрасной природой, богатой зеленью прекрасныхъ деревъ и огромныхъ тополей, — онъ является глазамъ нашимъ величественною картиною, на которую смотришь съ восхищеніемъ. Удивительную красоту этой картины довершаетъ величественный Днѣпръ, извивающійся въ необозримомъ пространствѣ, расцвѣченный безчисленными островками, заливами, мысами, и окаймленный темными лѣсами и высокими горами. Не думаю, чтобы не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ можно было найти что нибудь подобное. Тамъ, конечно, есть изумительно высокія горы, поднимающіеся къ облакамъ; но виды съ нихъ столь уже обширны, что, при подошвѣ ихъ, какъ бы исчезаетъ все человѣчество, и смертный теряется въ необъятномъ величіи дѣлъ Божіихъ; здѣсь же, любуясь красотою природы, видишь и могущество человѣка, видишь, какъ онъ великъ и по своему уму и духу и по своимъ физическимъ силамъ. Когдо смотришь на эти вѣковые памятники, воздвигнутые руками слабаго человѣка, какъ поучительны въ ту минуту становятся и тѣ скрытыя подъ землею гробы смертныхъ, которые умѣли сдѣлаться безсмертными возвышенностію духа, прилѣпившагося къ небеснымъ красотамъ и позабывшаго все земное. Эти люди достигли того, что въ немощи сдѣлались крѣпки, въ нищетѣ — богаты; живя въ темномъ подземельи, они ясно видѣли свѣтъ Божьяго рая и просвѣтили другихъ однимъ примѣромъ добродѣтельной своей жизни.

Потомъ, когда посмотришь на эти блистательные памятники древности, воздвигнутые одними подвигами самоотверженія, добровольными пожертвованіями ради Христа,

и молитвами пламенной ихъ любви къ Богу, какой назидательный урокъ даютъ они человѣку.

Эти чудные памятники, при всѣхъ опустошительныхъ нападеніяхъ жестокихъ враговъ, при всѣхъ бурныхъ переворотахъ государственной жизни Россіи, остались цѣлы, остались и стоятъ въ поученіе наше, что не гордостію, а смиреніемъ творятся подобныя чудеса даже въ мірѣ физическомъ. Эта древность, эта святыня до такой степени возвышаетъ душу, что, забывая все земное, духъ твой устремляется къ небу и жаждетъ успокоиться въ горнихъ селеніяхъ, въ селеніяхъ Господа силъ и Бога нашего. Такія то мысли, друзья мои, занимали меня при взглядѣ на нашъ Кіевъ и его святыню! Душа моя до того полна была желаній высшихъ, духовныхъ, до того занята была мыслію о Богѣ, что мнѣ даже грустно стало, когда я опять долженъ былъ перейти къ мыслямъ земнымъ, когда долженъ былъ спуститься на эту землю. Но, я вспомнилъ, однакожь, что и на ней жили люди, которые умѣли заслужить такой избытокъ благодати Господней,—земля опять показалась мнѣ прекрасною, святою. И я весело сошелъ и съ сильнымъ чувствомъ обнялъ милую дочь мою, Надежду, которая ожидала меня внизу.

Такъ-то, друзья мои, привязанность наша къ существамъ, близкимъ по узамъ родства или дружбы, и любовь ко всѣмъ человѣкамъ, братьямъ нашимъ, даютъ намъ возможность постигать небесную, божественную любовь къ общему Отцу нашему и Творцу всего прекраснаго на свѣтѣ!

Но полно! пора уже заключить бесѣду нашу. Пусть она кончится на этомъ пріятномъ чувствѣ для всѣхъ насъ.

Сказавъ это, дѣдушка простился съ своими слушателями, и вечеръ былъ конченъ.

ВЕЧЕРЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Ближніе пещеры.

— Сегодня, друзья мои, началъ дѣдушка, — я васъ поведу въ подземелье.

— Ахъ! это, вѣрно, въ пещеры, гдѣ почиваютъ св. угодники? спросила Варочка. — Я вчера была тамъ съ папенькой и съ многими богомольцами. Мы всѣ держали зажженныя свѣчи для того, что тамъ очень темно.

— Да, я слышала, что дѣйствительно тамъ темно, сказала Любинька; но почему бы, милый дѣдушка, не сдѣлать тамъ окошекъ? — прибавила она.

— Во первыхъ, для того, душа моя, что это невозможно, потому что надобно прокопать цѣлую гору. Но если бы и можно было, то кто осмѣлится измѣнить что нибудь въ томъ жилищѣ, которое избрали себѣ св. отшельники, въ которомъ они жили и гдѣ покоятся теперь нетлѣнныя ихъ мощи? Ты, дружокъ мой, еще такъ мала, что не можешь чувствовать того благоговѣнія, того почтительнаго страха, который раждается въ душѣ, когда опускаешься въ эти подземныя жилища.

— Въ самомъ дѣлѣ, милый дѣдушка! сказалъ Николинька, — когда бываешь тамъ, тогда происходитъ что-то необыкновенное въ душѣ, особенно при приближеніи къ

этимъ крошечнымъ окошечкамъ, сдѣланнымъ не на улицу, а въ подземелье, гдѣ жили затворники. Въ эту минуту чувствуешь что-то ужасное, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то сладкое для души. Страшно какъ-то подумать, какъ могли жить тамъ эти люди; а между тѣмъ чувствуешь, что и самому хотѣлось бы имѣть столько силы духа, чтобы выполнить такой же подвигъ. А этотъ подвигъ очень и очень великъ! Они добровольно рѣшались разстаться навсегда со свѣтомъ солнца, съ восхитительными красотами природы, съ благоуханіемъ цвѣтовъ, съ пѣніемъ птицъ и цѣлыми хорами соловьевъ, которыхъ множество водится около пещеръ въ дикой, но прелестной долинѣ, близъ колодцевъ св. угодниковъ Антонія и Өеодосія. Они оставляли все это и какъ бы забывали совершенно самихъ себя для того, чтобы уже ничто не мѣшало имъ думать объ одномъ Богѣ, чтобы ничто не отвлекало ихъ отъ молитвы. О! это великіе подвиги. Они выше всѣхъ другихъ подвиговъ — подвиговъ на войнѣ и великихъ дѣлъ въ свѣтѣ. Послѣдніе всегда и тотчасъ же сопровождаются наградами, уваженіемъ, предпочтеніемъ, — о первыхъ же мало кто и знаетъ. Имъ никто не удивляется, никто не хвалитъ и награда бываетъ только, по смерти, да и той подвижники эти считаютъ себя недостойными.

— Ай да Николинька! воскликнуло множество голосовъ, — ты говоришь, какъ дѣдушка! Видно, что прилежно слушалъ его. Однакожь, не мѣшай ему разсказывать.

— Онъ нисколько не мѣшаетъ мнѣ, друзья мои, возразилъ дѣдушка: напротивъ, еще болѣе возбуждаетъ охоты передать вамъ все, что знаю. Изъ этого я вижу, что разсказы мои полезны вамъ и что ненапрасны труды мои. Для меня самая лучшая награда, когда слышу отъ васъ подобныя разсужденія, и Николинька очень утѣшилъ меня. Но пора за дѣло. Сегодня будемъ мы говорить о

пещерахъ и святыхъ угодникахъ, которые спасались въ нихъ.

Ходъ въ эти подземелья идетъ по отлогому косогору, выстланному плитами изъ дикаго камня, какъ уже я и говорилъ вамъ. Но туда же можно пройти и садомъ монастырскимъ, въ которомъ растутъ отличный виноградъ и груши чрезвычайно пріятнаго вкуса. Но не всѣ ходятъ черезъ садъ; для богомольцевъ сдѣланы крытые ходы, въ 64 сажени длиною, со ступенями, спускающимися по горѣ внизъ. Въ срединѣ этихъ крытыхъ галлерей построена каменная колокольня, вышиною въ восемь саженъ съ половиною. Крестъ и глава на ней вызолочены червоннымъ золотомъ. Прошедши ее насквозь, нужно пройти еще двадцать восемь саженъ и тогда только войдешь въ печерскую церковь Воздвиженія Честнаго Креста, построенную въ 1700 году. Церковь эта богато украшена: куполъ на ней вызолоченъ, царскія врата серебряныя съ позолотой, престолъ и жертвенникъ покрыты мѣдными досками отличной работы и вызолочены чрезъ огонь, съ накладными серебряными изваяніями. Изъ этой церкви три входа въ пещеры: одинъ изъ придѣла съ западной стороны, другой изъ самой церкви, а третій изъ сѣвернаго придѣла, со стороны алтаря.

Такъ какъ эта церковь стоитъ на холмѣ, который оканчивается большимъ оврагомъ, и въ срединѣ холма много ключей, то для большей безопасности сдѣлана вокругъ ея большая каменная стѣна полукругомъ съ арками. На углу стѣны устроенъ еще круглый контрфорсъ, или подпора и подъ нимъ колодезь для собиранія ключевыхъ водъ въ одно мѣсто, посредствомъ проведеннаго канала. На верху же контрфорса построены двѣ восьмиугольныя башни: въ одной хранится ризница пещерной церкви, а изъ другой сдѣланы опять крытые переходы, на каменныхъ

столбахъ, простирающіеся на 91 сажень, черезъ ровъ, до другой крытой галлереи, идущей съ южной стороны церкви Зачатія св. Анны, которая воздвигнута надъ пещерою, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ благословилъ преподобный Антоній построить первую деревянную церковь на поверхности земли, когда по множеству братій они не могли уже помѣщаться внутри пещерной церкви. И изъ Аннинской церкви есть прямой ходъ въ пещеры; но богомольцы препровождаются особой галлереей, сдѣланной снаружи, со ступенями, въ длину на 24 сажени, отъ западу къ востоку. При самомъ входѣ въ пещеру, гдѣ собирается народъ, сдѣлана другая галлерея, съ сѣвера на югъ, длиною въ 5 сажень; а надъ самымъ входомъ въ пещеры находится каменная башня, покрытая желѣзомъ, съ вызолоченными чрезъ огонь яблокомъ и крестомъ.

При церкви Воздвиженія Креста начинается первый входъ въ пещеры. Онъ идетъ отлого внизъ и такъ тѣсенъ, что двумъ человѣкамъ рядомъ идти невозможно. Далѣе эти подземныя галлереи дѣлаются шире, и съ обѣихъ сторонъ въ углубленіяхъ почиваютъ св. мощи. Тамъ нельзя ходить иначе, какъ съ зажженными свѣчами.

Прошедши нѣсколько отъ входа, при первомъ крутомъ поворотѣ, встрѣчаешь гробъ св. Антонія. Какъ первый основатель св. обители, онъ первый является вамъ передъ сонмомъ братій, собранныхъ примѣромъ его добродѣтельной жизни и удостоившихся, какъ и онъ, пребыть нетлѣнными въ ископанныхъ ими пещерахъ.

Св. Антоній лежитъ подъ спудомъ, въ серебряной ракѣ, на верху которой изображенъ почивающій угодникъ. Надъ гробомъ святаго старца, перваго учредителя монашества въ Россіи, поставлены три св. иконы, — одна съ его изображеніемъ, въ серебряномъ окладѣ и передъ нею всегда теплится лампада. Превосходя подвигами своими

всѣхъ угодниковъ, тутъ почивающихъ, св. Антоній имѣлъ такое смиреніе въ душѣ, что ни за что не хотѣлъ принять на себя званіе настоятеля; считая уже многолюдствомъ небольшое еще число братій, онъ удалился отъ нихъ на другой холмъ горы, гдѣ, своими руками ископавъ пещеру, провелъ въ ней еще 12 лѣтъ и довершилъ тутъ подвигъ своей святой жизни. Преподобный и по смерти обнаружилъ удаленіе отъ міра тѣмъ, что тогда, какъ почти всѣ его послѣдователи лежатъ здѣсь открыто, онъ одинъ покоится подъ спудомъ. Благочестивые люди намѣревались было открыть его, но изъ его гроба вышло пламя и удержало ихъ отъ нарушенія воли св. угодника, желавшаго и по смерти быть скрытымъ.

Тѣсная келья преподобнаго находится тутъ же вблизи. Это — небольшое углубленіе въ пещерной стѣнѣ, съ каменною скамьею, на которой почивалъ отшельникъ. Не мягка была постель его; но и на ней, конечно, непродолжителенъ бывалъ отдыхъ подвижника. Три св. иконы поставлены одна въ головахъ, другая съ боку, третья въ ногахъ жесткаго ложа, которое плотно придѣлано къ тремъ стѣнамъ этой тѣсной кельи, гдѣ едва только можно лечь человѣку.

Вблизи находится пещерная церковь во имя св. Антонія, которую соорудили его сподвижники, и двое изъ нихъ лежатъ при входѣ въ нее, въ открытыхъ ракахъ. Это — постникъ Іоаннъ и св. Прохоръ, прозванный *Лебедникомъ* оттого, что питался травой лебедой и въ голодное время прокормилъ ею народъ. Необыкновенное чувство благоговенія раждается въ душѣ, когда бываешь при богослуженіи въ этихъ подземныхъ храмахъ и слышишь славословіе Господу въ нѣдрахъ земли.

Идете далѣе отъ раки св. Антонія и встрѣчаете сперва св. Іуліанію, княжну ольшанскую, которой мощи гораздо уже послѣ обрѣтены были подъ сводами соборной церкви

и поставлены на мѣсто святителя Михаила, когда перенесли его въ Успенскій соборъ.

Затѣмъ слѣдуютъ два мученика: Василій и Θеодоръ, бывшіе друзьями на землѣ. Они спасались вмѣстѣ и положены въ одномъ гробѣ. Какъ трогательно такое соединеніе душъ, стремившихся любовью къ Единому Богу! Жестокій Мстиславъ, сынъ Святополка, обольстившись корыстолюбіемъ, требовалъ отъ нихъ сокровищъ варяжскихъ, будто бы скрытыхъ ими въ пещерахъ, и своеручно поразилъ Василія стрѣлою, которая послѣ была орудіемъ смерти этого князя. Оба мученика скончались въ темницѣ, послѣ жестокихъ истязаній.

Недалеко отъ нихъ покоится св. Поликарпъ, первый архимандритъ св. Лавры и писатель извѣстнаго Патерика Печерскаго, заключающаго въ себѣ жизнеописанія всѣхъ угодниковъ, почивающихъ въ пещерахъ. Эта книга издается здѣсь въ Кіевѣ и чрезвычайно нравоучительна и полезна для всякаго.

Подлѣ св. Поликарпа покоится Даміанъ Цѣлебникъ, который молитвою избавлялъ страждущихъ. Будучи постриженъ св. Θеодосіемъ, онъ былъ такъ преданъ ему, что одного только просилъ у Господа — не разлучать его съ преподобнымъ и по смерти, и въ послѣдній часъ его жизни ангелъ въ образѣ св. Θеодосія увѣрилъ умирающаго, что исполнится его желаніе.

Тутъ вблизи находится вторая подземная церковь, во имя св. Варлаама, котораго и мощи почиваютъ въ ней. Онъ былъ постриженъ въ монахи преподобнымъ Антоніемъ изъ знатныхъ бояръ кіевскихъ, за что св. Антоній претерпѣлъ много гоненій отъ князя Изяслава, равно какъ и за приближеннаго къ нему другаго угодника, св. Ефрема, имъ же постриженнаго. Хотя первый впослѣдствіи былъ взятъ на должность игумена въ Обитель св. Димитрія, а послѣд-

ній посвященъ въ архипастыря Переяславскаго, однакожъ, оба они желали успокоиться въ пещерахъ, гдѣ начали свой подвигъ и гдѣ теперь видимъ ихъ нетлѣнными.

Отсюда поворачиваютъ налѣво, въ тѣсный переходъ, для поклоненія четыремъ угодникамъ, изъ которыхъ первымъ является Никодимъ, просфорникъ печерскій, 30 лѣтъ приготовлявшій просфоры для всѣхъ церквей Св. Лавры.

Тутъ же видите вы первое жилище затворниковъ, совершенно подобное могилѣ, потому что вырыто въ землѣ, и соединено съ пещерою однимъ маленькимъ окошечкомъ величиною въ квадратную четверть аршина, сквозь которое подавали затворнику пищу и которое по смерти его закрывалось вмазаннымъ наглухо стекломъ, что и составляло настоящій гробъ спасавшихся въ подобныхъ страшныхъ кельяхъ. Таковы кельи св. Лаврентія, св. Аѳанасія и подлѣ нихъ преподобнаго Еразма.

Св. Аѳанасій, скончавшись, ожилъ по прошествіи двухъ дней, собралъ братію и, поучивъ ихъ тремъ добродѣтелямъ: *послушанію, покаянію* и *молитвѣ,* заключилъ себя въ затворѣ и тамъ прожилъ еще 12 лѣтъ.

Святой Еразмъ искупилъ свою душу и сдѣлался святымъ, пожертвовавъ всѣмъ имѣніемъ храму Божіей Матери. Слѣдовательно, друзья мои, хорошо дѣлаютъ тѣ, которые, лишая себя здѣсь тлѣннаго богатства, пріобрѣтаютъ другое, нетлѣнное.

Потомъ, при входѣ въ ту же церковь, почиваютъ мощи Луки, эконома печерскаго. Тутъ же и преподобный Нектарій.

А недалеко отъ церкви, въ небольшомъ углубленіи, почиваютъ четыре отшельника: Агапитъ, врачъ безмездный, то есть пользовавшій всѣхъ даромъ и за то впослѣдствіи одною уже молитвою совершавшій многія исцѣленія,—даже заочно воздвигъ съ смертнаго одра великаго Мономаха.

Вотъ два брата Іоаннъ и Ѳеофилъ въ одной ракѣ. Первый изъ нихъ, по просьбѣ св. гробокопателя-Марка, подвинулся уже мертвый, чтобы уступить почетное мѣсто своему старшему брату. Маркъ до того былъ тронутъ этимъ чуднымъ послушаніемъ, что провелъ остатокъ жизни въ неизсякаемыхъ слезахъ.

Вотъ еще священномученикъ Кукша, просвѣтившій всю Вятскую страну словомъ евангельскимъ и умерщвленный стрѣлами дикихъ. Вотъ Исаакій и Алексій, затворники, преподобный Савва и Сергій Послушливый, Григорій-Иконописецъ, Меркурій епископъ смоленскій, прославленный чудесами.

Далѣе мы видимъ Пимена Многоболѣзненнаго. Съ минуты своего рожденія, онъ былъ непрестанно болѣнъ и отъ самой юности желалъ постричься въ монахи; но родители ему не позволяли до тѣхъ поръ, пока не увидѣли, что болѣзнь его усиливалась, и принесли его сами въ монастырь, прося молиться о его исцѣленіи. Но болящій, повидимому, находилъ отраду въ тѣлесныхъ страданіяхъ, и потому ангелы, въ видѣ игумена и братій, пришли къ нему ночью и, совершивъ постриженіе его въ монахи, назвали его Пименомъ и предрекли ему долгую болѣзнь, до самой кончины. Дѣйствительно, онъ жилъ еще 20 лѣтъ, будучи недвижимъ на одрѣ своемъ, а между тѣмъ, молитвою исцѣлялъ другихъ. Когда наконецъ наступила его кончина и ангелы, постригавшіе его, пришли за душою праведника, тогда только онъ выздоровѣлъ, всталъ съ постели, обошелъ всѣ кельи, простился съ братіею и успокоился блаженнымъ сномъ. Таинственное его постриженіе изображено на иконѣ, поставленной надъ ракою преподобнаго.

Недалеко отъ Пимена Многоболѣзненнаго почиваетъ Несторъ лѣтописецъ россійскій, въ серебряной ракѣ. Онъ съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя Богу и, живя въ этихъ

пещерахъ, былъ сотрудникомъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія и описалъ великіе ихъ подвиги.

Рядомъ съ нимъ почиваетъ мученикъ Евстратій, взятый въ плѣнъ Половцами, при раззореніи лавры ханомъ Бонякомъ. Будучи проданъ въ Корсунь, вмѣстѣ съ другими 50 иноками печерскими, одному тамошнему Еврею, онъ поддержалъ ихъ всѣхъ твердостію своей вѣры и былъ распятъ жидами на крестѣ, въ самый день Св. Пасхи, за исповѣданіе имени Господа Іисуса Христа. Икона, изображающая его страданіе, поставлена надъ его ракою.

Далѣе слѣдуютъ два затворника: Элладій и Іеремія Прозорливый, обличавшій всѣ скрытые помыслы своихъ братій, для ихъ исправленія.

Потомъ два мученика; первый—Моисей-Угринъ, любимый отрокъ св. страстотерпца князя Бориса. Онъ былъ отведенъ въ плѣнъ королемъ польскимъ Болеславомъ, гдѣ, претерпѣвъ безвредно многія искушенія, укрылся наконецъ въ пещеры.

Противъ него мы видимъ Іоанна Многострадальнаго. Налагая на себя мученія, онъ сперва закопалъ себя въ землю на время великаго поста, а потомъ уже и на всю жизнь, и, подвергаясь ужаснымъ искушеніямъ, пребылъ твердъ въ своемъ чрезвычайномъ подвигѣ. Честная его глава и руки, крестообразно сложенныя, пребываютъ и теперь нетлѣнны поверхъ земли. Благочестивые люди налагаютъ сшитыя шапочки на его голову и послѣ, надѣвая ихъ на себя съ вѣрою, исцѣляются отъ болѣзней.

Вотъ еще два великихъ подвижника: Марко-Гробокопатель и Никола-Святоша, о смиренномъ житіи котораго я вамъ разсказывалъ. Простой монахъ-гробокопатель и князь земли русской покоятся здѣсь вмѣстѣ, оба удостоившись того, что тѣлеса ихъ остались нетлѣнными. Подлѣ

мощей святаго Марка хранится мѣдный крестъ, съ греческими надписями. Онъ сдѣланъ съ небольшими углубленіями, которые были сосудомъ и вмѣстѣ мѣрою питія преподобнаго во всю его жизнь. Теперь почерпаютъ имъ святую воду изъ особенной чаши и даютъ пить приходящимъ къ святымъ его мощамъ. Многіе, принимая ее съ вѣрою, исцѣлялись отъ болѣзней.

Подлѣ князя Николы покоится Григорій-чудотворецъ, названный такъ потому, что бывъ утопленъ въ Днѣпрѣ, родственникомъ своимъ, княземъ Ростиславомъ за то, что предсказалъ ему пораженіе отъ Половцевъ, найденъ былъ уже не въ рѣкѣ, а въ своей кельи.

Потомъ слѣдуютъ два затворника: Онисимъ и Матѳей Прозорливый. Лишивъ себя дневнаго свѣта для тѣлесныхъ своихъ очей, они ясно видѣли душевными то, что отъ насъ сокрыто.

Отсюда начинается крутой поворотъ направо въ узкій переходъ къ трапезѣ преподобнаго Антонія. Въ этомъ переходѣ почиваетъ Алипій первый иконописецъ печерскій, работу котораго оканчивали ангелы. Рядомъ съ Алипіемъ покоится св. Спиридонъ, просфорникъ печерскій, угасившій мантіею пламя загорѣвшейся храмины. Онъ, въ часъ блаженной своей кончины, осѣнилъ себя крестомъ, и пальцы его руки остались такъ сложенными. Люди, достойные довѣрія, разсказываютъ, что многіе раскольники, при видѣ православносложенныхъ перстовъ преподобнаго, на нетлѣнной рукѣ его, обратились къ истинѣ. Потомъ почиваетъ еще здѣсь преподобный Анатолій, и затѣмъ находится трапеза, гдѣ братія собиралась по субботамъ. Близъ трапезы вы видите мѣсто затвора св. Ареѳа, которому въ милостыню вмѣнилось утраченное имъ имѣніе за то, что онъ не возроптал, а возблагодарилъ Бога. Далѣе слѣдуютъ

два затворника: Өеофилъ и Сысой, потомъ Анастасій; въ самой же трапезѣ: Исаія чудотворецъ, Аврамій Трудолюбивый, Сильвестръ, Пименъ-Постникъ и Онуфрій Молчаливый. Тутъ же и великій Нифонтъ, епископъ новгородскій, прозванный поборникомъ земли русской, потому что былъ примирителемъ князей и народа и безпрестанно странствовалъ по отечеству для водворенія мира и тишины.

Въ этой самой трапезной келіи совершилось чудо, уже во времена позднѣйшія. Нѣкто Діонисій, настоятель этихъ пещеръ, пришелъ въ день Св. Пасхи покадить усопшую братію, желая раздѣлить съ ними всеобщее торжество, и, конечно, съ вѣрою произнесъ: «Святые отцы и братія! сегодня великій день: Христосъ воскресе!» И они всѣ громогласно откликнулись: «Воистинну воскресе!» Можно вообразить, какимъ благоговѣйнымъ страхомъ пораженъ былъ Діонисій. Потомъ далѣе св. Симонъ, епископъ суздальскій; Онисифоръ-исповѣдникъ. Затѣмъ, въ серебряной ракѣ, Никонъ—третій игуменъ печерскій, преемникъ блаженнаго Өеодосія. За нимъ далѣе: Өеофанъ-Постникъ, Макарій и Анастасій-діаконъ. Тутъ же, въ отдѣльной кельи, почиваютъ 12 братіи-каменьщиковъ, которые были чудесно присланы для сооруженія соборной церкви. По преданію извѣстно, что они кончили свою земную жизнь въ одинъ день и лежатъ теперь всѣ рядомъ, въ затворнической кельѣ, съ однимъ окошечкомъ. Потомъ Аврамій-затворникъ и другой затворникъ же Исаакій. Преподобный Илія-Муромецъ, названный такъ по мѣсту его рожденія; преподобный Никонъ Сухой. Здѣсь оканчивается пещерный кругъ церковію во имя Входа во Храмъ Пресвятой Богородицы. Въ этой церкви почиваютъ мощи св. Ефрема, епископа печерскаго и преподобнаго Тита-Іеромонаха, чудесно получившаго исцѣленіе за то, что былъ милосердъ къ оскорбившему его брату. Тутъ конецъ ближнимъ пещерамъ св. Антонія.

Пора и намъ кончить нашу бесѣду, милые друзья мои! Желаю, чтобы угодники Божіи, о которыхъ мы говорили, призирающіе на насъ съ высоты небесной, были всегда наставниками вашими и молитвенниками за васъ у престола Господня.

ВЕЧЕРЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Дальнія пещеры.

— Прошлое воскресенье разсуждали мы о ближнихъ пещерахъ св. Антонія, а сегодня займемся дальними, или пещерами преподобнаго Өеодосія, — сказалъ дѣдушка своимъ слушателямъ. Къ нимъ надобно итти по длинному, крытому проходу, имѣющему болѣе ста саженъ. Этотъ проходъ, служа какъ бы мостомъ, поведетъ васъ чрезъ глубокій оврагъ, составляющій дикую, но красивую долину, покрытую деревьями разнаго рода, богатой и прекрасной зеленью здѣшняго климата. Тамъ все обросло густой травою, кустарниками и душистыми цвѣтами; тамъ ничего не обработано и все дико, но тѣмъ привлекательнѣе, потому что вѣрно изображаетъ отдаленный вѣкъ, когда природа оставалась въ собственной, первобытной красотѣ, безъ роскошныхъ затѣй человѣческихъ, которыми теперь думаютъ украсить сады свои люди богатые.

Въ этомъ-то прелестномъ уединеніи, среди развѣсистыхъ деревьевъ, находится колодезь, выкопанный самимъ преподобнымъ Антоніемъ. Теперь надъ нимъ сдѣланъ высокій деревянный обрубъ, и сверху находятся крышки на столбахъ для предохраненія его отъ солнечнаго зноя. Въ этомъ мѣстѣ весьма пріятно отдыхать, когда идешь въ пе-

щеры, особенно весною, потому что благорастворенный воздухъ, благоуханіе цвѣтущихъ кустарниковъ и неумолкаемый хоръ соловьевъ, которыхъ около этого святаго мѣста водится множество, — все располагаетъ душу къ возвышенному чувству умиленія и любви къ неизреченному величію дѣлъ Божіихъ и блаженному сочувствію тѣмъ святымъ душамъ, которыя посвятили себя единому Господу и изъ любви къ Нему совершили на этомъ мѣстѣ великіе подвиги самоотверженія.

Когда же спуститесь вы на самое дно оврага, вамъ представится другой колодезь преподобнаго Θеодосія, также выкопанный собственными руками святаго. Въ этой-то мирной долинѣ сходились святые старцы — Антоній и Θеодосій изъ своихъ пещерныхъ келій, приходя за водою для всей братіи устроеннаго ими монастыря. Удивительно, дѣти мои, глубокое смиреніе и трудолюбіе этихъ св. людей. Будучи основателями святой лавры, начальниками притекающей къ нимъ братіи изъ всякаго званія, князей, бояръ и нищихъ, они не мечтали быть выше своихъ сотрудниковъ и, сколь ни дряхлы наконецъ становились, особливо св. Антоній, который жилъ 90 лѣтъ, — не искали, однако, тѣлеснаго покоя и не требовали ничьихъ услугъ, но сами для всѣхъ ходили за водой и трудились наравнѣ съ послѣднимъ работникомъ монастырскимъ. Они въ точности и на дѣлѣ исполняли изреченіе Христово въ св. Евангеліи: «Иже аще хощетъ въ васъ вящій быти, да будетъ вамъ слуга: И иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ.» (Матθ., гл. 20, ст. 26).

Эта дикая, величественная долина, съ окружающими ее пещерами, всегда представляется мнѣ прекрасной картиной изъ книги назидательныхъ бытописаній.

Поблизости колодца св. Θеодосія сдѣлана лѣстница для облегченія всхода на чрезмѣрно высокую и крутую гору,

подобно тому, какъ примѣръ смиренія и трудовъ святыхъ отшельниковъ можетъ облегчить намъ всходъ къ вышнему, небесному жилищу, гдѣ они теперь славословятъ Господа въ сонмѣ ангеловъ!... Эта лѣстница устроена съ площадками и скамейками для отдыха богомольцевъ, когда они идутъ въ дальнія пещеры.

Близъ дальныхъ пещеръ находятся двѣ церкви, —одна во имя Зачатія Св. Анны, откуда устроенъ входъ въ эти подземелья, а другая — во имя Рождества Богородицы.

Весело и утѣшительно итти по этой живописной долинѣ, внутри крытыхъ, очень свѣтлыхъ переходовъ, съ окошками и лѣстницами. Тамъ, друзья мои, вы увидите множество нищихъ, больныхъ, калѣкъ и всякаго рода представителей земной бѣдности и немощи, возбуждающей въ васъ и питающей высокое чувство небесныхъ добродѣтелей, за которыя будетъ сказано на страшномъ судѣ: «Пріидите благословеніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе.»

Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, г-нъ Муравьевъ прекрасно сказалъ, что эта длинная вереница нищихъ есть какъ бы одна живая строка Евангелія, начертанная человѣческими буквами: «Блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ!» (Матѳ., 5, 7). А я прибавлю, что тутъ начертаны и всѣ строки того мѣста во св. Евангеліи, гдѣ Спаситель означаетъ намъ добродѣтели, за которыя послѣдуютъ награда праведнымъ и вѣчное осужденіе грѣшнымъ! (Матѳея, гл. 23, ст. 35). Тутъ увидите вы бѣдныхъ, просящихъ хлѣба: накормите ихъ, потому что они ясно представляютъ вамъ первую строку: «Взалкахся бо и дасте Ми ясти: возжадахъ и напоисте Мя.»

Тутъ найдете сиротъ, безкровныхъ, скитающихся на чужой сторонѣ и не знающихъ, гдѣ главу приклонить: дайте имъ уголъ въ жилищѣ вашемъ, или пристройте ихъ

куда нибудь,—это вторая евангельская строка: «Страненъ бѣхъ и введосте Мя.» Тутъ увидите нищихъ въ рубищахъ; доставьте имъ какое нибудь одѣяніе, — это третья строка: «Нагъ и одѣясте Мя.» Тутъ увидите больныхъ, страждущихъ; подайте имъ какую нибудь помощь,—это четвертая строка: «Боленъ и посѣтисте Мя.» А оттуда направьте стопы ваши къ заключеннымъ въ темницахъ, скажите имъ утѣшительное слово, почерпнутое въ сердцѣ, любящемъ своего ближняго; это будетъ исполненіе пятой строки: «Въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко Мнѣ.» И тогда несомнѣнно отзовется въ душѣ вашей блаженный гласъ: «Пріидите благословеніи Отца моего!» Съ этимъ благодатнымъ чувствомъ проходя въ земное жилище почившихъ здѣсь праведниковъ, среди множества нищихъ, вы, конечно, не будуте имѣть ни пагубнаго отвращенія, ни ужаса, какъ бываетъ съ нѣкоторыми при видѣ человѣческихъ бѣдствій. Послѣ такого исполненія любви къ своему ближнему, ваша душа, конечно, проникнется кроткимъ состраданіемъ, и святое смиреніе пробудитъ въ ней благодарность къ Творцу, избавившему васъ отъ подобныхъ несчастій. Вы здоровы, вамъ служатъ глаза, руки и ноги; вы не нуждаетесь ни въ кускѣ хлѣба, ни въ одеждѣ, ни въ тепломъ, спокойномъ жилищѣ; вы не одни въ мірѣ; у васъ есть родители, братья, родственники, которые любятъ васъ; вы не покинуты на чужой сторонѣ.

Вѣдь никто изъ насъ не можетъ быть увѣренъ, друзья мои, что съ нами не случится ничего подобнаго: очень много примѣровъ въ исторіи и на нашихъ глазахъ, что богатые лишались всего и не имѣли насущнаго хлѣба, знатные доходили до такого униженія, что скитались гдѣ день, гдѣ ночь; сильные, здоровые люди дѣлались вдругъ увѣчными, то есть больными, слѣпыми, хромыми. Слѣдственно, всѣ мы подвержены этому ужасному жребію и

если теперь не таковы, то единственно по неизреченному къ намъ милосердію Господню, за что должны благодарить Его непрестанно и не только остерегаться преступнаго отвращенія при видѣ этихъ несчастныхъ собратій нашихъ, но еще всѣми силами стараться любить ихъ и помогать имъ, сколько это намъ возможно. Это будетъ лучшимъ доказательствомъ благодарности и любви нашей къ Богу, тѣмъ болѣе, что, зная нашу немощь, Онъ, милосердый Отецъ, немногаго и требуетъ: одна чаша холодной воды, поданная съ любовью, вмѣняется намъ во многое.

А чтобы вы испытали на себѣ, какое святое и сладкое чувство раждается и воцаряется въ душѣ нашей послѣ дѣлъ благотворительности, попробуйте, друзья мои, помочь чѣмъ нибудь этимъ несчастнымъ: одному скажите ласковое слово; другому, дряхлому старичку помогите встать съ земли, или поднимите его котомку; голодному мальчику или дѣвочкѣ подайте кусочекъ хлѣба, и посмотрите въ это время на ихъ лица: вы увидите, что улыбка радости оживитъ блѣдныя ихъ черты, благодарныя слезы блеснутъ въ потухшихъ ихъ глазахъ. У нихъ, можетъ быть, не достанетъ словъ выразить вамъ свою признательность; но та отрада, которою вы оживили ихъ, тутъ же отзовется въ душѣ вашей небесною радостью. О, дѣти мои! Какъ не любить намъ тѣхъ собратій нашихъ, которые своимъ несчастіемъ подаютъ намъ случай къ ощущенію единственной истинной радости на землѣ, предъ которою всѣ другія радости ничтожны, какъ скоропреходящія и невполнѣ удовлетворяющія наше сердце. Вы, друзья мои, хотя еще очень молоды и немного жили на свѣтѣ, однако замѣтили уже не разъ, что та самая вещь, которая за минуту восхищала насъ, кажется намъ уже излишнею и ненужною. То, чего вы чрезмѣрно желали, скоро наскучаетъ, когда вамъ достается. Неправда ли, что это часто бываетъ?

— О, да, милый дѣдушка: не знаю, какъ съ другими, а со мною недавно случилось подобное, сказалъ Николинька. На прошлой недѣлѣ пошелъ я съ маменькой въ лавки и увидѣлъ тамъ очень хорошенькую записную книжку, которая чрезвычайно понравилась мнѣ и которую я хотѣлъ имѣть тѣмъ болѣе, что давно желалъ всегда носить съ собою въ карманѣ и записывать все, что сдѣлаю или услышу достойное примѣчанія. Согласитесь, что я желалъ дѣльнаго?

— Да, конечно. Что же далѣе? спросили дѣти.

— А далѣе вотъ что, мои милые! отвѣчалъ Николинька. Примѣтивъ, что книжка сдѣлана изъ тисненаго сафьяна и обложена серебряною оправою, я спросилъ ея цѣну и, услышавъ, что она стоитъ довольно дорого, положилъ ее на прежнее мѣсто, вздохнулъ и отошелъ прочь, несмотря на то, что мнѣ сильно хотѣлось имѣть ее. Послѣ она цѣлый день вертѣлась у меня въ головѣ съ алымъ тисненымъ своимъ сафьяномъ, со стальнымъ замочкомъ, съ ключикомъ и карандашикомъ, съ пергаментомъ внутри, на которомъ, казалось, можно было написать столько хорошаго. Все это до того нравилось мнѣ, что я почиталъ счастливымъ того, кто можетъ купить ее. И вотъ, послушайте конецъ моего разсказа. День прошелъ и вечеръ также. Мы разошлись спать. Я скоро заснулъ; но и во снѣ все грезилась мнѣ эта книжка: такъ занимала она меня! Но вотъ встаю по утру, подхожу къ моему столику, чтобы приняться за ученье, — и что же? книжка лежитъ предо мною!

— Ахъ! раздалось въ толпѣ дѣтей, — счастливый Николинька! Вотъ, я думаю, ты обрадовался!

— Да, чрезвычайно, мои милые! тѣмъ болѣе, что тотчасъ догадался, кто подарилъ мнѣ ее; схватилъ книжку, въ восторгѣ поцѣловалъ ее и побѣжалъ къ милой, неоцѣненной маменькѣ; благодарилъ ее, цѣловалъ ея ручки, и

книжечка цѣлое утро не выходила изъ моихъ рукъ. Я осматривалъ ее кругомъ, отпиралъ замочекъ, вынималъ карандашикъ, пробовалъ писать имъ на пергаментѣ стихи, прозу, потомъ запиралъ снова, слушалъ, какъ мило щелкаетъ замочекъ, пряталъ ее въ карманъ и вынималъ снова, — однимъ словомъ: я былъ внѣ себя отъ радости, любуясь моей книжкою и думая, что она уже моя. Кажется, мнѣ должно было бы и на другой и на третій день столько же восхищаться книжкою: она была таже, никто у меня не отнялъ ее, въ ней было все прежнее; но къ обѣду того же дня я уже рѣже бралъ ее въ руки; вечеромъ оставилъ на столѣ, а ложась спать спряталъ въ бюро; на другой день, вставъ по утру, поглядѣлъ на нее, когда вынималъ свои тетради, а потомъ, стыдно признаться, друзья мои, не только ничего не написалъ въ ней, но даже совсѣмъ забылъ, что она есть у меня, между тѣмъ, какъ за два дни назадъ, какимъ неимовѣрнымъ счастіемъ я считалъ имѣть такую книжечку!

— Да, милый Николинька, сказала Вѣрочка, случалось это и со мною. Видишь иногда въ лавкахъ прекрасную куклу, книжку или платочекъ и думаешь: вотъ бы я была счастлива, если бы это подарили мнѣ! а подарятъ, тотчасъ сдѣлается наравнѣ со всѣмъ прежнимъ, что давно лежитъ въ моемъ кукольномъ ящичкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, подхватила Настинька. Сегодня по утру просилась я въ садъ, и, когда няня говорила мнѣ, что еще погода не разгулялась, что туманъ, сыро, я принялась плакать, — такъ сильно хотѣлось мнѣ побѣгать по саду. Я до того плакала и просила няню, что та разсердилась и закричала на меня; потомъ, когда туманъ упалъ и ясное солнышко весело освѣтило окошки, она повела меня въ садъ. И что жь? едва прошли мы съ нею по первой

дорожкѣ, какъ я стала проситься домой,—мнѣ уже скучно показалось въ саду.

— Да, да! и со мною это было, и со мною,—подхватили нѣкоторыя изъ дѣвочекъ; я не хотѣла надѣть розовой шляпки, о которой за мѣсяцъ до моихъ имянинъ надоѣла просьбами старшей моей сестрѣ.

— А я тотчасъ сломала прекрасную куклу, которая казалась мнѣ очень милою, пока стояла на комодѣ у тетеньки.

— Ну, что за диковинка шляпка или кукла? возразилъ маленькій Петруша,—а вотъ, какъ мнѣ папенька подарилъ большую, деревянную лошадь, я до того катался на ней, что не хотѣлъ итти обѣдать, послѣ же и не садился ни разу!

— Что же, Петруша, возразилъ Мишенька,—вѣдь и деревянная лошадь небольшая диковинка, потому что стоитъ не больше шляпы и куклы. А вотъ, какъ мнѣ дѣдушка подарилъ однажды живаго осла — слышите, мои милые, живаго, на которомъ можно было ѣздить, куда хочешь,—такъ вотъ диковинка!... Я цѣлую недѣлю катался на немъ по саду до того, что совершенно измучилъ бѣдное животное,—такъ былъ я радъ этому подарку! А сегодня дѣдушка имѣлъ причину побранить меня за то, что я уже вовсе забылъ о моемъ ослѣ, и, что еслибъ не Николинька заботился, бѣдный оселъ умеръ бы съ голоду въ конюшнѣ. И знаете ли? я забросилъ его только потому, что занялся домикомъ, который сдѣлали для меня въ саду.

— Ваша правда, сказалъ Алеша,—и со всѣми дѣтьми случается это: все, что ново, то нравится намъ и забавляетъ насъ; а на прежнее и смотрѣть не хочется, хотя бы прежнее было гораздо лучше. Отчего это, милый дѣдушка?

— Отъ непостоянства человѣческихъ желаній, другъ мой! Вы, дѣти, испытывали это въ вашихъ игрушкахъ, а

мы, большіе, испытываемъ въ серьезныхъ дѣлахъ. Отъ этого-то непостоянства нашихъ желаній происходитъ то, что богатый человѣкъ желаетъ быть еще богаче, знатный — еще знатнѣе, сильный — еще сильнѣе. Нѣтъ предѣла людскимъ желаніямъ. Едва получимъ одно, уже стремимся къ другому. Эта, можно сказать, ненасытимость желаній нашихъ ясно показываетъ намъ, что настоящая жизнь наша не здѣсь, потому что все здѣшнее недостаточно для насъ: мы стремимся къ чему то еще лучшему; скоропреходящія блага сего міра слишкомъ ничтожны для безсмертной нашей души, которой ничто удовлетворить не можетъ, кромѣ того, что само по себѣ также безсмертно и неизмѣняемо, то есть, кромѣ сердечной любви нашей къ Богу и ближнему. Одна только любовь къ Богу и ближнему можетъ удовлетворить эту непрестанную жажду души и положить конецъ нашимъ желаніямъ. Въ этой святой любви исчезаетъ все, въ ней и прошедшее, и настоящее, и будущее сливаются въ одно, и мы, будучи еще здѣсь на землѣ, постигаемъ вѣчность. Душею нашею мы такъ возвышаемся тогда, что вся суета видимаго міра скрывается отъ умственныхъ или душевныхъ нашихъ очей; мы ищемъ тогда однихъ безсмертныхъ занятій и находимъ ихъ изобильно, помогая страждущему человѣчеству. Любовь къ ближнему, какъ свѣтлый лучъ, освѣщаетъ всѣ наши намѣренія, заботы, труды и направляетъ ихъ къ истинной цѣли. Какія неимовѣрныя силы раждаются тогда не только въ душѣ, но и въ слабомъ тѣлѣ нашемъ, — какое спокойствіе, какое усладительное чувство лелѣетъ тогда душу нашу! какъ вездѣ кажется хорошо, пріятно, утѣшительно, оттого, что мы находимся въ центрѣ нашихъ радостей. Мы соединяемся тогда съ Богомъ, и райскій свѣтъ озаряетъ для насъ всѣ предметы; ничто тогда не огорчаетъ насъ, ничто не заботитъ, ничто не досадуетъ; мы всѣхъ любимъ, всему вѣ-

римъ, все кажется намъ легко. Трудясь неимовѣрно, мы не чувствуемъ усталости; забывая себя, печемся непрестанно о пользѣ нашихъ ближнихъ. Мы тогда готовы жертвовать собою и не видимъ тутъ ничего ужаснаго!

Вотъ, друзья мои, то блаженное состояніе души, котораго достигнувъ еще здѣсь, подобные намъ человѣки совершили то, чему теперь мы удивляемся, разбирая строгую жизнь ихъ, и чьи нетлѣнные останки мирно покоятся предъ нами.

Но мы нынѣ такъ заговорились, что должны прекратить свою бесѣду и обозрѣніе дальнихъ пещеръ отложить до будущаго воскресенья.

ВЕЧЕРЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

Дальнія или Θеодосіевы пещеры.

Возвратимся, друзья мои, сказалъ дѣдушка, къ нашей прошлой бесѣдѣ и пройдемъ снова по тѣмъ крытымъ проходамъ, гдѣ мирно покоятся нетлѣнныя останки ревностнѣйшихъ подвижниковъ добродѣтелей евангельскихъ. Мы пройдемъ прямо въ тѣсное жилище праведныхъ, своею святою жизнію подающихъ намъ примѣръ добродѣтельной жизни. Тысячи зажженыхъ свѣчъ и лампадъ освѣтятъ предъ нашими слабыми взорами живую картину, на которой мы увидимъ страдальческія лица тѣхъ, которые видятъ теперь незаходимое солнце лицемъ къ лицу и молятся за насъ бѣдныхъ и слабыхъ тружениковъ.

Пройдя значительное пространство въ подземельи, мы увидимъ прежде всего св. и нетлѣнныя мощи преподобнаго Моисея чудотворца, Лаврентія затворника, Илларіона схимника, преподобнаго Пафнутія затворника и преподобнаго Θеодора князя Острожскаго, который подвизался и стоялъ крѣпкою стѣною за православіе, во времена гоненій, воздвигнутыхъ латинскою церковью на православную, и кончилъ подвигъ свой въ монашеской схимѣ. Ему воздвигнутъ монументъ въ Успенскомъ соборѣ.

Нѣсколько далѣе преподобнаго Θеодора почиваютъ Мар-

тирій діаконъ, схимникъ Илларіонъ и затворникъ Лаврентій. Тутъ заложенъ входъ въ древнія Варяжскія пещеры, потому что туда ходить уже опасно, да и не зачѣмъ; тамъ уже нѣтъ св. мощей, подземелья же эти, какъ говорятъ, проходятъ подъ самый Днѣпръ.

Затѣмъ слѣдуютъ — затворникъ Діонисій и Аѳонасій, преподобный Ѳеофилъ, епископъ Новгородскій, заточенный въ Чудовѣ монастырѣ, при покореніи Новгорода Іоанномъ III. По преданію извѣстно, что онъ, будучи очень больнымъ, видѣлъ во снѣ преподобнаго Нифонта, также епископа Новгородскаго, почивающаго въ ближнихъ пещерахъ. Нифонтъ напоминалъ Ѳеофилу о данномъ имъ обѣтѣ поклониться угодникамъ печерскимъ. Ѳеофилъ тотчасъ отправился въ Кіевъ; но когда уже приближался онъ по Днѣпру къ городу, болѣзнь его усилилась, и въ послѣднія минуты его жизни было ему откровеніе отъ Господа, что не достигнетъ онъ живымъ до пещеръ, но что тѣло его будетъ положено тамъ съ преподобными, — это точно и исполнилось, и теперь мы поклоняемся нетлѣннымъ мощамъ его.

Потомъ мы увидимъ преподобнаго Зинона постника, Григорія чудотворца, Ипатія цѣлебника, Лукіана священномученника, Іосифа многоболѣзненнаго, Павла послушливаго, Сисоя схимника, Нестора некнижнаго, который не зналъ даже и грамоты, а умѣлъ заслужить царство небесное. Здѣсь вы встрѣчаете входъ въ подземную церковь Благовѣщенія; она считается едва ли не древнѣйшею изъ всѣхъ церквей печерскихъ; вблизи ея почиваютъ: Памва затворникъ, Ѳеодоръ молчаливый и еще восемь затворниковъ: Софроній, Панкратій, Анатолій, Аммонъ, Мардарій, Піоръ, Мартирій и Руфъ. Въ самой же церкви мощи преподобнаго Веніамина и Ефросиньи игуменьи, дочери князя Полоцкаго, которая скончалась на пути странствованія своего

въ Іерусалимъ и была перенесена въ пещеры сопутствовавшими ей братьями.

Потомъ вы увидите убѣжище Кассіана затворника, Арсенія трудолюбиваго, преподобнаго Евфимія схимника, Тита воина, Ахилы діакона, Паисія, Меркурія постника.

За тѣмъ встрѣчаете церковь во имя св. Ѳеодосія, игумена печерскаго, устроенную уже въ XVII вѣкѣ. Въ ея предверьи почиваютъ Макарій діаконъ, часть мощей св. младенца, за Христа отъ Ирода убіеннаго; она перенесена была въ лавру 1620 года, іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ. Далѣе слѣдуютъ преподобный Пименъ постникъ, св. младенецъ Леонтій и другой отрокъ Геронтій, оба канонархи печерскіе, преподобный Захарій постникъ, Силданъ схимникъ, Агафонъ чудотворецъ, Игнатій архимандритъ печерскій. Тутъ находится церковь Рождества Христова и противъ ней гробъ преподобнаго Ѳеодосія, откуда св. его мощи были перенесены въ Успенскій соборъ, въ 1091 году. Углубленіе, въ которомъ онъ поставленъ, совершенно подобно тому, въ которомъ помѣщается гробъ св. Антонія. Надъ нимъ также изображенъ ликъ преподобнаго съ освѣщающимъ его паникадиломъ, иконы Божіей Матери и святыхъ Антонія и Ѳеодосія въ серебряныхъ ризахъ.

Церковь Рождества Христова также очень древняя, построена руками угодниковъ печерскихъ. У ея входа находится мѵроточивая глава, передъ которой всегда теплится свѣча въ небольшомъ углубленіи; люди, приходящіе съ вѣрою, получаютъ отъ ней исцѣленіе. Въ самой же церкви почиваютъ мощи преподобнаго Логгина вратаря печерскаго. Исправляя при жизни должность привратника, св. Логгинъ и по смерти покоится подлѣ выхода изъ пещеръ.

Вотъ мы обошли всѣ подземельные проходы и вы, конечно, замѣтили, друзья мои, что въ числѣ почивающихъ

тамъ святыхъ есть люди всякаго званія, — начиная отъ главнаго учредителя и настоятеля лавры, до послѣдняго привратника. Тамъ видѣли вы и знаменитыхъ князей, и простолюдиновъ, и архіереевъ, и простыхъ послушниковъ монастырскихъ, не исключая женщинъ, дѣтей и самыхъ младенцевъ, какъ бы въ доказательство того, что люди всякаго возраста и пола, званія и состоянія могутъ угодить Богу! Господь не спрашиваетъ: князь ли ты, или простой земледѣлецъ, старъ или молодъ, юноша, дѣвица или дитя—все равно; Его всещедрая любовь простирается на всѣхъ и ясно показываетъ всѣмъ, къ чему должны мы стремиться. Все равно, чѣмъ бы вы ни занимались, на какомъ бы мѣстѣ ни были поставлены, имѣйте въ душѣ вашей только одно святое чувство любви къ Богу и ближнему, и оно непремѣнно внушитъ вамъ уваженіе къ законамъ божескимъ и человѣческимъ и приведетъ васъ къ совершенному блаженству. Все истинное, доброе и прекрасное, всякій порядокъ домашній и общественный основывается только на вѣрѣ въ Іисуса Христа и на согласной съ вѣрою жизни. Зная все неизреченное милосердіе Божіе къ намъ, по которому Онъ благоволилъ сойти съ небесъ, взять на себя тлѣнную плоть нашу и пострадать въ ней, какъ праведная жертва искупленія нашего, — можемъ ли мы быть безчувственными къ такой чрезвычайной любви? будемъ ли мы равнодушны въ томъ храмѣ, гдѣ повторяется эта великая, святая жертва? останемся ли мы неблагодарными за такія невыразимыя благодѣянія, и не будемъ ли выражать благодарности къ Богу дѣятельною любовію къ нашимъ ближнимъ?

О, друзья мои, съ самыхъ дней младенчества, съ самой юности старайтесь согрѣвать душу вашу этой святой любовію; думайте чаще о тѣхъ благодѣніяхъ Божіихъ, которыя непрестанно изливаются на васъ, на ро-

дителей вашихъ и на всѣхъ, кого вы любите; вспоминайте чаще, что совершилъ Спаситель, умирая на крестѣ; какое смиреніе показалъ Онъ впродолженіе земной своей жизни, какую покорность воли Небеснаго Отца и какую любовь ко всѣмъ человѣкамъ, даже и ко врагамъ своимъ, за которыхъ молился! И въ то время, когда несчастная лѣнь, или нежеланіе молиться будутъ тяготить васъ въ церкви Божіей, или ослабнетъ ваше расположеніе помогать ближнимъ, вспомните это все, и вы увидите, что пагубное чувство нерадѣнія исчезнетъ, что истинная любовь и благодарность непремѣнно займутъ ея мѣсто въ душѣ вашей.

Окончимъ этимъ бесѣду нашу и постараемся возбуждать въ себѣ любовь и благодарность къ Богу, Создателю нашему.

ВЕЧЕРЪ ОСЬМНАДЦАТЫЙ.

Разговоръ съ дѣтьми.

Когда всѣ собрались къ дѣдушкѣ на вечеръ, одна изъ его слушательницъ Наденька вступила съ нимъ въ слѣдующій разговоръ.

— Я понимаю, милый дѣдушка, начала она, — что всѣ святые, о которыхъ вы разсказывали намъ прошлое воскресенье, точно заслужили великую благодать отъ Бога разными подвигами: одинъ тѣмъ, что постился; другой тѣмъ, что, оставивъ все, пошелъ въ монахи; третій тѣмъ, что изъ любви къ Богу заложилъ себя стѣнами, какъ живой покойникъ; четвертый тѣмъ, что много трудился и помогалъ нищимъ, — вообще всѣ они въ своей жизни совершили высокіе подвиги самоотверженія, которыми показали свою любовь и преданность къ Богу, за что удостоились святости, — это я понимаю; но дѣти, такія маленькія дѣти, какъ, напримѣръ, младенецъ Леонтій и другой отрокъ Геронтій — какъ они могли достигнуть этого?

— Тебя это удивляетъ, душа моя, а меня нисколько. Дѣтямъ, другъ мой, еще легче сдѣлаться угодными Богу, потому что они не свыклись съ мірскою суетою, житейскія заботы ихъ не отягощаютъ, непріятности и мелочи жизни имъ незнакомы; слѣдовательно, они гораздо сво-

боднѣе отъ земныхъ узъ, и потому имъ легче всѣ лучшія стремленія души своей посвятить на служеніе Богу. Самый трудный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый высокій ихъ подвигъ состоитъ въ послушаніи родителямъ, или старшимъ, съ кѣмъ опредѣлено жить имъ. Святые отроки, о которыхъ мы говорили, были кононархи печерскіе; обязанностію ихъ было подавать въ церкви кадило, носить свѣчу, смотрѣть за порядкомъ и чистотою. Слѣдовательно, назначенные старшими своими начальниками въ должность канонарховъ, они со всѣмъ усердіемъ исполняли свои обязанности; съ должнымъ вниманіемъ стояли въ церкви; прилежно слушали, что читаютъ и поютъ и сами усердно молились; а потомъ, когда оканчивалась служба, были добрыми дѣтьми, угождали старшимъ и по примѣру ихъ сами трудились для пользы ближняго сколько могли, то есть, видя какого нибудь дряхлаго, или больнаго монаха, а даже, можетъ быть, и простаго нищаго, который былъ одинокъ, они приносили имъ дрова, ходили за водою и усердно исполняли все, что имъ приказывали, — вотъ, друзья мои, чѣмъ заслужили они честь назваться святыми. Не правда ли, что это гораздо легче, нежели, управляя всѣмъ монастыремъ, исполнять въ то же время и низшія должности, или оставивъ знатность и богатство, сдѣлаться нищимъ изъ любви къ Богу? Вѣдь нелегко отказаться отъ свѣта солнечнаго, закопать себя въ землю, какъ покойника, или переносить терпѣливо всякаго рода гоненія, оскорбленія отъ другихъ людей, которые противятся и мѣшаютъ намъ въ дѣлѣ нашего спасенія, или неимовѣрными трудами, постомъ и слезами вымолить у Бога такую благодать, чтобы чудесно соорудилась святая обитель, чего удостоились преподобные Антоній и Ѳеодосій, или скитаться на чужой сторонѣ, жить въ горахъ, въ пустыняхъ, гдѣ не только нѣкому насъ приберечь и сказать намъ одно ласковое слово, — а гдѣ,

напротивъ, на каждомъ шагу окружаютъ насъ враги и недоброжелатели, которые всѣми средствами стараются притѣснять такого человѣка за то, что онъ живетъ добродѣтельно. Не правда ли, что такіе подвиги гораздо труднѣе лежавшихъ на этихъ святыхъ дѣтяхъ, которые, съ усердіемъ исполняя свою должность, конечно, были любимы всѣми ихъ окружающими, и притомъ старшіе ихъ начальники изъ любви къ нимъ, сами претерпѣвая жестокія гоненія отъ враговъ, конечно, берегли и охраняли этихъ невинныхъ дѣтей; слѣдовательно, имъ легче было достигнуть большихъ совершенствъ. Не такъ ли, душа моя?

— Точно такъ, милый дѣдушка; теперь я понимаю, что и дѣтямъ можно сдѣлаться святыми.

— Никому въ этомъ не отказано, другъ мой; только однимъ легче, а другимъ труднѣе; дѣтямъ стоитъ только безпрекословно повиноваться въ томъ, что имъ приказываютъ старшіе, а большимъ бываетъ нужно часто итти противъ своей воли и подчинять себя обстоятельствамъ самымъ неблагопріятнымъ, что гораздо труднѣе. Конечно, нерѣдко и васъ заставляютъ дѣлать то, чего вамъ не хочется, и вотъ тогда-то нужно тотчасъ подчинить собственную волю, и охотно повиноваться волѣ и желаніямъ другихъ, потому что такое только послушаніе угодно Богу.

— Однако, милый дѣдушка, возразила Варенька, — не всѣ могутъ дѣлать то, что эти святые отроки. Напримѣръ никому, сколько здѣсь ни есть насъ дѣтей, не позволятъ ни дрова носить, ни за водой ходить.

— Конечно, дружокъ мой, — но для твоего спасенія этого и не нужно. Прошу васъ всѣхъ, друзья мои, повторить намъ, чѣмъ именно святые отроки заслужили свое спасеніе?

— Послушаніемъ, милый дѣдушка, — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Точно послушаніемъ. Слѣдовательно, милая Варенька, если бы ты захотѣла носить дрова, противъ воли твоихъ родителей, то этимъ нисколько не угодила бы Богу, потому что Богъ не любитъ тѣхъ дѣтей, которые не повинуются родителямъ. Велика добродѣтель — послушаніе, друзья мои. И ни кому такъ нелегка она, какъ дѣтямъ, потому что вы еще чужды самолюбія и страсти еще не увлекаютъ васъ отъ вашихъ обязанностей и не омрачаютъ вашего молодаго ума. О, друзья мои! ваши счастливыя лѣта дѣлаютъ вашу жизнь самою пріятною и счастливою; чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ труднѣе, и для того старайтесь заранѣе пріучать себя къ безусловному повиновенію, кротости и точному исполненію того, чего потребуетъ отъ васъ Богъ на путяхъ жизни устами властей и начальствъ, предписаніями законовъ священныхъ и гражданскихъ.

— А если родители прикажутъ намъ остаться дома, не ѣздить къ обѣднѣ для того, чтобы твердить урокъ на фортепіано; развѣ это пріятно Богу?

— Неоспоримо, дружокъ мой, потому что ты этимъ высказываешь свое повиновеніе родителямъ. Родители твои, или старшіе знаютъ, когда нужно тебѣ ѣхать въ церковь, и когда остаться дома. Да если бы они и погрѣшали въ своихъ приказаніяхъ, не твое дѣло судить объ ихъ поступкахъ; они сами будутъ отвѣчать за нихъ предъ Богомъ. Ты только слушай и исполняй.

— Неужели, милый дѣдушка, учиться по-французски, по-нѣмецки, играть на фортепіано угодно Богу? Признаюсь, я этого не думалъ, — сказалъ Алеша.

— Опять повторяю, угодно потому, что Онъ любитъ послушаніе. Изъ того, чему заставляютъ васъ учиться, ничто не мѣшаетъ вамъ быть добрыми и угождать Богу, только все должно исполнять съ охотою и безъ ропота. Если, напримѣръ, пришелъ часъ занятія какой бы то ни

было наукой, или языкомъ, то надобно употребить всѣ силы, чтобы прилежно заняться этимъ, ибо такимъ образомъ вы угождаете своимъ родителямъ, а угождая имъ, дѣлаетесь пріятными и Богу, который видитъ внутреннія ваши чувства и увѣнчаетъ ваши усилія успѣхами.

— О! это совершенная правда, милый дѣдушка, сказалъ Сережа. Я это испыталъ самъ на себѣ, когда, бросивъ свою несносную лѣнь, принялся учиться, какъ мои братцы и сестрицы. Съ того времени ученье мнѣ сдѣлалось очень легко. Да и вотъ еще: помните, прошлаго года, когда дорогая наша маменька была такъ опасно больна, сталъ я проситься, чтобы вы взяли меня ко всенощной въ лавру въ праздникъ Успенья. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось тогда помолиться о выздоровленіи милой маменьки; поэтому я такъ неотступно просилъ васъ, а вы опасались, что я длинной всенощной не выстою. Наконецъ же вы взяли меня, и я такъ прилежно молился, такъ усердно вслушивался въ прекрасныя молитвы, которыя поютъ и читаютъ въ этотъ день, что нисколько не усталъ и не захотѣлъ спать. Только одинъ разъ посадили вы меня тогда на скамеечку; но и то казалось мнѣ ненужнымъ. Я скоро всталъ опять и, видя какъ вы сами молились со слезами, забылъ все, — и сонъ, и усталость, — а думалъ объ одной тяжко больной маменькѣ. Когда же стали читать въ акаѳистѣ *) Божіей Матери эти слова: «Надежда ненадежныхъ, пристанище страждущихъ, исцѣленіе болящихъ», я такъ и зарыдалъ и упалъ на землю, прося Владычицу исцѣлить мою добрую, милую маменьку. Помню, что эти слезы были негорьки; напротивъ, послѣ нихъ мнѣ стало какъ-то легко на душѣ; я молился, и такъ молился, что не чувствовалъ,

---

*) Въ Кіевѣ на всенощной въ праздникъ Успенья всегда читаютъ акаѳистъ Божіей Матери.

какъ отошла всенощная. Мы возвратились домой, и — представьте мою радость! маменькѣ стало гораздо легче; она позвала всѣхъ насъ къ себѣ, приласкала, чего уже давно не было, и съ этого дня начавъ оправляться, скоро сдѣлалась совершенно здоровою. Съ тѣхъ поръ я не лѣнюсь болѣе ходить къ обѣднѣ; мнѣ не только нескучно, а еще пріятно стоять въ церкви; да и при ученьи прежняя моя лѣнь совсѣмъ исчезла. Такъ-то хорошо съ усердіемъ помолиться Богу!

— Точно, другъ мой, Сережа, выздоровленіе маменьки твоей было чудесно. Доктора уже приговорили ее къ неминуемой смерти и послѣ нарочно пріѣзжали къ намъ въ домъ, чтобы увѣриться въ томъ, что она точно не только жива, но и совершенно здорова. — Богу все возможно! Онъ Самъ сказалъ: «просите и дастся вамъ.» Ты прибѣгнулъ къ Заступницѣ нашей съ истиннымъ чувствомъ дѣтской любви, и маменька твоя была исцѣлена: ты, помолившись Богу, твердо рѣшился быть добрымъ и послушнымъ ребенкомъ, и съ тѣхъ поръ твоя несносная лѣность исчезла; ты началъ исполнять великую добродѣтель послушанія, и нашелъ самъ большое утѣшеніе въ томъ, что теперь и ученье для тебя легко, и ты всегда веселъ, потому что не огорчаешь болѣе меня и мать свою. За то и Господь благословитъ тебя и поможетъ тебѣ всегда и во всемъ!

Но разговоръ и сегодня завлекъ насъ далеко такъ, что я не успѣю разсказать вамъ еще многаго. Оставимъ разсказъ до другаго разу. Впрочемъ и теперешняя наша бесѣда можетъ принесть вамъ пользу.

ВЕЧЕРЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

Николаевская церковь и Аскольдова могила.

Такъ какъ мы, друзья мои, путешествуемъ, сидя на одномъ мѣстѣ, и только одними глазами обозрѣваемъ предметы окружающіе насъ, то и не удивляйтесь, что мы прямо очутились въ св. лаврѣ, которую видимъ на крайней чертѣ города. Вообразимъ себѣ, что мы, уже побывавъ въ лаврѣ, теперь идемъ оттуда назадъ, и выходимъ изъ главныхъ Святыхъ воротъ. Тутъ вамъ прежде всего представляется арсеналъ огромное и прекрасное зданіе, въ которомъ хранятся разныя древнія оружія; а кругомъ его расположены пирамидами ядра, поставлены пушки и прочіе снаряды, что придаетъ ему грозный и величественный видъ. Далѣе вы проходите мимо дома, гдѣ живетъ комендантъ и вскорѣ выходите къ послѣднимъ воротамъ, сдѣланнымъ внутри широкаго землянаго вала. Вышедши изъ этихъ воротъ, вы переходите по мосту черезъ глубокій ровъ и тогда только вступаете на обширную площадь, вдали обстроенную домами, которыми начинается городъ. Миновавъ по тянущейся улицѣ нѣсколько городскихъ домовъ, вы дойдете, до такъ называемаго, Военнаго собора, св. Николая чудотворца. Въ 1690 году, гетманъ Мазепа на этомъ мѣстѣ построилъ большой Пустынный Николаев-

скій монастырь, который въ 1831 году обращенъ въ Военный соборъ. Близъ этого собора находится монастырь Малаго Николая, прозванный въ просторѣчіи Слупомъ или Столбовымъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ былъ основанъ еще великою княгинею Ольгою на Аскольдовой могилѣ и первоначально былъ женскимъ. Въ немъ-то, говорятъ, приняла монашеское званіе мать св. Ѳеодосія, когда благочестивый сынъ склонилъ ее къ удаленію отъ міра.

Въ 1113 году Мстиславъ Владиміровичъ, сынъ Мономаха, перестроилъ его и перенесъ церковь на теперешнее ея мѣсто. Но тогда она была деревянная, каменная же уже построена въ 1713 году, кіевскимъ намѣстникомъ княземъ Д. М. Голицынымъ, по древнему ея образцу, т. е. въ видѣ прямаго столпа до самаго купола; внутри она очень тѣсна. Въ ней три иконы чудотворца Николая: одна поставлена при входѣ съ правой стороны, греческаго письма; другая мѣстная, а третья надъ царскими вратами и также опускается для богомольцевъ.

Между этими двумя церквами, т. е. между Военнымъ соборомъ и Малымъ Николаемъ, идетъ крутой спускъ подъ гору до самаго Днѣпра. На половинѣ горы этого ущелья, находится урочище, называемое Красница и Аскольдова могила; названное такъ потому, что тутъ погребенъ былъ первый христіанскій князь Аскольдъ. Близъ его гроба до сихъ поръ стоитъ каменная церковь во имя святителя Николая, по имени этого князя, которое носилъ онъ, сдѣлавшись христіаниномъ. Это же мѣсто называется еще Игорскимъ, и тутъ-то остановился Олегъ, приплывшій къ Кіеву съ своими Варягами и привезшій съ собою младенца Игоря. Тутъ приманилъ онъ къ себѣ Аскольда и Дира, княжившихъ тогда въ Кіевѣ, назвавшись гостемъ или купцомъ, идущимъ отъ Олега въ землю греческую. Напавъ на нихъ

съ своими воинами, Олегъ убилъ ихъ обоихъ и самъ сѣлъ на престолъ кіевскій. Аскольда погребли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ убили, и теперь это мѣсто сдѣлалось кладбищемъ почетныхъ гражданъ Кіева; на немъ стоитъ вышеупомянутая церковь, въ глубокомъ оврагѣ, хотя отъ нея къ Днѣпру гора довольно еще высока. Это дикое ущелье угрюмо, но живописно; церковь окружена надгробными памятниками и построена совершенно въ древнемъ вкусѣ; по стѣнамъ внутри церкви прибито много мѣдныхъ досокъ, съ надписями погребенныхъ подъ сводами церкви покойниковъ. Отсюда, друзья мои, взойдемъ обратно на гору и, повернувъ на право, мимо Столповой Никольской церкви, пройдемъ къ Гостиному двору. Онъ довольно великъ, деревянный, съ крытою стеклянною галлереей; лавокъ въ немъ довольно, а товаровъ немного; развѣ иногда вдругъ привезутъ съ какой нибудь ближней ярмарки. Тутъ же недалеко построены магазины съ шелковыми товарами и лавки съ дамскими шляпками и другими уборами и вещами для рукодѣлья; но все это не въ значительномъ количествѣ.

Прошедши Гостинный дворъ, мы выйдемъ на площадь, которая была очень велика, но цѣлая половина ея вдругъ обвалилась и образовали глубокій оврагъ, гдѣ уже выросли большія деревья и построены домики съ разведеннымъ садомъ; обрывъ площади обнесенъ красивою рѣшеткой; другая же половина ея стоитъ крѣпко и гладко вымощена камнемъ. Противуположный конецъ площади замѣчателенъ тѣмъ, что за нимъ гора уже спускается внизъ, и оттуда безподобный видъ на Днѣпръ и отдаленныя окрестности.

Но полно сегодня, друзья мои, — я усталъ; прощайте, до будущей бесѣды.

ЦАРСКІЙ САДЪ, ИНСТИТУТЪ БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ И ПЕЧЕРСКЪ.

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЫЙ.

Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ.

— Сегодня оставимъ древность съ вѣковыми ея преданіями, сказалъ дѣдушка, — и, возвратившись къ настоящему, займемся недавно воздвигнутымъ зданіемъ на противулежащей намъ горѣ. Догадались ли вы, друзья мои, о чемъ я говорю?

— О! да, милый дѣдушка, — конечно, объ Институтѣ Благородныхъ Дѣвицъ?

— Точно такъ, мои милыя! хотите ли слышать о немъ что нибудь?

— Хотимъ, хотимъ, милый дѣдушка, — отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Хорошо, друзья мои, — я начну разсказъ мой объ Инстититутѣ со времени его основанія именно съ 1838 года. Основаніе его положено при благополучно царствовавшемъ тогда Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ согласно съ желаніемъ Августѣйшей Его Супруги Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Этотъ Институтъ учрежденъ для трехъ губерній: Кіевской, Волынской и Подольской. Родители, живущіе въ этихъ губерніяхъ, имѣютъ право помѣщать дочерей сво-

ихъ на казенный счетъ; приписанные же къ другимъ губерніямъ должны вносить положенную плату.

Въ первое время по пріѣздѣ П. М. Ниловой, основательницы и первой начальницы Института онъ былъ помѣщенъ въ домѣ фельдмаршала Сакена. Этотъ домъ для небольшаго еще числа воспитанницъ казался довольно обширнымъ. При немъ была устроена церковь въ бесѣдкѣ сада, принадлежавшаго къ дому Сакена, гдѣ воспитанницы, послѣ Божественной службы въ воскресенье и праздничные дни, могли свободно гулять и бѣгать. Я былъ коротко знакомъ съ П. М. Ниловою, и потому могъ видѣть, какъ это все начиналось и продолжалось. Сначала поляки не хотѣли отдавать своихъ дочерей въ этотъ Институтъ, потому что начальница его была русская. Послѣ, и притомъ скоро, эта истинно умная, добродѣтельная и почтенная женщина такъ умѣла поставить себя и заслужить общую довѣренность, что не только изъ трехъ назначенныхъ губерній; но и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи люди разныхъ племенъ, одушевились однимъ желаніемъ помѣщать своихъ дочерей въ новый Кіевскій Институтъ. Необыкновеннымъ умомъ и неусыпнымъ, истинно материнскимъ попеченіемъ она до такой степени сроднила этихъ дѣтей разныхъ націй и вѣроисповѣданій, что и русскія, и малороссіянки, и польки сдѣлались дѣтьми одной дружной семьи. Съ тѣхъ поръ, къ Генералъ-Губернатору такое множество поступало просьбъ о принятіи въ Институтъ, что для удовлетворенія всѣхъ ихъ надлежало принять число дѣвицъ, непомѣстимое въ домѣ Сакена. Поэтому въ 1839 былъ заложенъ, а въ 1843 году отстроенъ новый огромный домъ для Кіевскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ.

Вы видите, друзья мои, это зданіе; оно уже въ новѣйшемъ вкусѣ, легкой архитектуры, въ четыре этажа, съ

двумя церквами: греко-восточною и римско-католическою; золотой крестъ на верху, осѣняетъ обѣ церкви, устроенныя одна надъ другою. Наша православная вверху а католическая внизу. Умная начальница, развивая въ юныхъ умахъ приверженность къ Богу съ одинаковою заботливостію, внушала всѣмъ малюткамъ любовь и уваженіе къ тому вѣроисповѣданію, въ которомъ онѣ родились. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что она почти каждое воскресенье сперва ходила съ воспитанницами католичками въ ихъ церковь, гдѣ обѣдня начиналась ранѣе и по ихъ обыкновенію очень скоро оканчивалась, а потомъ поспѣвала къ обѣдни и въ нашу церковь, и тамъ, какъ мать съ дѣтьми, молилась съ живою вѣрою души горячей. Оттого, конечно, Богъ благословлялъ ея труды, и все въ Институтѣ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усовершенствовалось и вело къ отличнымъ успѣхамъ.

Къ тому же привѣтливостію своею и чрезвычайно ласковымъ пріемомъ П. М. Нилова умѣла склонить ученѣйшихъ профессоровъ здѣшняго Университета, къ преподаванію наукъ въ институтѣ, и она имѣла причины радоваться, смотря на необыкновенные успѣхи воспитанницъ, которыя, любя свою начальницу, старались одна передъ другой угодить ей своимъ прилежаніемъ.

Займемтесь теперь, друзья мои, наружною стороною зданія. Оно, какъ вы видите, выстроено на высокой горѣ, отдѣльно отъ всѣхъ городскихъ домовъ. Посмотрите, какъ красиво стоитъ оно на своемъ возвышенномъ подножіи, на этой выдавшейся горѣ, которая круто спускается со всѣхъ сторонъ, примыкаясь четвертою къ плоскости Печерской части. Какимъ густымъ зеленымъ дерномъ устланы крутые скаты горы; какъ величественно стоятъ у подошвы ея прелестные пирамидальные тополи, которые, идучи внизъ по горѣ, во многихъ мѣстахъ едва достигаютъ

верхушками своими до площадки, украшенной цвѣтами, гдѣ воздвигнуто великолѣпное зданіе. Эти огромной величины тополи, кажутся богатырями, поставленными могучей рукою на стражѣ того жилища, которое основала добродѣтель для подражанія.

Но вотъ освѣтилась угловая комната,—столовая: это значитъ, что воспитанницы пришли ужинать, а потомъ лягутъ спать. Не пора ли и намъ кончить нашу бесѣду?

— Ахъ! нѣтъ, милый дѣдушка! посмотрите, сколько еще огней во всѣхъ окнахъ Института. Милыя дѣвочки, конечно, еще не собираются спать, — сказала Вѣрочка.

— Въ самомъ дѣлѣ, прибавила Наденька, — вѣдь, сегодня воскресенье; такъ старшія дѣвицы играютъ на фортепіано, а маленькія танцуютъ.

— Да, да,—заговорили всѣ дѣти,—навѣрное воспитанницы не спятъ, еще нѣтъ и осьми часовъ.

— То есть, по большинству голосовъ, и намъ еще рано расходиться. Извольте, я согласенъ и на то; но чтобы воспользоваться хорошимъ примѣромъ институтокъ, которыя, говорите вы, теперь пляшутъ, пойдемте и мы въ залу и тамъ затѣемъ свои танцы.

— Какъ, милый дѣдушка, — и вы будете танцовать? спросила Любенька.

— Разумѣется, душа моя, — я, какъ старшій, открою балъ, и та, которая послушалась моего совѣта, перестала болтать и вмѣшиваться въ чужіе разговоры, будетъ моей дамою.

— Ахъ, счастливая Наташа! раздалось въ толпѣ дѣтей, — и дѣдушка, очень важно подавъ руку своей дамѣ, которая прыгала отъ радости, повелъ ее въ залу. Наденька тотчасъ сѣла за фортепіано; Николинька взялъ свою скрипку, — музыка раздалась, въ степенномъ танцѣ дѣдушка съ своей дамою въ первой парѣ, началъ балъ длин-

нымъ польскимъ по всѣмъ комнатамъ, двери которыхъ растворяли настежъ пустившіеся впередъ Миша и Любенька. Прочія дѣти попарно слѣдовали за первою парой, а музыканты старались, какъ можно лучше и громче играть, чтобы слышно было даже и въ нянюшкиной комнатѣ, которая также была включена въ число бальныхъ апартаментовъ.

По окончаніи польскаго, дѣдушка очень учтиво откланялся своей дамѣ, а потомъ, простившись со всѣми, ушелъ въ свою комнату. Тогда дѣти принялись прыгать и танцовать, кто какъ умѣлъ; потомъ стали играть въ жмурки, въ веревочку, въ фанты, и съ потухшимъ освѣщеніемъ въ Институтѣ, разъѣхались по домамъ.

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Царскій садъ.

Въ первыхъ бесѣдахъ своихъ, милыя друзья мои, сказалъ дѣдушка, — съ благоговѣніемъ говорили мы о древности кіевскихъ святынь; потомъ опускались даже и во внутренность подземелья, чтобы насладиться благодатнымъ чувствомъ при воззрѣніи на нетлѣнныя прославленныя останки тѣхъ людей, которые пожертвовали всѣмъ Богу и подъ землею основали себѣ небо.

Затѣмъ восхищались мы полезными учрежденіями, основанными для пользы нашего края, а теперь отъ великихъ подвиговъ человѣческихъ обратимся къ непостижимымъ красотамъ дѣлъ Божіихъ и насладимся зрѣлищемъ природы въ Царскомъ саду, который дѣйствительно заслуживаетъ это лестное названіе. Посмотрите, какъ прекрасна его природа. Расположенный амфитеатромъ со стороны города, онъ идетъ выше и выше до крутаго утеса, которымъ и оканчивается, спускаясь почти отвѣсно внизъ около 40 саженъ къ той необозримой долинѣ, по которой извивается широкій Днѣпръ. Замѣтьте, какъ свѣтъ и тѣнь съ каждымъ часомъ дня рисуютъ новыя картины на безподобномъ ландшафтѣ великолѣпнаго Царскаго сада, съ его пышной зеленью южнаго климата, съ его цвѣтущими кустарниками,

отдѣльными группами развѣсистыхъ грецкихъ орѣховъ и кудрявыхъ липъ, или съ темною зеленью величавыхъ тополей, стоящихъ прямо, какъ огромныя свѣчи предъ трономъ Всевышняго! Внизу же ихъ, мягкій, бархатный лугъ, расцвѣченный богатыми куртинами красивыхъ луковицъ, посаженныхъ щедрою рукою и взлѣлѣянныхъ благословеннымъ климатомъ, почти безъ помощи человѣческой. Полюбуйтесь свѣтомъ и тѣнью на высокихъ холмахъ и глубокихъ ущельяхъ, гдѣ на тоненькихъ тычинкахъ спѣетъ сочный виноградъ, шелковица, вишни и проч. Смотрите, какъ вьются вверхъ и внизъ по горамъ широкія и узенькія дорожки, усыпанныя пескомъ между пышной зеленью.

Вотъ ближе къ городу, прямой утесъ, покрытый дерномъ, а наверху его широкая дорога, по которой ѣздятъ верхомъ и катаются въ открытыхъ колясках и кабріолетахъ милыя Кіевлянки со свитою молодыхъ Кіевлянъ на отличныхъ лошадяхъ. А въ другомъ мѣстѣ призываютъ васъ подъ тѣнь скамейки, гдѣ царствуетъ прохлада и отдыхъ отъ утомительнаго зноя полуденнаго солнца. Туда достигаетъ къ вамъ на крыльяхъ лѣтняго вѣтерка сильное, но пріятное благоуханіе бѣлой акаціи и доходятъ до слуха вашего громкія, неподражаемыя трели соловьевъ, которыхъ водится много въ этомъ саду и хоръ ихъ весною почти не умолкаетъ. Взгляните со вниманіемъ на самый верхъ этого чуднаго амфитеатра, который, оканчиваясь утесомъ на другой сторонѣ, представитъ вамъ зрѣлище необыкновенное. Въ просвѣтѣ между деревьевъ, не видно ни земли, ни дали, ничего, кромѣ неба; издали кажется, что облака ходятъ близехонько за деревьями. О, какъ очарователенъ этотъ садъ своей природной красотою!

Нѣсколько пониже утеса сдѣлана широкая аллея, осѣненная разными деревьями, усыпанная пескомъ и уставленная множествомъ лавочекъ и дивановъ. Это главное гу-

лянье кіевскихъ жителей. По воскресеньямъ и праздникамъ здѣсь гремитъ полковая музыка; малороссіянки, русскія и польки въ лучшихъ своихъ нарядахъ, одѣтыя со вкусомъ послѣдней моды, прогуливаются тихо и спокойно по одной и той же аллеѣ, въ сопровожденіи кавалеровъ также изъ разныхъ провинцій обширной Россіи. Нужно признаться, что выбрано самое лучшее мѣсто для гулянія кіевской публики. Когда вы взойдете выше, на самое ребро утеса, вамъ представится необыкновенное зрѣлище. Если станете лицемъ прямо на сѣверъ, то съ правой руки и съ лѣвой увидите вы вдругъ двѣ совершенно разнообразныя картины. Слѣва къ западу весь городъ, расположенный по горамъ и долинамъ, съ прелестными домиками, осѣненными тополями и другаго рода зеленью, окруженные цвѣтниками, — это представитъ вамъ множество отдѣльныхъ картинъ: то внизу горы стоитъ чистенькій, свѣтленькій домикъ и призываетъ васъ къ уединенію; то на краю возвышеннаго утеса красуется другой, подъ самыми яркими лучами солнца и зоветъ васъ любоваться красотою отдаленнаго горизонта: одно жилище смиренно прячется внизу нависшаго утеса, другое кажется виситъ высоко на воздухѣ; а между тѣмъ, отдѣльные обрывы горъ, покрыты желтымъ пескомъ и бѣлою, какъ снѣгъ, кіевскою глиною съ вьющимся по ней зеленымъ плющемъ; верхъ же площадки, почти всегда увѣнчанъ короною разноцвѣтныхъ махровыхъ георгинъ, которые разведены тамъ во множествѣ, или кустами пышныхъ розъ. И тутъ же бѣгущій изъ ущелья въ небо тополь осѣняетъ ихъ своею тѣнью, или . эстираетъ надъ ними развѣсистыя, длинныя свои вѣтви, огромное дерево грецкихъ орѣговъ. Къ тому же и по срединѣ города мѣстами растутъ вишни, или высокія яблони и груши, и все это весною покрыто, какъ снѣгомъ, бѣлорозовыми цвѣтами. При всемъ томъ однакожъ вы видите

предъ собою городъ съ его прямыми улицами, тротуарами, фонарями, каменными строеніями и всѣми принадлежностями прекраснаго европейскаго города. Разнообразно возвышаются и понижаются улицы и дома по горамъ и долинамъ. Но надъ всѣмъ этимъ, какъ бы изображеніе охраняющей дѣсницы Вышняго, въ грозномъ и привлекательномъ величіи сіяютъ златыя главы и кресты древнихъ св. обителей и отдѣльно стоящихъ храмовъ Господнихъ, это — единственная возвышающая душу картина.

Посмотримъ другую картину направо, — тутъ уже совсѣмъ иное! Вверху одинъ блистательный, небесный сводъ съ его необъятнымъ горизонтомъ, а внизу, глубоко внизу, подъ ногами вашими, чудное, живое зеркало, его отражающее — это вѣчно текущій Днѣпръ. Глубокія, прозрачныя воды его рисуютъ вамъ небо, какъ бы напоминая, что на землѣ мы должны стремиться къ небесному. А эта, чуть видимая даль, это неясное начертаніе изгибовъ рѣки, которая съ той высоты, гдѣ вы стоите, кажется вамъ небольшею, напоминаетъ таинственное, но необходимо требуемое нами существованіе на небѣ. Можно сказать, что лѣвая или западная сторона съ этого утеса, представляетъ вамъ картину здѣшней жизни, съ ея красотами и суетою, а правая — восточная, напоминаетъ о будущемъ святомъ и нетлѣнномъ мірѣ! Такъ по крайней мѣрѣ думалъ я всякій разъ, когда бывалъ на этомъ возвышенномъ утесѣ Царскаго сада, или сидѣлъ въ бесѣдкѣ, сдѣланной на концѣ его, откуда бѣжитъ множество тропинокъ внизъ глубокой долины, какъ бы призывая къ тому знаменитому мѣсту, откуда для Россіи открылся путь на небо! Вы конечно понимаете, друзья мои, о чемъ я говорю?

— О! понимаемъ, милый дѣдушка, — это Крещатикъ!

— Точно, мои милыя, — и вотъ безконечное начало нашей жизни. Для христіанина нѣтъ смерти. Младенецъ

въ водахъ купели получаетъ уже вѣчность и, раждаясь въ новую благодатную жизнь, становится безсмертнымъ.

Здѣсь, друзья мои, на этомъ мѣстѣ начало благословенной Россіи; здѣсь и начало нашего блаженства. Вотъ почему отсюда началъ я разсказъ мой о Кіевѣ; здѣсь же мы и окончимъ его. Дай Богъ, чтобы твердо остался онъ въ вашей памяти и со временемъ принесъ хорошіе плоды добродѣтели, къ чему да благословитъ Господь всѣхъ насъ!

Прощайте, друзья мои,—для нынѣшняго вечера довольно; увидимъ что скажетъ намъ будущее воскресенье. Но только прошу васъ собраться гораздо ранѣе, потому что въ головѣ моей набралось много новыхъ матеріаловъ для разсказа. Всего лучше—попросите вашихъ родителей, чтобы привезли васъ ко мнѣ прямо отъ обѣдни, и милости прошу у меня откушать.

Этимъ приглашеніемъ дѣдушка кончилъ разсказъ свой, и скоро всѣ разъѣхались по домамъ.

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРЫЙ.

Кіево-Подолъ.

Заохоченные и заинтересованные предыдущими разсказами, дѣти съ нетерпѣніемъ ожидали будущей бесѣды, въ которую дѣдушка обѣщалъ передать имъ любопытныя свѣдѣнія о Кіево-Подолѣ.

Наконецъ, эта бесѣда наступила и принесла столько же пользы, какъ и предъидущія; потому что, къ чести малолѣтняго общества дѣдушки, надобно сказать, что оно съ любовію собиралось къ нему и съ всевозможнымъ вниманіемъ выслушивало его разсказы.

Между тѣмъ, нельзя не замѣтить, что втеченіи пяти мѣсяцевъ — съ мая до октября, всѣ собесѣдники дѣдушки вообще вели себя какъ нельзя лучше: были прилежны, скромны и послушны, не капризничали и не сердились. При такомъ усердномъ стараніи, конечно, познанія ихъ болѣе и болѣе расширялись, а вмѣстѣ съ тѣмъ и труды дѣдушки достигали своей цѣли.

Должно, однакожь, сказать, что сначала дѣло не обходилось безъ нѣкоторыхъ трудностей. Съ перваго разу, многимъ изъ слушателей дѣдушки нелегко было привыкнуть къ такого рода бесѣдамъ; но, мало-по-малу, искреннее желаніе и добрая воля превозмогли эти трудности: охота,

прилежаніе и любовь къ занятіямъ очень скоро привились ко всѣмъ имъ и обратились въ рѣшительную, похвальную привычку. Само собою разумѣется, такія усилія и труды ихъ не оставались безъ награды: родители дарили ихъ разными подарками, всегда ихъ ласкали и всегда были ими довольны; притомъ всѣ знакомые, даже нянюшки и прочіе слуги высказывали имъ свою любовь и уваженіе. Такимъ образомъ, каждый изъ нихъ не оставался безъ награды и радовался, что и родители, и знакомые, и даже слуги довольны его ученіемъ и прилежаніемъ. А видѣть и чувствовать, что всѣ тебя любятъ, всѣ тебя ласкаютъ и называютъ добрымъ, милымъ и умнымъ дитятей, — о, это невыразимо пріятно!

Это все испытали на себѣ наши милыя дѣти.

Итакъ, всѣ маленькіе пріятели дѣдушки ранехонько собрались къ нему въ домъ тотчасъ послѣ обѣдни и прямо изъ церкви; ибо, кто полѣнился бы идти къ обѣдни, того дѣдушка не допустилъ бы въ свое общество. Впрочемъ, бывать на обѣдни наши дѣти привыкли такъ, что имъ самимъ уже было очень прискорбно, если кто нибудь изъ нихъ не могъ идти въ церковь въ воскресный, или праздничный день.

Нетерпѣливо ожидаемый день наступилъ. Не смотря на осень, время было прекрасное. Небольшой дѣдушкинъ домикъ наполнился гостями. Когда всѣ собрались, дѣдушка приказалъ подавать кушанье; обѣдъ не долго продолжался; молодые гости проворно и съ знаніемъ дѣла исполняли свои обязанности за столомъ, что повело къ скорому окончанію обѣда. Послѣ обѣда дѣдушка объявилъ, что для милыхъ гостей своихъ онъ жертвуетъ своимъ отдыхомъ и тотчасъ отправляется съ ними пѣшкомъ на высокую площадь, на паперть Андреевской церкви, для того, чтобы съ ней разсмотрѣть третью часть Кіева, называемую *Подоломъ*,

и что на этой террасѣ будетъ происходить обыкновенная ихъ бесѣда.

Услышавъ это, все общество въ сопровожденіи дѣдушки немедленно отправилось. Скоро достигло оно высокой лѣстницы, ведущей на Андреевскую паперть, и съ тріумфомъ повело дѣдушку по лѣстницѣ. Взошедши на террасу, дѣдушка сѣлъ подлѣ самой рѣшетки, окружающей утесистую скалу, а дѣти стали по обѣимъ его сторонамъ вдоль рѣшетки. Такимъ образомъ всѣ они могли видѣть лежащій внизу глубокой долины, красивый, правильно расположенный Подолъ. Дѣдушка началъ разсказъ:

Вотъ, друзья мои, третья часть Кіева. Вы помните, что одна его часть называется *Печерскою*, другая—*Старымъ Кіевомъ*, а эта третья—*Кіево-Подоломъ*, по низменному своему положенію, находясь у подошвы трехъ горъ: Киселевской, Щековицкой и Старо-Кіевской.

Окруженный съ трехъ сторонъ высокими горами и будучи расположенъ на низменной долинѣ, Подолъ сравнительно съ верхнимъ Кіевомъ имѣетъ значительную разницу; въ немъ и весна начинается ранѣе и лѣтніе жары бываютъ сильнѣе. Отъ этого тамъ цвѣты разводятся еще успѣшнѣе и плоды раньше созрѣваютъ. На Подолѣ въ нѣкоторыхъ садахъ вы увидите такое множество самыхъ лучшихъ столиственныхъ розъ, что цѣлые семейства содержатся получаемымъ съ нихъ доходомъ; а вы знаете, что самые пышные букеты этихъ цвѣтовъ торговки продаютъ по пяти копѣекъ мѣдью; слѣдовательно, при такой дешевизнѣ, какъ велико должно быть изобиліе розъ, чтобы жить доходомъ съ нихъ. Снимаютъ эти сады откупщики за большую цѣну и продаютъ цвѣты занимающимся приготовленіемъ розовой воды, сухихъ конфектовъ и шербету.

Кіево-Подолъ, друзья мои, началъ заселяться уже по-

слѣ княгини Ольги и не прежде, какъ во времена Ярослава I, сдѣлался многолюднымъ. При Святославѣ II, главный торгъ происходилъ на Подолѣ. Близкому положенію Днѣпра эта часть Кіева обязана весьма скорымъ и густымъ народонаселеніемъ, которое нашло эту рѣку удобною для сбыта и подвоза припасовъ.

Впродолженіи многихъ вѣковъ Подолъ былъ однакожъ до семи разъ раззоряемъ Татарами и другими непріятелями Россіи, но опять скоро возобновлялся. Наконецъ ужасный пожаръ, случившійся уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, именно, въ 1811 году, почти совершенно истребилъ его. Послѣ этого несчастія онъ устроенъ по новѣйшему плану, съ правильными прямыми улицами.

Утесистая гора, находящаяся по лѣвую руку, когда поднимаешься къ старому Кіеву, называлась *Уздыхальницею,* вѣроятно оттого, что весьма трудно всходить на нее. Въ самомъ дѣлѣ, не разъ вздохнешь, пока взойдешь на нее.

Почти въ самой срединѣ Подола находится Братскій Богоявленскій монастырь, названный такъ потому, что, при находящейся тамъ церкви Богоявленія Господня, патріархъ Іеремія, возвращаясь изъ Москвы, проѣздомъ черезъ Кіевъ, въ 1589 году, учредилъ братство и при немъ духовное училище или такъ называемую тогда — школу. Помѣщеніе ея впослѣдствіи сгорѣло; но одна благочестивая вдова маршалка Мозырскаго, Анна Гугулевичь, имѣвшая свой домъ близъ названной церкви, въ 1615 году отдала свой дворъ и все строеніе подъ это училище, устроивъ тутъ же и гостинницу для странниковъ.

Въ 1620 году, патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ, тоже во время проѣзда своего чрезъ Кіевъ, утвердилъ быть этому братству въ вѣчные роды и даровалъ ему Ставропигію; а извѣстный митрополитъ Петръ Могила возвысилъ это

училище на степень Духовной Коллегіи и учредилъ при немъ Богоявленскій монастырь. Но потомъ войны съ Поляками и крамолы самихъ гетмановъ привели братство въ крайнюю бѣдность, и уже въ XVIII вѣкѣ Государи Московскіе взяли его подъ свое покровительство, возобновили монастырь, а училищу дали высокій титулъ Духовной Академіи, въ полной мѣрѣ оправданный потомъ вышедшими оттуда многими знаменитыми и полезными сынами церкви и земли русской, въ числѣ которыхъ были святые: Дмитрій Ростовскій и Иннокентій епископъ иркутскій,—также извѣстные своею ученостію: Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій и другіе.

Въ Братскомъ монастырѣ три церкви: первая—соборная, во имя Богоявленія Господня, сооруженная гетманомъ Мазепою, въ 1693 году. Въ ней хранится чудотворная икона Божіей Матери, принесенная волнами за 10 верстъ, изъ раззореннаго Татарами Вышгорода къ берегу Кіево-Подола, и бывъ найдена монахами Братскаго монастыря, съ честію поставлена ими въ церкви Богоявленія. Съ тѣхъ поръ, въ этой церкви каждую субботу отправляется акаѳистъ Божіей Матери, передъ святою Ея иконою. Надъ царскими вратами того же храма вставленъ въ золотомъ сіяніи животворящій крестъ — даръ патріарха іерусалимскаго Ѳеофана, оставленный имъ братству на память въ 1620 году. Его спускаютъ для богомольцевъ точно также, какъ образъ Успенія Божіей Матери въ лаврѣ.

Вторая, теплая церковь—Сошествія Св. Духа, съ придѣломъ св. Михаила, митрополита Кіевскаго, посвященная прежде памяти благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. На этомъ мѣстѣ была прежняя Зачатіевская церковь называвшаяся *Конгрегаціонною* или сборною для студентовъ Академіи, раздѣленныхъ на два братства, большее и мень-

шее. Третья церковь, нынѣшняя Конгрегаціонная, во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, находится въ огромныхъ академическихъ зданіяхъ, изъ которыхъ въ одномъ хранится обширная библіотека, собираемая втеченіи полутораста лѣтъ.

Кіево-греческій Екатерининскій монастырь 2 класса, мужескій, основанъ въ 1738 году стараніемъ жившихъ въ городѣ Грековъ. Каменная же его церковь построена въ 1742 году. Въ ней хранится древней списокъ съ образа Тихвинской Божіей Матери, похищенный Шведами изъ предѣловъ Новгородскихъ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, и находившійся съ тѣхъ поръ въ Кавиганской лютеранской церкви въ Финляндіи. Но въ 1740 году, Сербскаго гусарскаго полка полковникъ Вихтовичь, въ бытность войскъ нашихъ въ Финляндіи, взялъ этотъ образъ изъ лютеранской церкви и отдалъ его въ церковь Екатеринскаго греческаго монастыря, гдѣ онъ и теперь находится. Этотъ монастырь и до нынѣ состоитъ въ вѣденіи Синайской горы; но за́ неимѣніемъ братій изъ Грековъ, богослуженіе отправляется на славянскомъ языкѣ.

Бывшій Петро-Павловскій мужескій монастырь, въ зданіи котораго помѣщена теперь духовная семинарія, имѣетъ огромную церковь, съ узкими готическими окнами. Она построена еще въ 1252 году католическими монахами доминиканскаго ордена; но при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ обращена вмѣстѣ съ обителью въ православный монастырь, существовавшій до 1786 года.

Кіево-Фроловскій Вознесенскій дѣвичій монастырь перенесенъ изъ Печерской крѣпости, по указу Петра Великаго въ 1712 году, и устроенъ на теперешнемъ своемъ мѣстѣ у подошвы горы Киселевки, по скату которой разведенъ фруктовой садъ. Въ этомъ монастырѣ три церкви: главная

соборная во имя Вознесенія Господня съ четырьмя престолами, построенная въ 1732 году, при митрополитѣ Рафаилѣ; другая каменная, теплая, во имя св. мучениковъ Флора и Лавра съ придѣломъ Явленія Чудотворной Иконы Тихвинской Божіей Матери, и третья — во имя Воскресенія Христова, также каменная, построена уже въ 1824 году, на мѣстѣ прежней деревянной, сгорѣвшей въ 1811 году.

Бывшій Кириловскій мужескій монастырь находится на самомъ концѣ Подола къ сѣверу, близь предмѣстія Куреневки. Основаніе этого монастыря относятъ къ 1160 году и приписываютъ Маріи, дочери великаго князя Всеволода, бывшей въ супружествѣ за королемъ польскимъ Казимиромъ. Въ немъ каменная церковь старинной архитектуры, во имя Св. Троицы. Замѣчательно, что въ этомъ монастырѣ, называвшемся Троицко-Кириловскимъ, былъ постриженъ въ монахи великій святитель Дмитрій Ростовскій, и здѣсь же погребены его родители въ томъ придѣлѣ церкви, гдѣ хранится образъ Богоматери, присланный св. Димитріемъ уже изъ Ростова. Названіе Кирилловскаго получилъ онъ отъ одного ревнителя церкви, по имени Кирилла, который возобновилъ его. Но въ исходѣ минувшаго столѣтія монастырь упраздненъ, и теперь помѣщены въ немъ богоугодныя заведенія: городская больница, домъ инвалидовъ и домъ умалишенныхъ. Положенія его довольно живописно; онъ стоитъ на крутомъ обрывѣ горы, окруженной тополевою рощею.

Потомъ, бывшій Іорданскій женскій монастырь, находящійся на сѣверо-западѣ отъ Подола, упраздненъ въ 1786 году и на томъ мѣстѣ существуетъ теперь только деревянная церковь, во имя великомученика Димитрія. На близь лежащей горѣ находятся какія-то развалины, древняго зда-

нія. Названіе же Іорданскаго монастырь этотъ получилъ отъ найденнаго тамъ серебрянаго ковша; о чемъ я разсказывалъ вамъ прежде.

Однако, какъ рано мы ни старались начать бесѣду нашу; но день пролетѣлъ незамѣтно и наступающая темнота заставляетъ насъ оставить разсказъ до слѣдующаго дня.

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

Приходскія церкви на Подолѣ и Контрактовая зала.

Въ слѣдующее воскресенье дѣдушка съ своими собесѣдниками отправился снова на Андреевскую гору, чтобы кончить обозрѣніе Кіево-Подола.

— Въ прошлую бесѣду, друзья мои, сказалъ дѣдушка,— говорили мы о монастыряхъ, упраздненныхъ и существующихъ, а сегодня займемся приходскими церквами на Подолѣ.

Видите ли, вотъ тамъ церковь Рождества Христова, близъ Крещатицкаго взвоза? Она построена уже въ 1810 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была древняя, еще отъ временъ Владиміра. Изъ ней изстари совершается крестный ходъ на Крещатицкій колодезь, въ день св. равноапостольнаго князя Владиміра, 16 іюля. Въ этой церкви хранится старинная плащаница XVI вѣка.

Вотъ еще церковь Покрова Пресвятой Богородицы, каменная, воздвигнута въ 1772 году.

А вотъ это храмъ во имя святителя Николая, именуемаго Добрымъ. Онъ построенъ въ 1796 году.

Далѣе церковь Пресвятой Богородицы, соборная. Это самая древняя изъ всѣхъ церквей на Подолѣ, что доказывается особенною греческою кладкою стѣнъ ея, изъ плос-

каго квадратнаго кирпича, связаннаго слоемъ извести, съ толченымъ кирпичемъ.

Еще далѣе виднѣется церковь во имя Рождества св. Іоанна Предтечи; она каменная и построена въ 1691 году. Къ ней пристроена въ 1802 году другая каменная же церковь, во имя Бориса и Глѣба.

Потомъ нѣсколько правѣе—церковь св. пророка Иліи, на берегу Днѣпра, перестроенная въ 1692 году.

Недалеко оттуда церковь святителя Николая, называемая набережная, потому что стоитъ близъ Днѣпра; она построена въ 1779 году.

А вотъ эта деревянная церковь Воскресенія Господня,—о ней упоминается въ XVI вѣкѣ; но каменная выстроена уже въ XVII столѣтіи.

Вотъ еще церковь святителя Николая, называемаго *Притискъ*. По преданію, это странное наименованіе произошло оттого, что воръ, ограбившій церковь, былъ притиснутъ аркою обвалившагося окна въ то время, когда хотѣлъ вылѣзть изъ него съ украденными вещами. Теперешняя каменная церковь построена въ 1631 году на мѣстѣ прежней деревянной, перенесенной на старый Кіевъ и переименованной въ Златоустовскую. Въ этомъ приходѣ, противъ церкви, находился домъ кіевскаго сотника Саввы Туптала, родителя св. Димитрія Ростовскаго.

Гораздо далѣе виднѣется церковь Воздвиженія Честнаго Креста, на кожевникахъ, каменная. Въ нижнемъ ея этажѣ устроена небольшая другая церковь, во имя архангела Михаила.

А вотъ эта церковь св. царей Константина и Елены, каменная, построена въ половинѣ прошедшаго вѣка.

Наконецъ вы видите церковь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы; она построена въ 1718 году вмѣсто

деревянной св. Власія, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, была воздвигнута на мѣстѣ идольскаго капища Велесова.

Сѣверная сторона Подола ограждена высокой горою Щековицею, названную по имени Щека, брата Кіева; а съ 912 года она сдѣлалась извѣстною подъ именемъ Олеговой могилы, потому что на ней погребенъ Олегъ, бывшій правитель Россіи по смерти Рюрика. На ней и въ настоящее время находится кладбище для жителей Подола, съ церковью Всѣхъ Святыхъ: прекрасное наименованіе для кладбищенской церкви, посвященной ангеламъ всѣхъ тутъ почившихъ людей.

Съ той же сѣверной стороны примыкаютъ къ Подолу два предмѣстія Куреневка и Пріорка; въ первомъ въ 1759 году построена деревянная церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла; а въ послѣднемъ также деревянная во имя Покрова Богородицы. Недалеко отъ этихъ предмѣстій, на луговой сторонѣ Днѣпра, называемой Оболонью, протекаетъ оставшееся устье извѣстной рѣки Почайны. На Подолѣ замѣчателенъ также каменный гостиный дворъ посрединѣ площади, съ большимъ фонтаномъ. Невдалекѣ же находится другое огромное зданіе, — это, такъ называемый, контрактовый домъ, въ которомъ въ январѣ мѣсяцѣ заключаются разныя сдѣлки, подписываются контракты и прочія условія, какъ на биржѣ; а между тѣмъ, тутъ же производится продажа товаровъ. Внутри этого зданія, устроена огромной величины зала на столбахъ, въ два свѣта, и въ ней около стѣнъ придѣланы лавки, наполненныя различнаго рода товарами; также совершенно отдѣльные магазины привозимыхъ вещей петербургскими, московскими, варшавскими и даже восточными купцами, такъ что, кромѣ лавокъ, всѣ огромные столбы, поддерживающіе сводъ залы, бываютъ сплошь завѣшены коврами, парчами, матеріями, платками, даже очень дорогими шалями; другіе

же уставлены сверху до низу картинами, посудою, вазами и прочими дорогими вещами изъ цѣльнаго и накладнаго серебра, хрусталя, фарфора и проч. Такія же лавки и магазины устраиваются и на обширныхъ хорахъ, тянущихся вокругъ всей залы. Тамъ есть особенныя комнаты, въ которыхъ вы найдете всякаго рода галантерейныя вещи, бриліанты лучшей отдѣлки и всевозможныхъ родовъ дамскіе уборы. Есть также комнаты, заставленныя машинами для разныхъ издѣлій и физическихъ препаратовъ, какъ напр.: электрическія, пневматическія машины, телескопы, микроскопы и проч. Потомъ зеркала, мебель, разное оружіе,—однимъ словомъ, все найдете вы на контрактахъ, а что не помѣстилось внутри зданія, то выставляется вокругъ дома, гдѣ также устраиваются лавки и магазины. Средина контрактовой залы наполнена дѣловыми людьми, которые ходятъ, разговариваютъ другъ съ другомъ и заключаютъ сдѣлки на милліоны рублей; по вечерамъ въ этой же залѣ даются концерты.

Кто изъ васъ бывалъ на контрактахъ, тотъ, конечно, замѣтилъ, какія тутъ встрѣчаются разнохарактерныя лица и разноплеменныя народности: Греки, Армяне, Татары, Персіяне, Русскіе, Малороссіяне, Поляки, Евреи,—всѣ они во время контрактовъ щеголяютъ національной своей одеждою,—и здѣсь вы увидите богатѣйшіе костюмы не только европейскихъ, но и восточныхъ народовъ: притомъ же сколько услышишь тутъ разныхъ нарѣчій, разныхъ языковъ, — все это ходитъ, говоритъ, покупаетъ, продаетъ.

Контракты въ Кіевѣ заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и интереснаго для наблюдательнаго глаза; незамѣтно пролетитъ нѣсколько часовъ, а между тѣмъ какая масса разнообразныхъ впечатлѣній останется въ душѣ, сколько новыхъ мыслей и понятій родится въ человѣкѣ при взглядѣ на невиданные предметы, на новыя для насъ

явленія какъ въ области наукъ, такъ и въ обыденной жизни человѣческой.

Но вотъ мы уже разсмотрѣли главныя достопримѣчательности Подола; пора возвратиться домой, сказалъ дѣдушка, и въ то же время пригласилъ всѣхъ на будущее воскресенье только еще раньше, потому что онъ вмѣстѣ съ ними поѣдетъ къ обѣдни, а послѣ обѣдни весь день посвятитъ разсказамъ и гулянью.

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выдубицкій монастырь, Китаевская и Голосѣевская пустынь.

Наступило желанное воскресенье; всѣ дѣдушкины гости собрались такъ рано, что старичокъ нашъ едва успѣлъ кончить свои утреннія молитвы, а онъ вставалъ рано и молился долго.

— Здравствуйте, милые друзья мои, сказалъ дѣдушка, входя въ залу, гдѣ ожидало его все общество. Очень радъ, что вы такъ исправны; берите свои шляпки и поскорѣй отправимся для обозрѣнія достопримѣчательностей нашего города.

Дѣдушка повелъ своихъ гостей на обширный дворъ, гдѣ уже ожидали ихъ двѣ длинныя линейки, запряженныя четверками хорошихъ лошадей. Всѣ ясно понимали, что поѣдутъ, а куда — никто не зналъ, и любопытные взоры обратились на дѣдушку, для котораго подали небольшой, прекрасно сдѣланный кабріолетъ, въ одну лошадь, но безъ кучера, — старичекъ нашъ самъ долженъ былъ править.

— Вотъ мой экипажъ, сказалъ дѣдушка, — но какъ одному мнѣ ѣхать скучно, то я долженъ пригласить съ собою одну даму.

— Ахъ, кто же эта дама? раздалось въ толпѣ.

— Вѣрно маменька, сказала Вѣрочка.

— Да, конечно, тетенька, Надежда Александровна, — повторила Варенька.

— Нѣтъ, милые друзья, — Надежда моя не хочетъ ѣхать съ нами; она уже была на ранней обѣдни; а моя дама будетъ одна изъ васъ, — именно та, которая, всегда отличаясь кротостію и благоразуміемъ, вдругъ взяла было очень дурную привычку капризничать и спорить съ меньшею сестрой своей, чѣмъ совершенно портила данную ей Богомъ кротость и добрый нравъ. Я это замѣтилъ ей, и вотъ съ нѣкотораго времени она исправилась и сдѣлалась милой, доброй дѣвочкою. За это я избираю ее сегодня въ мои дамы.

— Счастливая Катенька! закричали всѣ, - но мы этому рады, потому что очень ее любимъ!

— Посадите нашу героиню на торжественную колесницу, сказалъ Николинька, приподнявъ тоненькую, легенькую Катеньку, и всѣ дѣти понесли ее и посадили въ кабріолетъ подлѣ дѣдушки; а потомъ, по приглашенію добраго старичка, размѣстились сами на линейкахъ, и дѣдушка впереди всего поѣзда выѣхалъ за ворота съ своей дамою, которая не помнила себя отъ радости. Они отправились не въ ближнюю церковь, какъ думали, а въ отдаленный Выдубицкій монастырь, слѣдовательно, имъ должно было проѣхать чрезъ весь городъ и еще три версты далѣе за св. лавру. Однако они не опоздали и вошли въ церковь при самомъ началѣ обѣдни.

Не нужно повторять, какъ хорошо всѣ дѣти стояли, какъ усердно молились; это также вошло въ благодатную привычку и сдѣлалось собственнымъ желаніемъ каждаго; оттого такъ скоро и исправлялись они отъ дурныхъ наклонностей; все у нихъ шло съ успѣхомъ и всѣ они были веселы, — самъ Богъ помогалъ имъ.

По окончаніи обѣдни дѣдушка повелъ общество свое

по монастырю и началъ обыкновенную свою бесѣду, разсказывая имъ о всемъ достойномъ примѣчанія.

— Мы находимся теперь, друзья мои, въ Выдубицкомъ монастырѣ. Посмотрите, какъ живописно онъ расположенъ между горъ, надъ самымъ Днѣпромъ и окруженъ плодовидыми садами. Въ книгѣ «Синопсисъ» говорится, что монастырь этотъ получилъ свое названіе отъ слѣдующаго обстоятельства: когда св. Владиміръ, принявъ крещеніе, низпровергъ идоловъ и главнаго изъ нихъ Перуна велѣлъ бросить въ Днѣпръ; то этотъ деревянный истуканъ поплылъ внизъ по теченію рѣки, а глупый народъ бѣжалъ по берегу и кричалъ: Выдыбай, нашъ боже, выдыбай! (т. е. выходи); теченіе рѣки принесло его наконецъ къ этому берегу, и построенный здѣсь монастырь названъ Выдубицкимъ. Сначала тутъ была выстроена одна церковь Архангела Михаила; а въ 1071 году великій князь Всеволодъ Ярославичъ устроилъ монастырь съ каменною церковью св. Михаила, стоящею на утесѣ надъ самымъ Днѣпромъ. По имени этого князя онъ долго назывался Всеволожимъ. Вблизи отъ него находился красный дворецъ великаго князя, въ которомъ собирались сеймы княжескіе, при Великомъ Мономахѣ. — По прошествіи 111 лѣтъ, великій князь Рюрикъ Ростиславичъ возобновилъ обитель и обнесъ ее каменною стѣною для защиты отъ набѣговъ половецкихъ; но Монголы вскорѣ обратили его въ развалины, потомъ овладѣли имъ Уніяты, и уже митрополитъ Петръ Могила возвратилъ его православію.

Въ этомъ монастырѣ, кромѣ выше упомянутой церкви, есть еще другая, во имя великаго мученика Георгія побѣдоносца, построенная въ 1686 году казачьимъ полковникомъ Миклашевскимъ.

Мѣсто для монастыря выбрано самое уединенное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое прекрасное. Посмотрите, какъ жи-

вописно окружаютъ его эти горы, какъ бы отдѣляя отъ мірской суеты и открывая ему одну восточную сторону, по направленію которой устраиваются святые алтари нашей православной церкви; это какъ будто напоминаетъ инокамъ, куда должны непрестанно стремиться всѣ ихъ мысли. Внизу глубокой долины протекаетъ Днѣпръ, и видъ на него очарователенъ, особенно если взойти на одну изъ горъ, возвышающихся надъ монастыремъ. Эти отдѣльные холмы покрыты рощами, цвѣтущими кустарниками и фруктовыми садами, между которыми въ различнымъ направленіяхъ вьются мягкія лужайки и зеленыя тропинки, то возвышающіеся, то понижающіеся среди холмовъ, чѣмъ измѣняютъ видъ на каждомъ шагу и приводятъ васъ въ изумленіе. Дѣйствительно, предки наши хорошо понимали ту простую истину, что созерцаніе природы возвышаетъ душу и приводитъ ее отъ удивленія премудрости Божіей къ искренней любви къ Творцу такого прекраснаго міра! Потому, конечно, всѣ древнія обители расположены на самыхъ лучшихъ и красивыхъ мѣстахъ. Многіе изъ важныхъ лицъ жившихъ въ Кіевѣ погребены въ этомъ монастырѣ.

Недалеко отсюда, по теченію рѣки къ югу, находится Китаевская пустынь, получившая свое названіе отъ Андрея Юрьевича Боголюбскаго, извѣстнаго въ простонародіи подъ именемъ *Китая*. Онъ выстроилъ на этомъ мѣстѣ загородный домъ; впослѣдствіи устроена была тутъ иноческая обитель раззоренная потомъ Татарами, и уже въ началѣ XVIII столѣтія она возобновлена княземъ Голицинымъ, кіевскимъ намѣстникомъ, во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца и выстроена новая каменная церковь св. Троицы, съ тремя придѣлами святителей московскихъ. Эта пустынь еще уединеннѣе и стоитъ среди лѣсу и горныхъ ущелій.

На разстояніи четырехъ верстъ отъ нея есть еще дру-

гая пустынь, называемая *Голосѣевскою.* Митрополитъ Петръ Могила выстроилъ въ ней деревянную церковь во имя св. великомученика Іоанна Сочавскаго, которая построена вновь въ 1831 году, и въ ней хранится часть мощей этого святаго.

Въ 17 верстахъ отъ Кіева лежитъ извѣстный въ лѣтописяхъ нашихъ Вышгородъ, любимое село Ольги, на высокой горѣ, называемой *Хоревицею.* Во времена Ярослава это село было обращено въ уѣздный городъ и составляло особое княжество. Долго жила тутъ блаженная Ольга и любовалась очаровательнымъ видомъ на Кіевъ и на все отдаленное теченіе величественной рѣки; но теперь не осталось въ немъ и слѣдовъ ея жилища. Полагаютъ, что Вышгородъ выстроилъ Олегъ и отдалъ его въ вѣно св. Ольгѣ, супругѣ Игоря. Владиміръ соорудилъ въ немъ, въ 989 году, деревянную церковь, во имя св. Василія, въ которой послѣ положены были мощи св. князей Бориса и Глѣба. Въ 1085 году, Святославъ, князь черниговскій, построилъ въ Вышгородѣ великолѣпную каменную церковь, въ которую были перенесены и мощи святыхъ мучениковъ. Въ 1115 году, во время нашествія Татаръ, эти мощи были скрыты неизвѣстно гдѣ, а церковь раззорена совершенно. Теперешняя деревянная церковь, во имя св. Бориса и Глѣба, построена на ея развалинахъ; въ ней хранится мѣстная икона Спасителя изъ иконостаса древней Вышгородской церкви, съ глубокою язвою на ликѣ, которая нанесена рукою нечестивыхъ Татаръ въ 1662 году. Здѣсь празднуется, 24 Іюля, день памяти св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣбо и бываетъ большое стеченіе народа. Подлѣ алтаря, съ давнихъ временъ, сохранился священный колодезь, бывшій подъ основаніемъ прежняго храма; благочестивые богомольцы черпаютъ изъ него воду съ вѣрою и получаютъ исцѣленіе.

Невдалекѣ оттуда находился, между горами, въ глубокомъ ущельи, среди живописной долины, бывшій Межигорскій монастырь, основанный Греками въ началѣ XV вѣка. Великій князь Андрей Боголюбскій въ 1164 году построилъ здѣсь на горѣ великолѣпную церковь Преображенія Господня, которая называлась Бѣлый Спасъ, и при ней былъ монастырь, совершенно раззоренный во время нашествія татарскаго. Спустя три вѣка послѣ того, нѣсколько греческихъ иноковъ пріютились въ горномъ ущельи на берегу Днѣпра и положили основаніе обители. Въ 1690 году, патріархъ московскій Іоакимъ построилъ въ Межигорской обители каменную церковь Преображенія Господня. Другая церковь св. апостолъ Петра и Павла воздвигнута кошевымъ атаманомъ Кальнишевскимъ, въ 1774 году.

Въ 1786 году, обитель Межигорская совершенно истреблена пожаромъ и упразднена; а съ 1798 года, заведена тамъ фабрика фаянсовыхъ издѣлій, извѣстныхъ въ Россіи подъ именемъ кіевской посуды.

Здѣсь мѣстоположеніе такъ красиво, что считается лучшимъ изъ всѣхъ живописныхъ окрестностей очаровательнаго Кіева! Когда нибудь съѣздимъ и туда, друзья мои, чтобы осмотрѣть фабрику и насладиться красотою природы; но сегодня уже поздно, солнце садится, а намъ надобно до ночи вернуться домой.

Всѣ сѣли въ экипажи и поѣздъ отправился въ Кіевъ.

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Роща Шулявча. — Казенный виноградный садъ. — Комендантскій садъ.

Въ слѣдующее воскресенье дѣдушка опять пригласилъ своихъ друзей обѣдать, и потомъ въ нѣсколькихъ экипажахъ отправился съ ними по гуляньямъ.

Сперва поѣхали они въ извѣстную березовую рощу, называемую *Шулявчиною*, гдѣ каждый годъ бываетъ гулянье 1 мая. Оттуда отправились въ казенный виноградный садъ, гдѣ прежде разводилось множество виноградныхъ лозъ, для выдѣлыванія вина; тамъ также посажены шелковичныя деревья, для разведенія шелковичныхъ червей и обработыванія шелку; но этотъ садъ теперь совершенно запущенъ, и шелководствомъ занимается въ немъ только одинъ частный человѣкъ единственно изъ любви къ этому роду занятій.

— Въ высшей степени, — сказалъ дѣдушка, — замѣчательны превращенія, которымъ подвергается шелковичный червь, это маленькое, ничтожное насѣкомое. Шелковичный червь раждается изъ крошечнаго яичка, положеннаго бабочкою на листочкѣ шелковицы. Достигнувъ извѣстнаго возраста, назначеннаго ему природою, онъ самъ завертывается въ клубочекъ или, такъ называемый, коконъ и, пробывъ въ

немъ нѣкоторое время, прогрызаетъ его и вылѣтаетъ небольшою толстенькою бабочкою, которая снова кладетъ яички и умираетъ. Занимающіеся шелководствомъ собираютъ эти клубочки или коконы, бросаютъ ихъ въ горячую воду и до тѣхъ поръ мѣшаютъ метелочкой изъ тонкихъ прутьевъ, пока клубочки, распускаясь въ водѣ, не начнутъ разматываться. Такимъ образомъ собираютъ самый тонкій и крѣпкій шелкъ, который, смотря по надобности, сматываютъ въ нѣсколько болѣе или менѣе тонкихъ нитокъ. Но это еще, такъ называемый, *сырецъ,* который потомъ нужно еще варить, красить и только тогда можно выдѣлать настоящій шелкъ, годный для тканья разныхъ дорогихъ матерій. Шелковичное дерево, которымъ питаются эти червячки, съ успѣхомъ разводится въ здѣшнемъ климатѣ; на видъ оно очень красиво, будучи покрыто кудрявою зеленью, смѣшанною съ цвѣтами и ягодами.

Окончивъ разсказъ о шелководствѣ, дѣдушка отправился со всѣми своими слушателями въ другой садъ, называемый *Комендантскимъ,* лежащій за крѣпостнымъ валомъ печерской лавры, гдѣ Кіевскія горы оканчиваются плоскою низменностію, по которой протекаетъ Днѣпръ. Весь садъ живописно расположенъ на возвышенности, съ которой открывается великолѣпный видъ на всю необъятную заднѣпровскую страну.

— Мы теперь, друзья мои, сказалъ дѣдушка,—стоимъ на такой возвышенной плоскости, оканчивающейся обрывистымъ утесомъ, что широкій Днѣпръ кажется намъ небольшою рѣкой. Когда прежде на этомъ мѣстѣ находился плавучій мостъ, то было даже странно смотрѣть, какой узенькой дощечкой представлялся онъ съ этой высоты; а люди, идущіе чрезъ него, казались настоящими муравьями. Плавучій мостъ теперь снятъ съ этого мѣста, потому что, какъ вы знаете, въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда

вверхъ по Днѣпру въ настоящее время устроенъ постоянный громадный мостъ, который уже не нужно разводить во время разлива весною, какъ это дѣлали съ прежнимъ. Теперешній мостъ построенъ на каменныхъ устояхъ съ гранитными столбами, которые поддерживаютъ прикрѣпленныя къ нимъ желѣзныя цѣпи; кольца этихъ цѣпей необыкновенной величины, и на нихъ-то виситъ весь мостъ,— я думаю вы его видѣли?

— Да, милый дѣдушка, и не одинъ разъ! воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Очень хорошо, друзья мои. Да и странно было бы проживая въ Кіевѣ, не видѣть такого рѣдкаго произведенія силы и ума человѣческаго, преодолѣвшаго посредствомъ науки и искусства чрезвычайныя препятствія, представляемыя самой природой. Но мало видѣть одну наружность воздвигнутой постройки; надобно знать и нѣкоторыя подробности: когда именно онъ построенъ, кѣмъ и по чьему приказанію. Кто изъ васъ можетъ отвѣчать мнѣ на эти вопросы?

— Я, милый дѣдушка, сказалъ Николинька. Увидѣвъ рисунокъ въ «Художественномъ Листкѣ», съ приложеннымъ описаніемъ его открытія, я записалъ подробности, которыя угодно вамъ знать, именно, — тамъ сказано, что «по повелѣнію Государя Николая Павловича составленъ былъ англійскимъ инженеромъ Карломъ Виньелемъ планъ цѣпнаго моста чрезъ Днѣпръ, на каменныхъ устояхъ. По этому плану приступили къ постройкѣ моста ниже впаденія рѣки Черторыи въ Днѣпръ. Въ 1843 году, 28 сентября онъ былъ освященъ. Направленіе его прямое, какъ натянутая струна, идущая по громаднымъ гранитнымъ устоямъ. При постройкѣ его встрѣчались страшныя препятствія, частію отъ разлива Днѣпра, простирающагося иногда на десять верстъ, частію отъ нетвердости дна его и так-

же отъ измѣнчивости его русла, по которому течетъ эта своенравная рѣка. *)

— Спасибо, Николинька, что такъ хорошо помнишь и замѣчаешь интересныя вещи; этимъ способомъ многому научишься. Что для другихъ пройдетъ незамѣченнымъ; то для тебя послужитъ въ большую пользу. Но возвратимся къ нашему Комендантскому саду.

Въ немъ растетъ множество различныхъ фруктовыхъ деревьевъ: грушъ, абрикосовъ, грецкихъ орѣховъ и также много красивыхъ, цвѣтущихъ кустарниковъ, среди кудрявыхъ липъ, развѣсистыхъ дубовъ и тонкихъ тополей. Хорошо отдѣланныя дорожки извиваются по горамъ между богатою зеленью и разнородными красивыми цвѣтами; во многихъ мѣстахъ сдѣланы скамеечки и бесѣдки, и каждая изъ нихъ представляетъ вамъ новый прелестный видъ.

Прекрасный садъ и великолѣпный видъ съ него до того оживилъ и привелъ въ восторгъ милыхъ дѣтей нашихъ, что трудно было удержать ихъ на одномъ мѣстѣ, послѣ окончанія дѣдушкина разсказа. Всѣ они разбѣжались по саду, осматривали каждый живописный его уголокъ, наслаждались его прелестями и до того увлеклись гуляньемъ, что дѣдушка, съ помощію старшихъ братцевъ и сестрицъ, едва могъ собрать ихъ на террасу, гдѣ былъ приготовленъ чай и закуска изъ фруктовъ. Позади за террасою идетъ крутой и высокій крѣпостной валъ нѣсколькими уступами. Если взлѣзть на эту прямоотвѣсную гору, то съ ней будутъ видны только однѣ верхушки огромныхъ дубовъ и тополей Комендантскаго сада; а вдали за идущими еще выше крѣпостными возвышеніями блистаютъ золотыя главы и кресты лавры. Всѣ укрѣпленія чрезвычайно гладко устланы густымъ, зеленымъ дерномъ, какъ бы мягкимъ

*) «Художественный Листокъ». № 33. 20 Ноября.

бархатнымъ ковромъ. Чудная картина представлялась съ этихъ возвышенностей. Выпросивъ позволеніе у дѣдушки, всѣ старшіе мальчики и даже нѣкоторыя изъ дѣвочекъ начали карабкаться на гору, по узенькимъ, кой-гдѣ протоптаннымъ тропинкамъ, вкось по валу; иначе невозможно бы было туда взобраться. Старичокъ, оставшись внизу съ меньшими дѣтьми, только кричалъ: осторожнѣе, мои друзья! но проворныя дѣти скоро вскарабкались, и восхищались открывшеюся передъ ними картиною; однако, чтобы не обезпокоить дѣдушки, они недолго оставались тамъ и, очень осторожно спускаясь, благополучно сошли внизъ, а потомъ, обошедши съ дѣдушкой весь садъ, вышли на то мѣсто, гдѣ дожидались ихъ экипажи.

Такъ кончился этотъ день, посвященный кіевскимъ гуляньямъ. Нашъ добрый старичокъ очень усталъ; но для пользы милыхъ своихъ малютъ онъ всегда готовъ былъ жертвовать собою,—такъ нѣжно любилъ онъ ихъ! За то и они отвѣчали ему тѣмъ же, — и вы можете представить, какъ эти добрыя дѣти благодарили дѣдушку, чувствуя въ полной мѣрѣ, какъ много онъ для нихъ дѣлалъ! Они одного только опасались, чтобы не прекратились занимательныя для нихъ его бесѣды.

— Вотъ уже дѣдушка разсказалъ намъ о всемъ замѣчательномъ въ Кіевѣ; вотъ уже и окрестности его мы знаемъ,—говорили дѣти между собою.—Ахъ! скоро должны кончиться наши занимательныя бесѣды! — прибавляли они, вздыхая.

Однако дѣдушка, прощаясь съ ними, пригласилъ ихъ и на будущее воскресенье, что утѣшило ихъ чрезвычайно, и они весело разстались.

ВЕЧЕРЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТЫЙ.

Кинь-грусть.

Воскресенье наступило, дѣти собрались къ дѣдушкѣ и, отобѣдавъ съ нимъ ранехонько, ожидали, чѣмъ и гдѣ начнетъ онъ свою бесѣду: дома ли онъ будетъ занимать ихъ своими разсказами, или повезетъ ихъ куда нибудь? Никто не дѣлалъ ему вопросовъ, опасаясь высказать нетерпѣніе; но взоры всѣхъ ясно выражали скрытое любопытство.

Сегодня, друзья мои, предлежитъ намъ далекій путь,— сказалъ наконецъ дѣдушка,— и потому поспѣшимъ въ дорогу. Еще одно прелестное мѣсто осталось неосмотрѣннымъ, и имъ-то намѣренъ я заключить наши бесѣды.

Это непріятное извѣстіе поразило дѣтей; на лицахъ ихъ обнаружилось горькое сожалѣніе о разлукѣ съ дѣдушкою; многія изъ нихъ потупили свои задумчивыя головки, а нѣкоторые чуть не заплакали отъ печали.

— Я зналъ, милые друзья мои, — сказалъ тронутый этимъ дѣдушка, — что вамъ грустно будетъ разстаться съ нашими бесѣдами, и потому нарочно къ концу приберегъ такую, которой самое названіе напоминаетъ о томъ, что не нужно грустить.

— Какъ же это? милый дѣдушка!

— Отгадайте сами, друзья мои.

Долго продолжалось молчанiе, всѣ задумались, и наконецъ Миша воскликнулъ: а, знаю,—конечно, Кинь-грусть?

— Точно, другъ мой. Я повезу васъ въ эту прелестную усадьбу г. Л...., которая чрезвычайно живописна. Великая Екатерина, во время пребыванiя своего въ Кiевѣ, была поражена красотою этого мѣста и дала ему приличное поэтическое названiе *Кинь-грусть,* то есть, отбрось всякую печаль и будь веселъ, при взглядѣ на чудную красоту природы. Я рѣшился, милые друзья мои, заключить мои бесѣды разсказомъ объ этой усадьбѣ, чтобы вамъ напомнить слова Великой Екатерины, совѣтующiя намъ кинуть грусть и быть веселыми. Сказавъ это, дѣдушка пригласилъ своихъ слушателей сѣсть въ экипажи, въ которыхъ они и отправились черезъ андреевскiй спускъ прямо на Кiево-Подолъ; потомъ продолжали путь среди красивыхъ дачь и загородныхъ домовъ, окруженныхъ тополями, и достигли наконецъ очаровательной усадьбы г. Л...., почтеннаго добраго старичка, который чрезмѣрно ласково принялъ гостей нашихъ и просилъ гулять, сколько угодно, по всѣмъ садамъ и оранжереямъ съ условiемъ—непремѣнно послѣ гулянiя прiйти къ нему въ домъ пить чай, кушать кислое молоко и фрукты. Дѣдушка, принявъ это условiе, повелъ свое общество по обширной дачѣ.

Долго любовались они прудомъ, находящимся близъ дома, въ тѣни развѣсистыхъ деревъ; по зеркальной поверхности этого пруда плавали величественные, бѣлые какъ снѣгъ лебеди; потомъ осматривали прекрасно расположенный садъ, съ его отлично отдѣланными широкими дорожками, обсаженными безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ всякаго рода, съ бесѣдками, мостиками и другими сельскими затѣями. Были также наши посѣтители и въ большихъ каменныхъ оранжереяхъ, въ которыхъ разводилось множество рѣдкихъ растенiй стараго и новаго свѣта. О

фруктахъ уже и говорить нечего, — такое ихъ множество, начиная съ ананаса, этого царя плодовъ и до брусниковой смородины.

Каждое воскресенье и праздники кіевляне ѣздятъ гулять въ Кинь-грусть. Для того, чтобы всѣ, даже и незнакомые хозяину, могли пользоваться обширными садими красивой усадьбы, — добрый хозяинъ распорядился такъ, что за ничтожную плату всякій можетъ получить туда пропускъ и гулять гдѣ угодно. Тамъ, въ нарочно устроенной посрединѣ сада, большой галлереѣ, убранной растеніями и цвѣтами, можно заказывать себѣ какой угодно обѣдъ, ужинъ, чай и проч., слушать хорошую игру военнаго оркестра и танцовать сколько угодно, не безпокоя хозяина, который, по смерти своей любимой жены, впалъ въ жестокую болѣзнь, разбитъ параличемъ и, лишившись употребленія ногъ, живетъ въ уединеніи только для того, чтобы помогать всѣмъ бѣднымъ и несчастнымъ, разливая благотворенія и на собственныхъ крестьянъ и дворовыхъ, любящихъ его, какъ отца. Деньги, собираемыя съ многочленныхъ посѣтителей его дачи, употребляются на поддержку того порядка и чистоты въ саду, какую вы всегда найдете тамъ. Тутъ же, недалеко отъ дому возвышается, такъ называемая, Княжая гора, крутая и какъ бы обточенная со всѣхъ сторонъ; на ней проведена дорожка винтомъ, отъ подошвы горы до верху, гдѣ выстроена бесѣдка совершенно открытая, съ прекрасною статуею Амура посрединѣ. Оттуда-то виднѣется предъ вами, на разстояніи десяти верстъ, весь Кіевъ, какъ какое нибудь фантастическое явленіе, носящееся надъ землею въ туманныхъ облакахъ, съ ярко блистающими златыми главами многочисленныхъ церквей. Разсказываютъ, что князья кіевскіе нарочно пріѣзжали сюда любоваться издали на свою столицу, и отъ того прозвали гору *Княжою*.

Въ срединѣ сада до сихъ поръ еще стоитъ нѣсколько столѣтнихъ дубовъ, подъ тѣнію которыхъ Великая Екатерина кушала чай, во время великолѣпнаго праздника, который князь Потемкинъ-Таврическій дѣлалъ въ честь своей Государыни, на этой прелестной дачѣ, когда она проѣзжала въ покоренный имъ Крымъ. Съ тѣхъ поръ данное ею названіе этой дачѣ «Кинь-грусть» осталось на всегда за нею.

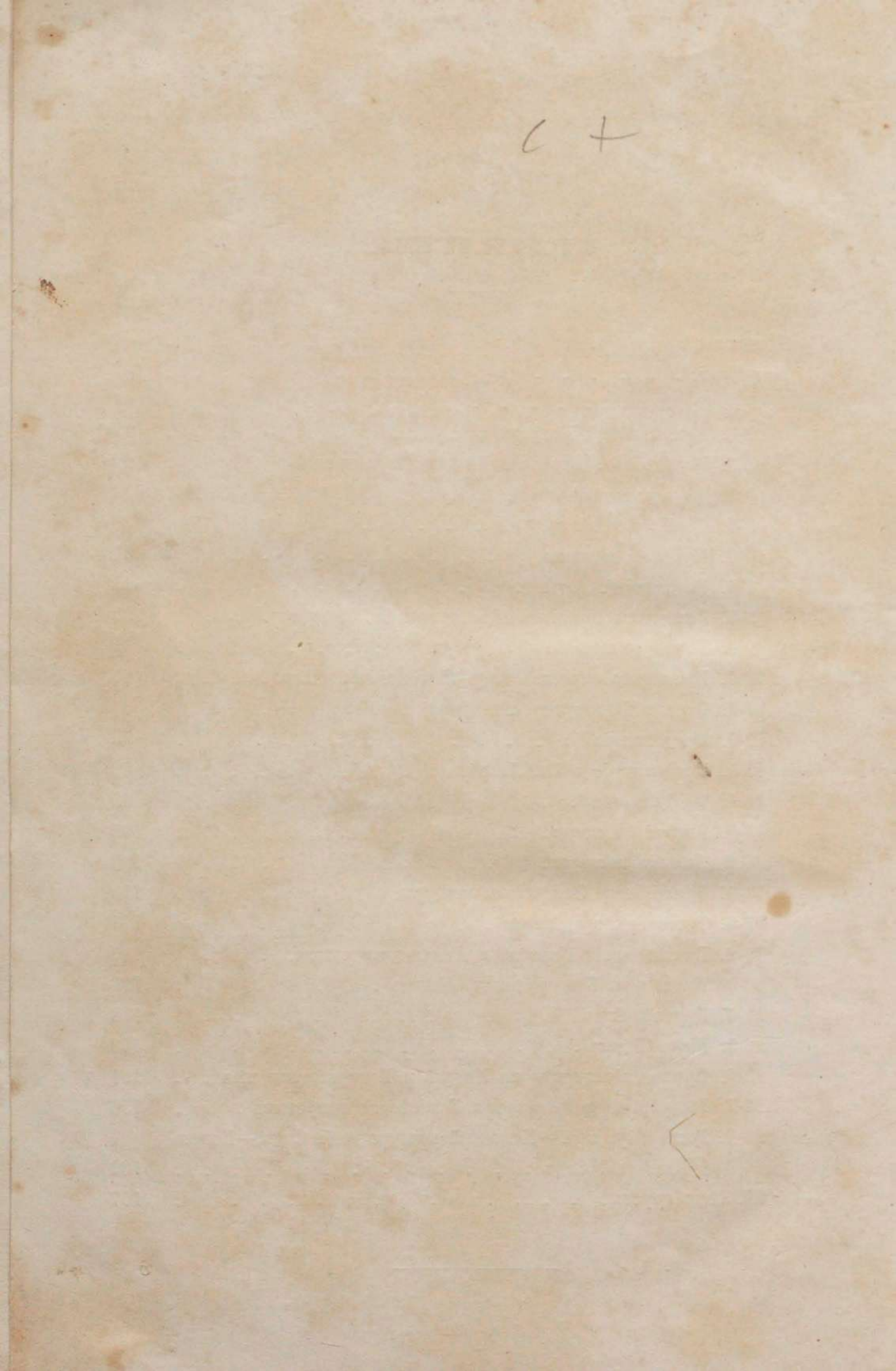
Осмотрѣвши все, что было болѣе интереснаго въ саду, дѣдушка съ своими спутниками возвратился въ домъ г. Л...., гдѣ ожидало ихъ отличное угощеніе: чай, шеколадъ, оршадъ, всевозможные фрукты, мороженное, кислое молоко, сухіе конфекты, разныя варенья,—словомъ все, что только можетъ выдумать прихотливое лакомство. Къ тому же, такъ ласково, съ такимъ радушіемъ гостепріимный хозяинъ просилъ своихъ гостей кушать, что кому угодно. Дѣдушку посадилъ онъ на диванъ рядомъ съ своимъ кресломъ; они стали разговаривать между собою; дѣтямъ дана была полная свобода, и они принялись играть, бѣгать, танцовать въ большой, хорошо освѣщенной залѣ и уже поздно вечеромъ, при лунномъ сіяніи, возвратились въ городъ.

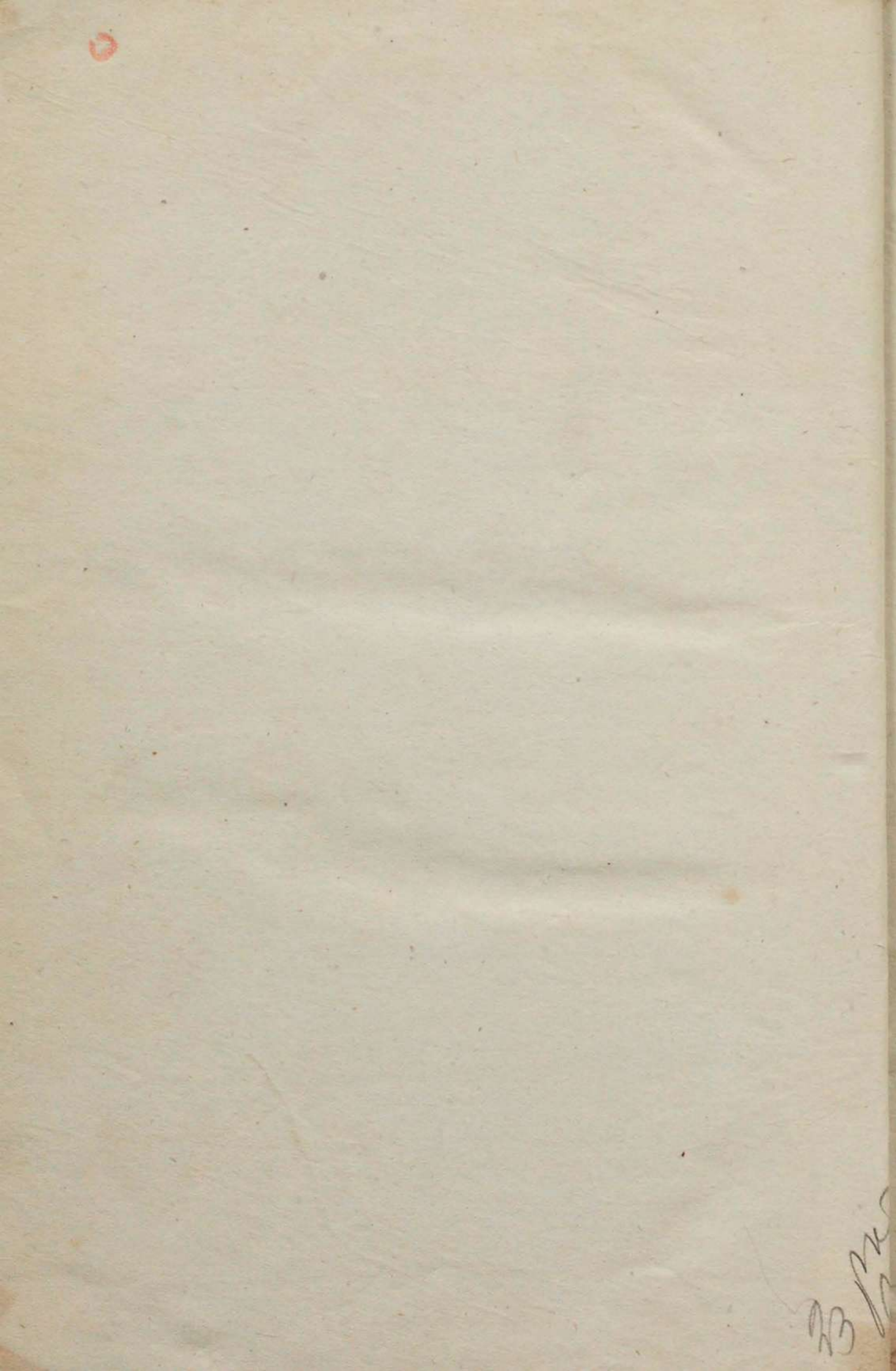
Это былъ послѣдній разсказъ дѣдушки о древней столицѣ русской. Разсказомъ этимъ кончилъ онъ рядъ тѣхъ бесѣдъ, которыя, втеченіи двадцати шести вечеровъ, выслушивали добрыя дѣти съ примѣрнымъ усердіемъ и охотою. Честь и слава милымъ дѣтямъ; честь и слава усердію и труду ихъ! Благодаря дѣдушкѣ и своей доброй волѣ, они пріобрѣли теперь много дѣльныхъ и полезныхъ свѣдѣній о Кіевѣ и его достопримѣчательностяхъ. Свѣдѣнія эти очень много принесли имъ пользы. Онѣ просвѣтлили въ глазахъ дѣтей все то, на что прежде смотрѣли равнодушно и безъ сознанія. А это дѣло очень важное; потому что оно развило въ нихъ любознательность, которая съ

этого времени заставитъ ихъ ко всему присматриваться, во все вникать, надъ всѣмъ наблюдать, и такимъ образомъ расширить кругъ своихъ познаній объ окружающей ихъ природѣ и ея явленіяхъ. Это поставитъ ихъ на ту степень человѣческаго достоинства, которая должна составлять предметъ стремленій каждаго человѣка. Въ своихъ понятіяхъ о предметахъ они будутъ выше и въ своей нравственности чище; потому что будутъ знать цѣну и назначеніе всего, что у нихъ будетъ предъ глазами. Они достигнутъ, наконецъ, того развитія, что будутъ въ состояніи своими собственными, самостоятельными силами разрѣшать тѣ вопросы, которые раждаются въ душѣ всякаго мыслящаго человѣка.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007097487